РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 11(119)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.
Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich's Periodicals Directory” и в базе данных EBSCO
Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
© Все права защищены

Главный редактор: **Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: **Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);
Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);
Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: **Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: **Mereshkin D. E.** — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St.Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

11 МЕРКУЛОВ В. М.
Методы и формы координации

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

24 ВАСИЛЬЕВА Ю. В.
Сравнительный анализ правовых оснований, регулирующих принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, предусмотренных Федеральными законами от 28.08.1995 № 154-ФЗ и 06.10.2003 № 131-ФЗ

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

35 ШАМАХОВ В.А., МЕЖЕВИЧ Н.М.
Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики

44 ЦАЦУЛИН А. Н.
Оценочные технологии в сфере обращения предметов искусства (история оценки рыночной стоимости одной русской картины)

59 ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.
Особенности формирования инновационной экономики в некоторых азиатских странах: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации

71 КУЗЬМЕНКОВ А. М., ПЛОТНИКОВ В. А., РУКИНОВ М. В.
Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты

81 ЕЛСУКОВ М. Ю., АМИРОВ Р. Р.
Государственное управление занятостью населения в условиях кризиса экономики

101 ДЕГТЯРЕВА О. В.
Социопсихологические и гендерные факторы, повлиявшие на симпатии и антипатии избирателей к кандидатам в президенты Ю. Тимошенко и В. Януковича

109 РОДИОНОВА Е. С., САУРЕНКО Т. Н., АНИСИМОВ В. Г., АНИСИМОВ Е. Г.
Модель и метод календарного планирования логистических процессов перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса

119 ЩЕРБАКОВА Д. В., МЕДВЕДЬ А. А.
Факторы инвестиционной привлекательности регионов России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

132 ИСАЕВ А. П., ВАСИЛЬЕВА Т. В.
Национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России

139 БАРАБАНОВ А. А., КАЙНОВ В. И.
Третейский суд как альтернативный способ разрешения споров в сфере бизнеса: история и современность

145 АНТОНЧЕВА О. А., АПАНАСЕНКО Т. Е.
Социализация земельной ренты как способ реконструкции социальной структуры в интересах обеспечения экономической эффективности

156 ГУЩ В. В., ПРОШИНА Е. М.
Пенсионная реформа: взгляд из регионов

166 СЕРГЕЕВА О. Е., ЛАЗАРЕВА Е. Н.
Комфортная городская среда как определяющий фактор развития мегаполисов

A LINEA

174 ЗНАМЕНЩИКОВ А. О.
Севастополь как камень преткновения «Большого договора»

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

186 КАШКИН С. Ю.
Противодействие насильственному экстремизму. Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире»

EDITOR'S COLUMN

8 **FROM THE CHIEF EDITOR**

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

11 **VICTOR M. MERKULOV**
Coordination Methods and Forms

POLICY AND LAWFUL STATE

24 **YULIA V. VASILYEVA**
The Comparative Analysis of the Legal Bases Regulating the Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation, Provided By the Federal Law of 28.08.1995 N 154-FZ and the Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ

POWER AND ECONOMY

35 **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Analysis of Economic Model of Republic of Belarus: Context of the Baltic States

44 **ALEXANDER N. TSATSULIN**
Evaluation Technologies in the Sphere of the Circulation of Art Objects (History of Assessing the Market Value of a Russian Painting)

59 **NATALYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDER V. LABUDIN**
Peculiarities of the Formation of the Innovative Economy in Some Asian Countries: Learning of Experience for the Russian Federation

71 **ALEKSANDR M. KUZMENKOV, VLADIMIR A. PLOTNIKOV, MAKSIM V. RUKINOV**
National Economic Security and its Military Political Aspects

81 **MIKHAIL Yu. ELSUKOV, RAVIL R. AMIROV**
State Management of the Employment in the Conditions of the Economic Crisis

101 **OLGA V. DEGTIAREVA**
Sociopsychological and Gender Factors Influenced the Likes and Dislikes of Voters Towards Presidential Candidates Y. Tymoshenko and V. Yanukovych (Based on the Survey Results in Kharkov, Dnepropetrovsk and Donbas Cities, 2010)

109 **EVGENIA S. RODIONOVA, TATYANA N. SAURENKO, VLADIMIR G. ANISIMOV, EVGENY G. ANISIMOV**
Model and Method of Calendar Planning of Logistic Processes of Enterprises of Agricultural Complex

119 **DARIA V. SHCHERBAKOVA, ANNA A. MEDVED**
Factors of Investment Attractiveness of Russian Regions

SOCIETY AND REFORMS

132 **ALEXEY P. ISAEV , TATYANA V. VASILYEVA**
National Peculiarities of Business in the Market of Mobile Commerce of Russia

139 **ANTON A. BARABANOV, VLADIMIR I. KAYNOV**
Referees Court as an Alternative Way of Settlement of Disputes in the Sphere of Business: History and Present

145 **OLGA A. ANTONCHEVA, TATIANA E. APANASENKO**
Socialization of a Land Rent as a Way of Reconstruction of Social Structure for the Benefit of Ensuring Cost Efficiency

156 **VLADIMIR V. GUSHCH, ELENA M. PROSHINA**
Pension Reform: View from the Regions

166 **OKSANA E. SERGEEVA, ELENA N. LAZAREVA**
Comfortable urban environment as the determining factor of the development of megapolises

A LINEA

174 **ARTEM O. ZNAMENSHCHIKOV**
Sevastopol as a Stumbling Block of the «Big Treaty»

SCIENTIFIC LIFE

186 **SERGEY Yu. KASHKIN**
Countering Violent Extremism. Review of the monograph «Extremism in the Modern World»

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-8-10

От главного редактора

Экономическая интеграция — ключевая тенденция нашего времени. Это очевидно, несмотря на то, что интеграционные процессы в Европе в последние годы демонстрируют не достижения, а поражения. Причины этого явления многообразны.

Первая. «Эйфория Запада, расценившего успех в конфронтации 1940–1980-х годов как неопровержимое доказательство собственного морально-политического превосходства. Стремление России взять реванш за головокружительный обвал с вершины сверхдержавного могущества на уровень чуть ли не второразрядной страны-инвалида»[1]. Добавим, то, что в уходящем 2018 году в качестве «союза-инвалида» следует позиционировать именно Европейский союз. Экономическое содержание входит в противоречие с политическими практиками Брексита. Впрочем, еще в 1973 г., при «приеме» Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в ЕЭС, французские эксперты указывали на то, что Британия идет в Европу, чтобы развалить ее изнутри.

Вторая. Без СССР США не могли бы обеспечить себе господство над Европой и миром. Само понятие «Запад» создано ялтинско-потсдамской практикой. Так появились первые и наиболее значимые предпосылки для европейской интеграции. Далее, единство евро-атлантического Запада после холодной войны было укреплено за счет «коллапса советского блока, объединения Германии, распада Советского Союза, хаотических территориальных размежеваний на Балканах»[2].

Третья. С точки зрения экономики, или, еще точнее, экономической теории любой чужой неконтролируемый рынок — поле конкурентной борьбы. Иное экономическое интеграционное объединение ограничивает возможности роста своего интеграционного проекта. Именно поэтому объединенной Европе не нужна на Востоке никакая интеграция, будь то элементарная — таможенная или универсальная — «экономический союз». С экономической точки зрения Европе нужна контролируемая периферия как устойчивый рынок сбыта с минимальными поли-

[1] *Лукьянов Ф.* Война за европейское наследство [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/printable/2015/02/25/lukjanov.html

[2] Border and Territorial Disputes / Ed. by J. Allcock, C. Arnold, A. J. Day. London, 1992. P. XL

тическими амбициями. При этом объем рынка естественно зависит от уровня благосостояния населения.

Четвертая. В Европе в начале 1990-х годов был осуществлен переход к новому качеству интеграции (трансформация Европейского экономического сообщества в Европейский союз), но затем в 1995–2013 гг. число стран-участников увеличилось почти в два раза. Таким образом осуществлять успешную интеграцию на качественно новом уровне становилось все труднее. Мировой экономический кризис четко обозначил масштаб реальных проблем Европы. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами разворачивается кризис конкретной практики ее реализации в экономической и политической сферах. В шахматах это называется «потеря качества при выигрыше темпа» — стратегия крайне опасная[1].

***

Именно этим объясняется снисходительное «членство в ЕС не является предметом для торговли», брошенное Украине. Тот факт, что все предыдущие расширения происходили на основе сложного и долгого торга — игнорируются. Воистину «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем...»[2].

К этому можно добавить то, что в настоящее время на европейском пространстве существуют два крупных интеграционных проекта. ЕАЭС стал для ЕС неожиданностью. Предлагаемое Россией объединение технологического, ресурсного и людского потенциалов ЕС и ЕАЭС изначально не интересно евроатлантической Европе. От России ждут беспрекословного признания процесса расширения как «собственного решения» «стать законной частью большой Европы». В прошлом веке подобные требования предъявляли государствам, развязавшим и проигравшим глобальные конфликты.

Столкнувшись с новым явлением — ЕАЭС, Брюссель предпочел его не замечать. Возможно, в прорывном 1988 году это бы получилось. В 2018 году политическая слепота будет стоить очень дорого.

Рассмотрим только один, санкционный, аспект проблемы. Санкции приносят Европе как минимум семь видов потерь.

1. Произведенная продукция, от которой Россия отказалась или в продаже которой отказали России, — это прямые убытки.
2. Снижение эффективности использования производственных мощностей и, соответственно, безработица.
3. Не вывезенная за рубеж продукция существенно снижает цены в странах, где она была произведена.
4. Замещение европейских товаров на российском рынке китайскими, иранскими, азиатскими. Обратная тенденция в мировой экономике отсутствует.
5. Снижение покупательной способности россиян, изменение структуры потребления — вытеснение европейской продукции. Классический пример — изменение структуры потребительского рынка автомобилей в России.
6. Санкции Европы — еще один фактор в стимулирование процесса деиндустриализации в Европе.

---

[1] *Кузнецов С. В., Межевич Н. М.* Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 г. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 58–66.

[2] *Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 132.

7. Разрушение политического и предпринимательского климата в отношениях Европы и России, существовавшего со времен Вилли Брандта и до Герхарда Шредера.

Подведем итоги.

«Римские договоры (учредительные для ЕЭС. — *прим. В. Ш.*) действительно носили новаторский, почти революционный характер. Еще не заросли многие раны Второй мировой войны. Но страны, подписавшие договоры, сумели проявить политическую волю, чтобы, преодолев груз прошлого, выработать солидарную стратегию сотрудничества и интеграции»[1]. Однако затем, в конце XX века блестящая европейская идея попала в руки людей, не способных уберечь наследие Ж. Моне и Р. Шумана и не понимающих того, что изменение внешних условий интеграции влияет на характер и темпы европейской интеграции. Сегодня интеграция — не набор выверенных шаблонов, а постоянный поиск компромиссов между Западом и Востоком, между Севером и Югом Европы. Такой Европе можно предъявлять условия. США это и делают, используя классическую формулу «от Дона Корлеоне», «предложения, от которых невозможно отказаться».

Позиция России — иная. Мы исходим из того, что «Евросоюз... несмотря на нынешние трудности, остается одним из наших главных торговых партнеров. У нас с ЕС много пересекающихся экономических интересов. Десятилетиями складывалась и наша общая транспортная, энергетическая инфраструктура»[2]. Процветание наших европейских соседей — важный фактор и наших экономических успехов. Но мы не можем согласиться с тем, что стремление к унификации, закономерное и даже целесообразное на определенном этапе интеграционного развития, постепенно превратилось в комплекс мессианского превосходства. Спроецировать эту политику на Москву и Минск уже не получится.

Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов

[1] *Путин В.В.* Полвека европейской интеграции и Россия. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24094 (25.03.2007).

[2] Выступление Президента России В. В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58037 (19.07.2018).

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-11-23

Методы и формы координации

Меркулов В. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; merkulov_victor@mail.ru

РЕФЕРАТ

Проблема координации поведения, действий и взаимодействий социальных субъектов сохраняет свою актуальность в регулировании и управлении. Методологические подходы к ее решению в различных отраслях науки и практики связывают его с обеспечением эффективности. Эффективность в управлении требует рациональности на основе разработки технологии решения задач управления. Выделение критериев классификации становится основой решения задач координации.

Ключевые слова: задачи, методы и формы координации в менеджменте и государственной администрации, рациональность и детерминация задач управления объективными и субъективными факторами, технология управления

Coordination Methods and Forms

Victor M. Merkulov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; merkulov_victor@mail.ru

ABSTRACT

The problem of behavior, action-reaction coordination remains its actuality for regulation and managing by social subjects. The decision by different methodology approaches in sciences and practice seeks its true efficiency proofing. Efficiency providing needs by management tasks technology rationality. Classifying measures became a ground coordination problem solution.

Keywords: coordination tasks, methods and forms in management and public administration, management tasks rationality and determination by objective and subjective factors, management technology

Проблема координации сохраняет свою актуальность во всех видах социальных взаимодействий благодаря сущностной связи с природой управления социальными организациями любого масштаба. Организованность как качественный признак обеспечивается организационной структурой, которая является продуктом социального регулирования и управления, а не возникает стихийно. Следовательно, организационная структура, в том числе оргструктура управления, выражает компромисс социальных интересов: интересов учредителей и рядовых участников. Поскольку структура является способом связи элементов управления, решение проблем организации обязательно требует выявления и однозначного определения всех основных элементов организационной структуры, которые и являются предметом отношений управления. К основным элементам оргструктуры управления относятся, в частности, цели, функции, задачи и обязанности. Посредством последних определяются требования к результату, состав качественных видов и направлений деятельности по достижению принятых целей (функций управления), их содержание и объем в виде задач, в том числе органов и подразделений, и виды регулярных действий руководителей и главных специалистов по решению задач и поддержанию режима управляемости. Возможно, не стоило бы останавливаться

на этих общеизвестных истинах. Однако именно задачи редко становятся предметом регламентации организационно-правового статуса органов, подразделений и должностных лиц хозяйствующих субъектов и государственных органов в России. При этом объективно возрастает необходимость и субъективно признается актуальность повышения качества и эффективности функционирования частных и государственно-муниципальных организаций. То есть решения их задач.

Другими словами, более актуальными становятся требования к рациональности регулирования и управления. Оставляя за рамками настоящей публикации обсуждение возможности достижения высоких уровней их рациональности под влиянием различных интересов, мы хотим обратить внимание на достаточно простую, по сравнению с этим, необходимость и возможность рационального определения задач как элемента организационной структуры управления и их регламентации. Если задачи исполнения многих других функций регулирования и управления описываются в учебно-научной литературе и правовых актах управления хотя бы в минимальном объеме, то задачи выполнения работ по координации описываются крайне редко даже по составу, не только по содержанию. Между тем количество статей, правовых актов и заявлений должностных лиц, предметом которых в разной связи является координация, не сокращается в объеме, что свидетельствует не только об академической актуальности темы [см., например, 2; 5; 6: 7; 9; 10; 15; 16; 21]. Рациональность и эффективность в выполнении задач управления, в том числе и координации, предполагает их выявление, разработку технологичных (стандартных) методов решения. Понятно, что на усмотрение и искусство руководителя всегда останутся задачи ситуационного типа, которые не носят стабильного повторяющегося характера и не предполагают стандартных решений. Уяснение содержания задач координации, на наш взгляд, является объективной основой выявления сущности и содержания самой функции, самой координационной деятельности, и должно уточнить их соотношение с другими основными функциями и задачами управления. В рамках этой работы мы предлагаем к рассмотрению постановку вопроса об основаниях классификации стабильных (функциональных) задач координации и методов их решения как существенных элементов технологии властной деятельности.

Различие условий (содержания) задач координации проявляет себя в составе и характере действия переменных факторов. Нам уже приходилось в рамках систематизации идей различных научных подходов к проблеме координации обращать внимание на влияние объективных различий в решаемых задачах на выбор методов, форм и средств их решения [см. 8, с. 157–169; 13, с. 144–157; 14, с. 52–63]. Профессиональный подход к управлению, как и к другой работе, предполагает стандартизацию задач, стандартизацию стандартных решений стандартных задач и стандартизацию подготовки к решению стандартных задач. В этом видели основы технологии специалисты управления еще в древнем мире (например, в военной подготовке первых профессиональных армий или разработке первых ткацких станков в Древнем Китае), а потом и в Новое время (организаторы первых машинных фабрик в Европе).

Технология государственного управления является одним из проявлений управленческой технологии в сфере отношений государственной власти. Однако специальные работы по управлению не уделяют проблематике технологии управления того внимания, которого она заслуживает объективно, в силу веса своего вклада в результат управленческого воздействия. Причин такого положения несколько. Часто предполагается, что к работе на должностях государственной службы допускаются специалисты, обладающие отраслевой подготовкой и опытом управления, а технология государственного управления имеет родство с технологией отраслевого хозяйственного управления. В авторитарных (тоталитарных) государ-

ственных системах высок уровень произвола власти, что определяет относительно низкий уровень технологизации государственного управления. Изучение технологии государственного управления сопряжено с затратами в условиях дефицита ресурсов и доступом к деликатной информации, значимой для интересов государственной безопасности и личной судьбы руководителей госорганов. Отчасти поэтому исследования технологии администрации не слишком широко распространены, а результаты немногих исследований недоступны для публики, являются собственностью заказчика. Существует много других причин того, почему технология государственного управления описывается случайным образом, часто на публицистическом уровне, а не в научных изданиях. В немалой степени этому способствует терминологическая нестрогость в учебниках и образовательных дисциплинах по менеджменту. Нередко занятые в органах хозяйственного управления и органах государственного управления не могут отличить технологию от политики, методы управления от средств и т. п. Поэтому для понимания особенностей технологических отношений и процессов в государственной администрации, стандартизации задач управления (и координации, в частности) необходимо определить исходные понятия, в которых производится описание и объяснение технологии как объекта исследования. Разумно, на наш взгляд, воспользоваться некоторыми результатами исследователей этой проблемы прежних лет.

Термин «технология» своим происхождением обязан понятию «техника», которое производно от греч. Techne — искусство, мастерство и обозначает способ добиваться чего-либо, достигать, осуществлять. Следовательно, в самом общем виде технология представляет собой отрасль знания об искусстве и мастерстве, средствах и приемах практической деятельности. Объективной основой наших представлений о способах и приемах деятельности являются соотношения, устанавливающиеся между элементами практической деятельности человека. От характера этих объективных отношений и соотношений зависит их образ в нашем сознании и его рациональное выражение. Однако способ видения объекта различен у представителей отдельных отраслей науки и практики. Поэтому в специальной литературе существуют отличающиеся точки зрения на сущность и содержание технологии управления, но доминирующей является интерпретация ее в инженерно-техническом смысле, особенно в описаниях технологии управления материальным производством.

Особенности технологических отношений имеют объективную обусловленность: а) природой объекта преобразования, характером конкретного предмета деятельности; б) изменением характера конечного продукта процесса труда; в) функциональной структурой процесса труда; г) уровнем и характером технических средств труда; д) изменением «механизма» связи науки и техники в зависимости от их уровня и характера развития; е) способностями и возможностями работников, входящих в состав работающей организации технологических отношений; ж) природой социальных отношений, влияющих на характер изменения названных факторов [19, с. 11].

Технология управления предполагает также установление временных, пространственных и причинно-следственных соотношений между элементами деятельности. Содержательные характеристики технологии управления обычно связывают с основным предметом управленческой деятельности — информацией.

Как считает Ф. М. Русинов, технология управления должна создавать и воспроизводить взаимосвязь организационной структуры управления, структуры управленческих работ (методов и техники управления), но формирование и проектирование этих связей не входит в содержание технологии управления. Думается, что технология управления определяется требованиями организационной структуры управления к режиму трудовой деятельности и ее условиям, содержанию методов и при-

емов управленческого воздействия. Логично было бы в содержание технологии управления включить знание о том, как организовать и осуществить управляющее воздействие. Наиболее полное определение, которое дает Ф. М. Русинов, на наш взгляд, предполагает именно такую интерпретацию содержания понятия: «Под технологией управления следует понимать совокупность знаний о сущности организационного механизма действия системы управления: методов и приемов действия управленческих работников по сбору, обработке и передаче информации, необходимой для подготовки, принятия и реализации решений с использованием технических средств... Технология управления включает в себя описание этих методов и приемов в виде инструкций, графиков, чертежей, информационных и организационных процедур, а также самые процессы обработки фиксированной и нефиксированной информации... Сущность технологии управления заключается в установлении организационного порядка в системе и определении рациональной последовательности выполнения управленческих работ» [19, с. 18, 35].

Следует, на наш взгляд, согласиться с выделением указанных трех элементов технологии управления: методологии управления, описания ее в документах управления, процессов управления. Однако ограничение содержания технологии управления состоит в этом определении в том, что процессы управления здесь приведены к обработке информации, и «за скобками» остаются собственно процессы управленческого воздействия, его трансляции, то есть, вся организаторская сторона управления. Без организационно-распорядительной, координационной, контрольной и т. п. деятельности невозможна материализация результатов управленческого воздействия, преобразование объекта. Обработка информации должна обязательно сопровождаться ее передачей, в том числе — в организационном воздействии. Похожее определение технологии управления дает в своей статье Э. А. Смирнов. Он так же выделяет в технологии управления три необходимых элемента: «В самом общем виде управленческие технологии (УТ) — это совокупность методов и процессов управления, а также научное описание способов управленческой деятельности, в том числе формирования управленческих решений для достижения общих и конкретных целей организации» [20, с. 95].

Установление организационного порядка и рациональности в последовательности и приемах выполнения работ предполагает решение нескольких задач в различных элементах системы управления. Поэтому необходимо определить объекты технологирования. Следует отметить, что в различных технологиях и в различных организационных условиях объектами такой работы могут выступать не все из указанных элементов или их различные сочетания. В принципе объектами технологирования могут быть: «1) Порядок выполнения отдельной функции управления или видов работ; 2) Подготовка и принятие решений при реализации тех или иных задач управления; 3) Информационные процессы обработки данных; 4) Трудовая деятельность отдельного работника управления; 5) Обработка документа или группы документов» [19, с. 35].

Технологизация управления должна привести к определению состава функций, задач и последовательности операций, так как в конечном счете «основным элементом процесса труда с технологической точки зрения является управленческая трудовая операция» [12, с. 125]. Большинство авторов — специалистов в области технологизации управления — не отождествляют управленческую операцию и отдельное действие работника органа управления. Однако определение содержания термина дается ими не всегда (например, Л. Н. Зудина, ограничивается описанием отдельных групп операций). Достаточно точным, на наш взгляд, является определение управленческой операции, данное Ф. М. Русиновым: «Управленческая операция включает весь комплекс действий, связанных с переводом управляемого объекта или его элемента из одного состояния в другое... Технологическая опера-

ция объединяет действия по формированию показателя, дающего количественную оценку управляемого объекта... Управленческая операция — основа для определения вида работ, способов их выполнения. Она является элементом технологического процесса и служит основой для характеристики структуры трудового процесса, т.е. состава трудовых функций и методов выполнения конкретных работ» [19, с. 15].

Вместе с тем необходимо отметить, что Ф. М. Русинов и в этом вопросе продолжает связывать технологию управления лишь с выполнением действий по обработке документированной информации. Это следует из сделанного им уточнения свойств и содержания управленческой операции: «Управленческая операция представляет собой однородную, логически неделимую часть процесса управления; это действие одного исполнителя над одним или группой документов от момента их поступления к нему до момента передачи другому исполнителю или в место хранения хотя бы одного из документов. При этом в одну операцию может войти любое количество документов, а выйти не более одного нового документа» [19, с. 17].

Мы полагаем, что более полно состав управленческих операций определила в книге «Организация управленческого труда» Л. Н. Зудина. Ею выделены три группы операций, которые, в свою очередь, подразделяются на классы: 1. Организационно-административные (служебно-коммуникационные, распорядительные, координационные, контрольно-оценочные); 2. Аналитико-конструктивные; 3. Информационно-технические (документальные, первично-счетные и учетные, коммуникационно-технические, вычислительные и формально-логические) [12, с. 126–136].

Указанная группировка, как показывает Л. Н. Зудина, соответствует технологическому и должностному разделению труда между руководителями, специалистами и техническими исполнителями. Отказ от классификации по отдельным функциям управления объясняется тем, что «все выделенные группы и классы операций встречаются при выполнении работ по любой функции управления, представляя целостность в трудовом аспекте». Можно также отметить, что различий в приведенных интерпретациях очевидно связаны также и с тем, что Ф. М. Русинов говорит об индивидуальных операциях должностного лица, в то время как классификация Л. Н. Зудиной допускает рассматривать операции более высокого уровня — подразделения и уровня управления, всей организации. Очевидно, что операции здесь рассматриваются в контексте масштаба и содержания решаемых задач.

На наш взгляд, технологичность и эффективность будут достигаться недостаточно, если не охватят всю вертикаль управления и его отрасли, все его функции. Поэтому стандартизация и технологизация решений задач координации сама по себе, вне тесной связи с другими функциями управления способна дать лишь частные результаты локального характера, мало влияющие на конечную эффективность органа, уровня и системы управления. В современной отечественной специальной литературе по управлению трудно обнаружить описание технологии государственного управления. Понятно, что дифференцированность совокупности знаний о государственном управлении на отдельные сегменты отраслевых наук не помогает систематизации технологических сведений. Но большую роль в закреплении такого положения играет и то, что знания о технологии носят в большинстве случаев не теоретический характер. В специальной литературе можно встретить описания техники, методов или средств решения отдельных задач, выполнения отдельных этапов реализации функций. Но принципиально проблема описания, объяснения, систематизации и развития технологии государственного управления на пути накопления знаний о ее элементах не решается. Ситуация эта тем более парадоксальна, что технологии управления не формируются стихийным образом, как развитие природного объекта. Все они являются результатом сознательной высокоорганизованной деятельности профессионально подготовленных людей.

Значит, в методической и научной литературе должны получить описание и объяснение целые технологические системы управления. Технологии производства предметов в силу привязки к оборудованию описаны и объяснены более подробно и детально, чем методы и техника управления. Однако не часто в специальных работах дается даже классификация методов управленческого воздействия. Значительно чаще можно встретить описание аналитических методов и процедур, касающихся подготовки воздействия. Большой объем работ посвящен автоматизированным системам и технологиям управления, которые в практике социального управления применяются в ограниченном масштабе. Конечно, наиболее «модные» методы управления получили отражение в специальных работах: такие как программирование, целевое управление. Но такие исключения лишь свидетельствуют о бедности технологического направления литературы. Основной ее объем составляет литература «тейлористского» направления, описывающая и анализирующая нижний слой технологии — правила и процедуры.

Вместе с тем отдельные материалы показывают, что возможности описания технологии управления в целом и отдельных ее составляющих верхнего уровня (методов, принципов) существуют и могут использоваться. К публикациям этого ряда следует отнести, например, темы 9–11 учебного пособия Г. В. Атаманчука «Теория государственного управления», журнальные статьи В. Дудкина и Ю. Петрова «Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой», Э. А. Смирнова «Управленческие технологии как объект функционального аудита» и др. [см. 4; 11; 20]. Осознанный выбор и использование управленческих технологий, на наш взгляд, предполагают знание о том, как эти технологии отличаются друг от друга, какие принципы закладывались в их формирование, как осуществлялось формирование технологии и как она должна воспроизводиться, поддерживаться. Таким образом, вопрос о включении в состав технологии управления совокупности знаний о ее формировании и развитии представляется не отвлеченным и праздным, а затрагивающим эффективное использование технологического потенциала управления.

Поскольку состав функций, решаемых задач, выполняемых операций в работе каждого сотрудника и каждого органа государственного управления имеет конечный ассортимент и объем, величину, являясь выражением ограниченности ресурсов управления, постольку рациональная последовательность и состав работ и действий сотрудников аппарата управления представляется также конечным набором сочетаний. Значит, технологизация, приведение к рациональной обоснованной форме является реальной выполнимой задачей. Собственно, именно такие задачи достаточно давно не новы и являются предметом организационного проектирования.

Осуществление управленческого воздействия предполагает наличие у субъекта — органа управления или должностного лица — знания о возможностях и границах воздействия, его формах и средствах. Важное место в структуре этих сведений занимает знание о методах воздействия на объект для достижения поставленной цели. Знание о методах воздействия представляет собой не только лишь осведомленность о составе доступных ресурсов воздействия, но и наличие проверенной опытом информации об условиях их применения (включая ограничения), потенциальных результатах использования (включая долгосрочные и косвенные, «побочные»). Использование методов управления, которые апробированы в опыте иных организаций и органов управления, предполагает достаточную степень определенности в знании и понимании особенностей применения методов воздействия. Не в последнюю очередь это требование касается интерпретации исходных представлений о сущности и содержании методологии управления. Однако в отечественной специальной литературе, к которой обращается заинтересованный читатель, имеются значительные различия и неточности даже в трактовке наиболее

общих понятий. Одним из таких камней преткновения является понятие метод управления.

«Метод (от греч. Methodos — путь, исследование, прослеживание) — способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности»[1]. Из приведенного определения видно, что сущность метода однозначно связывают с взаимодействием субъекта и объекта. Содержится также указание на объективную природу метода. Подтверждение этого мнения мы встречаем и в других работах: «Под методом понимается совокупность приемов и правил, регулирующих деятельность человека и обеспечивающих ее целенаправленный, упорядоченный характер... Истинный метод всегда детерминирован природой объекта и соответствующей системой предметного знания... В методе выражается содержание изучаемого объекта, его природа. В этом смысле *метод объективен, содержателен, «фактичен»*... Метод непосредственно фиксирует не то, что есть в объективном мире, а то, *как* человек должен поступать в процессе познания и практического действия. Закономерности объекта, выраженные в системе истинного знания, преобразовываются, переосмысливаются в методе в правила действия субъекта. Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, а возникшие на их основе правила, приемы исследования и преобразования явлений — субъективную» [1, с. 228–231].

Уже в приведенных суждениях содержится, тем не менее, указание не только на объективные аспекты содержания метода, но и на диалектику объективного и субъективного в его формировании. Более того. Мы считаем важным следующее замечание М. В. Мостепаненко, в котором обращается внимание на присутствие в методе чувственного знания: «Метод — путь познания, опирающийся на некоторую совокупность ранее полученных общих знаний (принципов)... Для методического подхода к предмету исследования необходимо некоторое предварительное познание, которое само зачастую может быть и ненаучным, неметодическим, стихийным» [17, с. 18]. Речь идет о том, что целый ряд принципов, составляющих «предварительное знание», как его определил М. В. Мостепаненко, могут иметь чувственную, интуитивную природу, ненаучную. Вероятно, об этом же говорил в «Никомаховой этике» Аристотель, где он так же утверждал различную природу принципов (начал): «Одни из начал постигаются через наведение, другие — чувством, третьи — благодаря некоему приучению, а другие еще как-то иначе» [3, с. 12].

Замечания о роли исходных принципов имеют прямое отношение не только к принципам исследования, но и принципам практики, а значит, важны и для понимания метода, в том числе — метода управления. Мы специально останавливаем внимание на отмеченных обстоятельствах, поскольку в тех случаях, когда определяется состав и содержание методов, наряду с объективной детерминацией, велика роль субъективного. Причем определение исходных моментов рассуждения не всегда сопровождается обоснованием их выбора. Сами исходные принципы выполняют здесь роль критериев отбора, а основания определения принципов могут оставаться в сфере действия интуитивного, предчувствия. Поэтому в толковании различных авторов мы сталкиваемся с совершенно разными наборами исходных принципов и вторичных от них элементов. В связи с изложенным, мы можем согласиться с приводимым ниже суждением А. И. Рофе лишь частично, так как субъективный выбор принципов и метода определяет нижний, более близкий к материальной действительности, объективный уровень технологии в виде операций, приемов и методов отдельных действий, процессов труда: «Способ выполнения

[1] Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М., 1997. С. 266.

той или иной работы в своей основе определяется технологией, которая устанавливает содержание и необходимую последовательность технологических операций и процессов производства. Но успешность трудового процесса, ...зависит от совершенства применяемых приемов и методов труда» [18, с. 76].

В значении субъективно определяемого метода нами здесь понимается вся технологическая система, вместе с ее принципами формирования. Особенно важно данное обстоятельство при анализе такого высоко субъективного (по причине его производности от осознанной активности субъекта) вида деятельности, которым является управление. Подтверждением обоснованности такой предельно широкой трактовки содержания понятия «метод управления» являются его предельно абстрактные определения в специальной литературе. «Методы управления — способы воздействия субъекта управления на коллективы и отдельных работников для достижения поставленной цели. Различают методы управления и методы процесса управления»[1].

Для описания системы методов, используемых в государственном управлении, мы хотим предложить открытый ряд критериев, призванных показать как общность и единство методологии управления, так и дифференцированность различных способов выполнения управленческих действий. Уже в определении методов управления, данном в «Толковом словаре по управлению», неявно содержится указание на их сложную классификацию: «Методы управления характеризует законченный акт воздействия на объект управления, с помощью методов процесса управления выполняются лишь отдельные работы. Различают методы прямого и косвенного воздействия, формального и неформального. Использование методов прямого воздействия предполагает непосредственный результат воздействия; с помощью методов косвенного воздействия создаются условия для достижения высоких результатов... Также выделяют методы управления, базирующиеся на основе объективных закономерностей, присущих производству как объекту управления, на основе специфики отношений, складывающихся в процессе совместного труда. По этому признаку выделяют методы управления: организационные, экономические, социально-психологические»[2]. Из контекста следует, что деление на методы управления и методы процесса управления производится по их отношению к процессу управленческого воздействия.

По отношению к процессу управленческого воздействия будем выделять:

- методы подготовки и оценки воздействия (прогностические, статистические, экономико-кибернетические, моделирование, системный анализ, математическое программирование, графирование и т. д.);
- методы осуществления воздействия (преобразования объекта управления).

Последняя группа методов и представляет собой методы управления в полном смысле слова. Остальные являются аналитическими методами, не используемыми для преобразования объекта управления.

По функциям управления:

- методы прогнозирования,
- методы планирования,
- методы организации,
- методы мотивации,
- методы координации,
- методы принятия решений и т. д.

Полный спектр методов реализации функций управления описать не представляется возможным, так как их состав и количество зависят, во-первых, от масштаба (размерности) объекта, уровня дифференцированности его элементов и про-

[1] Толковый словарь по управлению. М. : Аланс, 1994. С. 87.
[2] Там же. С. 87–88.

цессов, во-вторых, от определяемой ими объективной необходимости меры специализации (дифференциации) функций управления, в-третьих, от меры ресурсной обеспеченности, которая ограничивает возможности специализации в управлении (объем накладных расходов на управление, главным образом, на персонал). Не секрет, что некоторые специалисты насчитывают более 400 функций управления. Вероятно, этот рубеж — не предел. Так, в рамках подготовки административной реформы в России совместная рабочая группа Администрации Президента РФ и Аппарата Правительства РФ обнаружила у Правительства 5800 функций. Возможно, не все из них имели право называться функциями, скорее полномочиями, но факт показательный.

По характеру объекта управленческого воздействия:

- методы управления людьми (поведением в целом, дисциплиной, сплоченностью и т. п.),
- методы управления процессами (производством, кадровой мобильностью, финансовым оборотом и т. п.),
- методы управления отдельными показателями (прибыльностью, производительностью и т. п.),
- методы управления предметами (материально-техническими ресурсами организации, оборудованием, имуществом, вещественной собственностью и т. п.),
- методы управления организациями (юридическими лицами, неформальными движениями),
- методы управления пространственно-территориальными комплексами (Арктической зоной России, Дальним Востоком, субъектом Российской Федерации, городом, муниципалитетом и т. п.),
- методы управления отраслями экономики,
- методы управления программами и проектами и т. д.

По целевому назначению (характеру предполагаемого результата) воздействия:

- методы управления функционированием (в режиме простого воспроизводства),
- методы управления развитием.

По ведущему типу управляемых связей:

- методы управления экономическими объектами,
- методы управления моральным климатом,
- методы управления политическими отношениями и т. д.

По содержанию управленческого воздействия (определяемому выбором метода):

- методы экономического воздействия,
- методы организационного воздействия,
- методы идеологического воздействия.

По характеру воздействия (определяемому выбором доминантных средств в рамках метода):

- методы принуждения,
- методы понуждения,
- методы побуждения,
- методы наказания,
- методы взыскания,
- методы поощрения.

Критерии классификации методов, используемых в управлении, можно множить, как и списки методов по группам, хотя конечный перечень методов составить, конечно, не удастся. Важнее понять, что множественность отдельных групп и классов методов, используемых в управлении, отражает многообразие объекта управления и многообразие потребностей субъекта управленческого воздействия. Однако дифференцированность методов управления друг от друга не означает существования непреодолимых различий между ними. Скорее, наоборот, нужно признать

общность и взаимопроникновение методов управления, то, что они пересекаются друг с другом: каждая классификация с каждой. И классификация носит условный характер, так как в реальности управляющее воздействие многомерно по содержанию и формам и носит сложный, комплексный характер по своим последствиям (не только искомым результатам, но и эффектам часто неожиданного свойства). Поэтому и методы управления просты лишь в одномерных классификациях, а в реальности используется комплексное (многомерное) воздействие. То есть реальный метод управления обладает множеством свойств, отображающих специфику природы объекта, цели, функции, задачи, статуса органа управления, ресурсов решения задачи, способа и характера воздействия и др.

Принципиальная общность методов управления является производной от сущности управления как процесса воздействия. Мы полагаем не перспективными противопоставления отдельных групп методов управления, как, например, это часто делают с методами духовного, идеологического воздействия и методами материального (не только экономического) воздействия на объект управления. На наш взгляд, необходимо разграничивать методы властвования, управления и влияния. Методы управления отличаются от указанных тем, что они являются одной из форм реализации отношения административной власти, и гарантируются, в силу этого, материальным принуждением. Особенностью методов управления является, как справедливо указывает Г.В. Атаманчук, то, что они применяются официально и в установленном порядке [4, с. 246]. То есть методы управления в обществе носят легитимный и подзаконный характер. Специфику им придает именно административное отношение. Использование в управлении всего многообразия методов определяется ситуационными факторами: объемом властных полномочий, экономической целесообразностью, характером целей управления и т.п. Но даже применение методов духовного воздействия в управлении обеспечивается материальной силой. Когда ее нет — осуществляется не управление, а влияние. Как, например, воспитание детей в семье, исключает отношения власти, но обязательно предполагает авторитет. Управленческие методы — это всегда методы воздействия на объект, гарантированного силой принуждения. Отдельную проблему представляет собой имеющее широкое распространение в литературе и бытовом сознании отождествление «административных» методов и методов организационного воздействия. На основе вышеизложенных замечаний методологического характера предлагаем классификацию условий задач координации проводить по сходным критериям.

Задачи политической координации решаются преимущественно посредством учреждения и коррекции политических, экономических и правовых институтов, правил их взаимодействия и функционирования. Это задачи координации формирования и реализации государственной политики, предметом которой становится согласование интересов крупных групп населения, хозяйствующих субъектов и органов власти различного уровня. Поэтому естественно, что самые крупные правила фиксируют:

- общность порядка принятия и содержания принципов организации (учреждения) органов власти в России (демократия, конституционность, законность, федерализм, разделение властей, сочетание централизации и децентрализации, организационная обособленность и т.д.);
- общность принципов внутренней организации (внутреннего устройства, структуризации) (функциональной специализации, централизм, сочетание коллегиальности порядка принятия решений высшего порядка и единоначалия в организации исполнения решений, ответственности, и т.п.);
- принципы взаимодействия.

Указанные принципы выступают в качестве средств-предпосылок совместимости основных субъектов политики с целым — политической системой, и совместимости

друг с другом. Зафиксированные в Конституции РФ, федеральных и региональных законах, подзаконных правовых актах, они выступают в качестве исходных, наиболее крупных организационных форм координации их целей и взаимодействий. Поскольку разделение функций регулирования и управления представляет собой условность, субъективный результат договоренности людей, представляющих органы власти, а не отдельное и обособленное существование проблем, в решении которых и реализуются функции, постольку на координированность действий и взаимодействий влияет исполнение всех функций регулирования и управления (так как они не существуют независимо, друг без друга), а также качество неформальных связей и отношений. Другими словами, эффективность технологий, механизмов и методов координации не может быть измерена сама по себе, отдельно от эффективности функционирования технологий, механизмов и методов исполнения всех остальных функций управления. Механизмы реализации функций, в том числе и координации, подчинены механизмам межфункциональной координации, которые представляют более высокий порядок организованности на уровне принципов организации. На наш взгляд, это является формой использования метода стандартизации на уровне политического регулирования для создания условий взаимного согласования. Понятно, что речь идет не о стандартах технического характера на уровне правоприменения.

На политическом и административном уровнях формами решения задач координации в части согласования интересов выступают:

- консультативно-совещательные органы; коллегиальные — Советы межведомственные, ведомственные, Совещания, коллегии, совместные рабочие группы; и индивидуальные, персонифицированные — специальные должностные лица — представители — с представительскими полномочиями, взаимное приглашение для участия в заседаниях органов управления должностных лиц с информационными функциями, т.е. приема-передачи информации с задачей оперативного разъяснения, уведомления, предупреждения, уточнения, демонстрации, оповещения и пр.; индивидуальные консультации,
- методическое инструктирование,
- обмен информацией по вопросам смежных и совместных предметов ведения в печатных, электронных изданиях и устной форме,
- унификация документооборота и создание баз данных совместного доступа,
- использования полномочий органов власти различного бюджетного уровня в части влияния на формирование бюджета, внесения поправок в нормативные и нормативно-правовые акты.

В части обеспечения на административном уровне координации деятельности различных органов и учреждений по исполнению своих функций сохраняет большое значение стандартизация посредством:

- Регламентов типовых взаимодействия, исполнения функций и должностных; технического обслуживания;
- Типовых положений,
- Типовых правил,
- Стандартов и норм правовых, экономических, технико-технологических, санитарных, экологических, безопасности, эргономики и т. п.

Повышение качества решения задач, в том числе и задач координации, предполагает широкое использование *стандартизации квалификации посредством:*

- профессиональной подготовки и переподготовки,
- курсов повышения квалификации,
- обучающих семинаров и семинаров по обмену опытом.

Для более точного представления ожидаемых результатов выполнения задач по координации желательно разработать и сформулировать показатели измерения

исполнения этих задач, которые могут быть и показателями производительности и эффективности.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Предмет, структура и функции диалектического материализма. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та. 1983.
2. *Андреев В. К.* Корпоративное управление как один из способов координации экономической деятельности // Гражданское право. 2015. № 4. С. 3–5.
3. *Аристотель.* Этика. М. : Эксмо, 2018.
4. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления: курс лекций. М. : Омега-Л, 2014.
5. *Бухвальд Е., Виленский А.* Возможности координационно-совещательных органов в области развития малого и среднего предпринимательства // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 160–176.
6. *Бучакова М. А.* Административно-правовое регулирование координации как функции государственного управления // Вестник Омского университета: Серия «Право». 2014. № 2. С. 60–64.
7. *Гончаров В. В.* Роль и место Государственного совета Российской Федерации и полномочных представителей Президента России в федеральных округах в координации системы исполнительной власти в стране и преодолении центробежных политических тенденций // Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал. 2008. № 3. С. 23–27.
8. *Государственная* политика и управление [в 2 ч.]. Ч. 2. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления : учебник / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Юрайт, 2018.
9. *Гутерман А. Е.* Обзор круглого стола «Проблемы координации экономической деятельности в российском правовом пространстве» // Гражданское право. 2015. № 3. С. 44–46.
10. *Дерябина М. А.* Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 65–76.
11. *Дудкин В., Петров Ю.* Индикативное планирование — механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой // Российский экономический журнал. 1998. № 7–8.
12. *Зудина Л. Н.* Организация управленческого труда: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М ; Новосибирск : НГАЭиУ, 1997.
13. *Координация* в политике и управлении // Государственная политика и управление : учебник [в 2 ч.]. Ч. II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : РОСПЭН, 2007.
14. *Координация* в политической и административной деятельности // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 2. С. 52–63.
15. *Координация* экономической деятельности в российском правовом государстве / А. В. Габов, М. А. Егорова, С. Д. Могилевский и др.; отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2015.
16. *Митрофанова И. В., Жуков А. Н.* Организационный механизм управления федеральными целевыми межрегиональными программами // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. 2010. Вып. 11. С. 144–159.
17. *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания. Л. : Лениздат, 1972.
18. *Рофе А. И.* Организация и нормирование труда : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2014.
19. *Русинов Ф. М.* Технология управления производством: (Основы проектирования процессов управления в социально-экономических системах). М. : Московский рабочий. 1976.
20. *Смирнов Э. А.* Управленческие технологии как объект функционального аудита // Менеджмент в России и за рубежом. 1998. № 6. С. 95–104.
21. *Тамбовцев В. Л.* Правила как основа институтов // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 130–139.

Об авторе:

Меркулов Виктор Михайлович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; merkulov_victor@mail.ru

References

1. Alekseev P. V. Subject, structure and functions of dialectic materialism. 2nd ed. M. : publishing house of Moscow University. 1983. (In rus)
2. Andreev V. K. Corporate management as one of ways of coordination of economic activity // Civil law [Grazhdanskoe pravo]. 2015. N 4. P. 3–5. (In rus)
3. Aristotle. Ethics. M. : Eksmo, 2018. (In rus)
4. Atamanchuk G. V. Theory of public administration : course of lectures. M. : Omega-L, 2014. (In rus)
5. Bukhvald E., Vilensky A. Possibilities of coordination advisory bodies in the field of development of small and medium business // Society and economy [Obshchestvo i ekonomika]. 2011. N 1. P. 160–176. (In rus)
6. Buchakova M. A. Administrative and legal regulation of coordination as functions of public administration // Bulletin of the Omsk University: Series "Law" [Vestnik Omskogo universiteta: Seriya «Pravo»]. 2014. N 2. P. 60–64. (In rus)
7. Goncharov V. V. Role and place of the State Council of the Russian Federation and plenipotentiaries of the President of Russia in federal districts in coordination of system of executive power in the country and overcoming centrifugal political tendencies // Juridical world [Yuridicheskii mir]. 2008, N 3 (135). P. 23–27. (In rus)
8. State policy and management in 2 p. Part 2. Levels, technologies, foreign experience of state policy and management : textbook / under the editorship of L. V. Smorgunov. M.: Urait, 2018. (In rus)
9. Guterman A. E. Review of a round table "Problem of coordination of economic activity in the Russian legal space" // Civil law [Grazhdanskoe pravo]. 2015. N 3. P. 44–46. (In rus)
10. Deryabina M. A. Horizontal communications and network coordination in modern economy // Social sciences and the present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2014. N 1. P. 65–76. (In rus)
11. Dudkin V., Petrov Yu. Indicative planning — the mechanism of coordination of activity of the state and non-state actors of economy // Russian economic journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]. 1998. N 7–8. (In rus)
12. Zudina L. N. Organization of administrative work : Manual. M. : Infra-M ; Novosibirsk : NSUEM, 1997. (In rus)
13. Coordination in policy and management // State policy and management. Textbook. In 2 p. Part II. Levels, technologies, foreign experience of state policy and management / under the editorship of L. V. Smorgunov. M. : ROSPEN, 2007. (In rus)
14. Coordination in politics and administration // State service. The bulletin of Coordination Council on personnel affairs, the state awards and state service at the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the North-West Federal District [Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoi sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v Severo-Zapadnom federal'nom okruge]. 2010. N 2. P. 52–63. (In rus)
15. Coordination of economic activity in the Russian constitutional state. A. V. Gabov, M. A. Egorova, S. D. Mogilevsky, etc.; ex. edition of M. A. Egorov. M. : Jusinform, 2015. (In rus)
16. Mitrofanova I. V., Zhukov A. N. Organizational mechanism of management of federal interregional target programs // Theory and practice of spatial economy [Ekonomika razvitiya regiona: problemy, poiski, perspektivy]. 2010. Vol. 11. P. 144–159. (In rus)
17. Mostepanenko M. V. Philosophy and methods of scientific cognition. L. : Lenizdat, 1972. 263 p. (In rus)
18. Rofe A. I. Organization and work rationing. Manual. M. : Knorus, 2014. (In rus)
19. Rusinov F. M. Technology of product management: (Bases of design of management processes in social and economic systems). M. : Moscow worker. 1976. (In rus)
20. Smirnov E. A. Administrative technologies as object of functional audit // Management in Russia and abroad [Menedzhment v Rossii i za rubezhom]. 1998. N 6. P. 95–104. (In rus)
21. Tambovtsev V. L. Rules as basis of institutes // Social sciences and present [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2014. N 3. P. 130–139. (In rus)

About the author:

Victor M. Merkulov, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor; merkulov_victor@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-24-34

Сравнительный анализ правовых оснований, регулирующих принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, предусмотренных Федеральными законами от 28.08.1995 № 154-ФЗ и 06.10.2003 № 131-ФЗ

Васильева Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; VasilevaYulia@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию правовых оснований, регулирующих принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, предусмотренных Федеральным законом от 28.08.1995 № 154-ФЗ и Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Автор анализирует ключевые различия организации местного самоуправления в рассматриваемых федеральных законах. Акцент сделан на следующие направления: содержание понятийного аппарата об организации местного самоуправления, перечень вопросов местного значения, регулирование порядка наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, структуру органов местного самоуправления, компетенцию представительного органа местного самоуправления, а также формы осуществления населением местного самоуправления. Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ внесены изменения практически во все аспекты функционирования органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, вопросы местного значения, местная администрация, формы осуществления населением местного самоуправления

The Comparative Analysis of the Legal Bases Regulating the Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation, Provided By the Federal Law of 28.08.1995 N 154-FZ and the Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ

Yulia V. Vasilyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, VasilevaYulia@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to research of the legal bases regulating the principles of the organization of local government in the Russian Federation, provided by the Federal law of 28.08.1995 N 154-FZ and the Federal law of 06.10.2003 N 131-FZ. The author analyzes the key differences in the organization of local government in the considered federal laws. The emphasis is placed on the following areas: the content of the conceptual apparatus of the organization of local government, a list of issues of local importance, regulation of vesting of local government with separate state powers, the structure of local government bodies, the competence of the representative body of local government, as well as forms of implementation of local government by the population. The Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ introduced changes in almost all aspects of the functioning of local government.

Keywords: local government, municipal formation, local issues, local administration, forms of implementation of local government by the population

С помощью органов местного самоуправления осуществляется не только децентрализация власти, но и ее организация на местах, обеспечивается самостоятельное решение гражданами вопросов местной жизни, организационное обособление власти для управления местными делами в системе общества и государства [6, с. 375].

Существенным элементом в развитии местного самоуправления являются правовые основы их деятельности. В 1990 г. был принят закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (далее — Закон)[1], которым впервые в государственную систему вводилось местное самоуправление.

Преамбула Закона устанавливала, что местное самоуправление является частью самоуправления народа или реализаций местным сообществом властных полномочий в решении вопросов местного значения [8, с. 32].

Принятие Закона свидетельствует о начале децентрализации власти. В систему местного самоуправления включены: местные Советы народных депутатов, органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы), а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии[2]. Кроме того, местному самоуправлению делегированы полномочия по распоряжению собственностью.

Законом СССР от 09.04.1990 № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» и Законом РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» были впервые закреплены понятия «местное самоуправление», «муниципальная собственность», определены экономические и финансовые основы местного самоуправления, а также гарантии местного самоуправления.

Однако начало становления правовых основ современного института местного самоуправления приходится на 1993 г. [9, с. 56], в связи с принятием Конституции Российской Федерации.

В ряде случаев основы местного самоуправления рассматриваются как совокупность установленных Конституцией Российской Федерации и Федеральными законами норм-принципов, закрепляющих и регулирующих наиболее существенные коренные общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления местного самоуправления на всей территории Российской Федерации, в соответствии с которыми должны находиться все другие муниципально-правовые нормы нормативных правовых актов [10, с. 8].

В Российской Федерации правовую основу местного самоуправления составляют нормативно-правовые акты, которые делятся на четыре основные группы:

1) нормы международного права, международные договоры РФ;
2) Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты Президента, Правительства РФ, иных федеральных органов исполнительной власти;
3) конституции, уставы, законы субъектов Российской Федерации;
4) уставы и другие нормативные правовые акты муниципальных образований, регулирующие вопросы организации и деятельности местного самоуправления [1, с. 46].

Система местного самоуправления занимает особое место в государстве в силу своей общественно-государственной природы, осуществляя связь между населением и государством [12, с. 25].

---

[1] Закон СССР от 09.04.1990 № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // «Свод законов СССР». Т. 1. 1990. С. 267.

[2] Там же.

Согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. При этом установление общих принципов организации местного самоуправления отнесено к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации[1].

В постсоветской России первым основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим общие принципы организации местного самоуправления, помимо Конституции Российской Федерации, стал Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 154-ФЗ).

В настоящее время организационно-правовые основы местного самоуправления закреплены в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ).

Несмотря на схожесть названий в указанных нормативных правовых актах имеются существенные различия.

1. В Федеральном законе № 154-ФЗ местное самоуправление определено как «самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и местных традиций[2]».

При этом Федеральный закон № 131-ФЗ определяет местное самоуправление как форму осуществления народом своей власти [3, с. 139], самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Таким образом, первоначальным нормативным правовым актом местное самоуправление признавалось в качестве деятельности населения, в последующем — как форма осуществления народом своей власти.

2. В законах по-разному определяется понятие муниципального образования. В рамках Федерального закона № 154-ФЗ — это «городское, сельское поселение, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть поселения, иная населенная территория». В рамках Федерального закона № 131-ФЗ — это «городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения[3]».

Таким образом, Федеральным законом № 131-ФЗ вводится двухуровневая модель органов местного самоуправления: муниципальные образования формируются на уровне поселений и на уровне муниципальных районов. Также предусматривается создание городских округов, являющихся по своей сути одноуровневыми органами местного самоуправления, и выполняющих функции, как поселений, так и муниципальных районов.

3. Переходя к вопросам местного значения, определенным в Федеральном законе № 131-ФЗ, особое внимание заслуживает разграничение вопросов местного

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации от 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 28.08.1995 № 154-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28.08.1995. № 35. Ст. 3506.

[3] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

значения в зависимости от вида муниципального образования, что не было предусмотрено в Федеральном законе № 154-ФЗ.

В принятом в 2003 г. Федеральном законе все полномочия разделяются в зависимости от вида муниципального образования: поселение, муниципальный район или городской округ.

При этом перечень вопросов местного значения претерпел существенные изменения.

Рассматривая предусмотренные первой редакцией Федерального закона № 131-ФЗ вопросы местного значения поселения, отмечается исключение ряда полномочий:

- комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования;
- организация, содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, общего и профессионального образования;
- организация, содержание и развитие муниципальных учреждений здравоохранения, обеспечение санитарного благополучия населения;
- охрана общественного порядка, организация и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью;
- создание условий для жилищного и социально-культурного строительства;
- регулирование использования водных объектов местного значения, месторождений общераспространенных полезных ископаемых, а также недр для строительства подземных сооружений местного значения;
- организация и содержание муниципальной информационной службы;
- создание условий для деятельности средств массовой информации муниципального образования;
- обеспечение социальной поддержки и содействие занятости населения;
- участие в охране окружающей среды на территории муниципального образования.

При этом круг вопросов незначительно дополнился следующими функциями:

- участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения;
- создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи;
- организация библиотечного обслуживания населения;
- оказание содействия в установлении в соответствии с федеральным законом опеки и попечительства над нуждающимися в этом жителями поселения[1].

В последующем, полномочия поселений были выделены отдельно в вопросы местного значения городского поселения и вопросы местного значения сельского поселения, при этом для последнего круг вопросов в сравнении с городскими поселениями был сокращен.

За время действия Федерального закона № 131-ФЗ перечень вопросов местного значения поселений неоднократно пересматривался и изменялся. К примеру, в течение всего периода действия Федерального закона № 131-ФЗ перечень вопросов местного значения поселения дополнился, в том числе следующими вопросами:

- присвоение адресов объектам адресации, изменение, аннулирование адресов, присвоение наименований элементам улично-дорожной сети;
- содействие в развитии сельскохозяйственного производства, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- осуществление муниципального лесного контроля;

---

[11] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

- участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения;
- создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

Вместе с тем некоторые вопросы были исключены из числа полномочий органов местного самоуправления, например, вопросы опеки и попечительства.

Сравнивая вопросы местного значения муниципального района и поселения, выявлены различия. К примеры, к числу вопросов местного значения муниципального района, не отнесенные к вопросам поселений, отнесены следующие:

- организация охраны общественного порядка на территории муниципального района муниципальной милицией;
- организация предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам, за исключением полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса, отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации; организация предоставления дополнительного образования и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципального района, а также организация отдыха детей в каникулярное время;
- организация оказания на территории муниципального района скорой медицинской помощи (за исключением санитарно-авиационной), первичной медико-санитарной помощи в амбулаторно-поликлинических и больничных учреждениях, медицинской помощи женщинам в период беременности, во время и после родов.

4. В Федеральном законе № 131-ФЗ в отличие от Федерального закона № 154-ФЗ вводится более четкое регулирование порядка наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Также установлены требования к федеральным законам и законам субъекта Российской Федерации, предусматривающих наделение органов местного самоуправления соответствующими полномочиями.

Предусмотрено финансовое обеспечение отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления: только за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций из соответствующих бюджетов. При этом органами местного самоуправления допускается дополнительное использование собственных материальных ресурсов и финансовых средств для осуществления соответствующих полномочий в случаях и порядке, предусмотренных уставом муниципального образования.

Одновременно обращается внимание, что законодатель не дает целостного представления о структуре устава [4, с. 32].

В части осуществления отдельных государственных полномочий предусмотрена ответственность органов местного самоуправления в пределах выделенных муниципальным образованиям на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств. При этом в действующем законе не приводится определение «отдельные государственные полномочия».

Изменениями, внесенными в 2005 г. в Федеральный закон № 131-ФЗ, допускается право органов местного самоуправления устанавливать за счет средств бюджета муниципального образования дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, устанавливающих указанное право.

Определение конкретного перечня государственных полномочий, передаваемых для исполнения органам местного самоуправления, представляется нецелесообразным, в связи с тем, что не каждое муниципальное образование может эф-

фективно реализовать государственные полномочия (учитывая уровень его социально-экономического развития) [7, с. 83].

В целом представляется необходимым законодательно установить определение понятия «отдельные государственные полномочия», а также урегулировать порядок и пределы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Передача государственных полномочий должна быть такой, чтобы не происходило подмены государственной власти местным самоуправлением, а природа местного самоуправления не искажалась. При этом передаваемые государственные полномочия не должны создавать препятствия для решения органами местного самоуправления вопросов местного значения [13, с. 90].

5. С принятием Федерального закона № 131-ФЗ ужесточились закрепленные требования к органам местного самоуправления. Если в Федеральном законе № 154-ФЗ структура органов местного самоуправления определялась населением самостоятельно, то в Федеральном законе № 131-ФЗ структура четко определена и предусматривает наличие в каждом муниципальном образовании представительного органа, главы муниципального образования, а также местной администрации.

Четко урегулирована численность депутатов представительного органа. В Федеральном законе № 154-ФЗ численный состав представительного органа местного самоуправления определялся уставом муниципального образования. Федеральным законом № 131-ФЗ дополнительно установлена минимальная численность депутатов, а по некоторым муниципальным образованиям — в зависимости от численности населения. К примеру, при численности населения от 100 000 до 500 000 чел. численность депутатов представительного органа поселения, городского округа не может быть менее 25 чел. Вне зависимости от численности населения: для муниципального района — не менее 15 чел., для внутригородской территории города федерального значения — не менее 10 чел.

6. Федеральным законом № 131-ФЗ дополнена компетенция представительного органа. Предусматриваются:

- определение порядка участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества;
- определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления;
- определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий, а также об установлении тарифов на услуги муниципальных предприятий и учреждений (с 2010 г.);
- утверждение правил благоустройства территории муниципального образования (с 2017 г.).

Компетенция по установлению местных налогов и сборов дополнена изменением и их отменой; принятие планов и программ развития с 2017 г. заменена на утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

В Федеральном законе № 131-ФЗ сохраняется компетенция представительного органа местного самоуправления (с некоторыми корректировками) по следующим вопросам:

- принятие устава муниципального образования (ранее — общеобязательных правил по предметам ведения муниципального образования, предусмотренных уставом муниципального образования);
- утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении;
- принятие планов и программ развития муниципального образования, утверждение отчетов об их исполнении;

- установление местных налогов и сборов;
- определение порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности;
- контроль за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения.

7. Если в Федеральном законе № 154-ФЗ должность главы муниципального образования могла быть предусмотрена в уставе муниципального образования, то в Федеральном законе № 131-ФЗ наличие в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования обязательна. Дополнительно предусматривается порядок проведения конкурса на должность главы муниципального образования, определены полномочия, а также случаи досрочного прекращения полномочий. Ранее вышеперечисленные вопросы не были урегулированы.
8. С принятием Федерального закона № 131-ФЗ впервые вводится понятие местной администрации, как исполнительно-распорядительный орган муниципального образования, который наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. При этом руководит местной администрацией глава местной администрации.

В Федеральном законе № 131-ФЗ предусматриваются условия контракта, заключаемого с главой местной администрации, полномочия и случаи досрочного прекращения полномочий.

Определено, что структура местной администрации утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации. Кроме того, определено, что в структуру местной администрации могут входить отраслевые (функциональные) и территориальные органы местной администрации[1].

Местное самоуправление осуществляет свою деятельность посредством органов, созданных для этой цели. В совокупности они образуют единую систему, управляемую субъектом управления (руководителем муниципального образования), где сфера управления определяется исходя также из задач и функций местного самоуправления [5, с. 147].

9. Различия выявлены и в формах осуществления населением местного самоуправления. Так, Федеральным законом № 154-ФЗ предусматривались следующие формы: местный референдум, муниципальные выборы, собрание (сход) граждан, народная правотворческая инициатива, обращения граждан в органы местного самоуправления, территориальное общественное самоуправление.

Вместе с тем Федеральный закон № 131-ФЗ дополнил формы осуществления местного самоуправления населением следующими:

- голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
- публичные слушания;
- конференция граждан (собрание делегатов);
- опрос граждан.

---

[11] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

К примеру, организаторами публичных слушаний выступают органы местного самоуправления, в компетенции которых принятие решений по соответствующим вопросам. При этом инициаторами публичных слушаний могут быть и граждане, несмотря на то, что право назначения слушаний принадлежит только представительному органу местного самоуправления или главе муниципального образования [14, с. 13].

Кроме того, в конце 2017 г. появилась такая форма участия, как общественные обсуждения.

При этом и в Федеральном законе № 154-ФЗ, и в Федеральном законе № 131-ФЗ предусматриваются другие формы участия, не противоречащие нормам действующего законодательства.

Также изменилось содержание некоторых форм осуществления населением местного самоуправления.

Так, Федеральный закон № 131-ФЗ расширил перечень инициаторов проведения местного референдума: помимо населения и представительного органа местного самоуправления такое право получили избирательные объединения и иные общественные объединения.

Форма участия «собрание (сход) граждан», закрепленная в Федеральном законе № 154-ФЗ под одним названием, в Федеральном законе № 131-ФЗ разделена на два понятия. При этом установлены случаи проведения схода граждан, а также вопросы, подлежащие рассмотрению на собраниях.

Отдельно обращается внимание на правотворческую инициативу, которая в Федеральном законе № 154-ФЗ определялась как «народная правотворческая инициатива», а в Федеральном законе № 131-ФЗ претерпела изменение и представлена как «правотворческая инициатива граждан». В действующем законе определена минимальная численность инициативной группы граждан, которая устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и не может превышать 3% от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом. Также определен срок рассмотрения проекта муниципального правового акта: в течение трех месяцев со дня его внесения. В предыдущем законе право на правотворческую инициативу имелось только в случае, если оно закреплялось в уставе муниципального образования, при этом таким правом обладало неопределенное количество граждан; сроки рассмотрения также не были определены.

Не обошли изменения и такую форму, как территориальное общественное самоуправление: если ранее предусматривался порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления на основании устава муниципального образования в соответствии с законами субъекта Российской Федерации, то в Федеральном законе № 131-ФЗ из числа источников исключены законы субъекта Российской Федерации, при этом включены нормативные правовые акты представительного органа муниципального образования. Территориальное общественное самоуправление по своей форме, и по источникам формирования, и по структуре становится синонимом процессов самоорганизации [2, с. 287].

В настоящее время вопрос о совершенствовании правового регулирования организационных основ местного самоуправления остается весьма актуальным, и не удивительно, что в последнее время местное самоуправление как одно из ярких проявлений развитого демократического государства является объектом повышенного внимания [15, с. 42].

Преобразования заключались в следующем:

- введение двухуровневой модели местного самоуправления: на уровне поселений и на уровне муниципальных районов. Также предусмотрено создание одноуровневых городских округов, выполняющих функции, как поселений, так и районов;
- сокращение перечня вопросов местного значения. При этом вопросы местного значения распределены между поселениями и районами;

- расширение форм осуществления населением местного самоуправления, а также их содержание;
- ужесточение требований к структуре органов местного самоуправления: наличие в каждом муниципальном образовании представительного органа, главы муниципального образования, а также местной администрации;
- введение более четкого регулирования передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что Федеральным законом № 131-ФЗ внесены изменения практически во все аспекты функционирования органов местного самоуправления.

В ходе обсуждения, принятия и реализации Федерального закона № 131-ФЗ государством были предприняты активные меры по повышению эффективности функционирования местного самоуправления и приближению местной публичной власти к населению посредством создания двухуровневой системы местного самоуправления, в котором «поселенческий» уровень должен был быть максимально приближен к гражданам.

Предполагается, что изначально законодателем преследовалась цель создания местного самоуправления как формы организации власти, способствующей более эффективному решению задач и вопросов местного значения. Для этого делались попытки разграничить полномочия между органами государственной власти и местного самоуправления, между районным уровнем и уровнем «поселений».

Отмечаются следующие итоги реформирования местного самоуправления:

- целью создания местного самоуправления являлась передача части полномочий с органов государственной власти на уровень местного самоуправления, при этом не в полной мере оценены финансовые и кадровые возможности для их эффективной реализации, специфики регионов и территорий;
- местное самоуправление не показало достаточную способность осуществлять свои полномочия, изначально предполагаемые законодателем, что подтверждается внесением многочисленных поправок в Федеральный закон № 131-ФЗ, в том числе с изменением круга вопросов местного значения;
- оптимизация перечня вопросов местного значения между муниципальными районами и муниципальными поселениями в настоящее время привела к концентрации основной части полномочий по вопросам местного значения на уровне районов/городского округа;
- «поселенческий» уровень, наиболее приближенный к населению и проблемам местных жителей, остался практически без полномочий и финансовых ресурсов для их решения, исключения составляют вопросы благоустройства.

Несмотря на то, что в данной сфере проведена масштабная работа, процесс совершенствования системы местного самоуправления в Российской Федерации нельзя считать завершенным. В настоящее время в сфере местного самоуправления существует ряд проблем, которые требуют поэтапного и длительного решения [11, с. 152].

Литература

1. *Астахова В. С.* Правовое положение органов местного самоуправления в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2015. № 5 (18). С. 46–48.
2. *Безвиконная Е. В.* Территориальное общественное самоуправление как условие реализации самоорганизационного потенциала местного самоуправления // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 287–291.
3. *Воробьева О. А.* Особенности осуществления местного самоуправления в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 138–142.

4. *Капустин И. В.* Устав муниципального образования в системе муниципальных правовых актов (некоторые вопросы теории и практики) // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 31–33.
5. *Карасев А. Т., Елькина А. В.* Система местного самоуправления в РФ: понятие, структура // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 145–148.
6. *Кузин Д. А.* Понятие, сущность и система органов местного самоуправления Российской Федерации // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2. С. 374–378.
7. *Мокшина М. А.* Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. С. 82–88.
8. *Овчинников В. А., Барбарова Н. Г.* Реформирование местного самоуправления в России (на примере Ленинградской области) // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 32–40.
9. *Постриганов Е. А.* Местное самоуправление в современной России: проблемы и перспективы // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 4 (27). С. 52–60.
10. *Пылин В. В.* Проблемы теории и практики народовластия в процессе становления местного самоуправления России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
11. *Савин В. И.* Местное самоуправление в системе публичной власти России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 3. Т. 12. С. 150–155.
12. *Тасеев В. Б., Янцен Е. А.* Проблемы местного самоуправления // Основы экономики, управления и права. 2013. № 5 (11). С. 25–28.
13. *Хагундоков А. Б.* Проблемы эффективности осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Научные известия. 2017. № 7. С. 87–91.
14. *Хвостунова Н. В.* Правовое регулирование проведения публичных слушаний на местном уровне // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2009. № 2. С. 12–21.
15. *Чихладзе Л. Т.* Новые тенденции формирования органов местного самоуправления в Российской Федерации // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 42–51.

Об авторе:

Васильева Юлия Васильевна, консультант комитета административного управления и протокола Губернатора Ленинградской области, преподаватель кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); VasilevaYulia@mail.ru

References

1. Astakhova V. S. A legal status of local governments in the Russian Federation // Eurasian advocacy [Evraziiskaya advokatura]. 2015. N 5 (18). P. 46–48. (In rus)
2. Bezvikonnaya E. V. Territorial public self-government as condition of realization of self-institutional capacity of local government // Bulletin of the Omsk University [Vestnik Omskogo universiteta]. 2011. N 3. P. 287–291. (In rus)
3. Vorobyova O. A. Features of implementation of local government in the Russian Federation // Society: policy, economy, law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2012. N 2. P. 138–142. (In rus)
4. Kapustin I. V. The charter of municipal unit in the system of municipal legal acts (some questions of the theory and practice) // Business in the law [Biznes v zakone]. 2011. N 5. P. 31–33. (In rus)
5. Karasev A. T., Elkina A. V. Sistem of local government in the Russian Federation: concept, structure // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]. 2012. N 1. P. 145–148. (In rus)
6. Kuzin D. A. Concept, essence and system of local governments of the Russian Federation // Scientific notes of the Oryol State University [Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 2. P. 374–378. (In rus)
7. Mokshina M. A. Delegation to local governments separate state powers // Bulletin of the Udmurt University. Economy and Law series [Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»]. 2011. N 2. P. 82–88. (In rus)

8. Ovchinnikov V. A., Barbarova N. G. Reforming of local government in Russia (on the example of the Leningrad Region) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2007. N 2. P. 32–40. (In rus)
9. Postriganov E. A. Local government in modern Russia: problems and prospects // Bulletin of the Vladivostok State University of Economy and Service [Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa]. 2014. N 4 (27). P. 52–60. (In rus)
10. Pylin V. V. Problems of the theory and practice of democracy in the course of formation of local government of Russia: doctoral dissertation abstract. M., 1999. (In rus)
11. Savin V. I. Local government in the system of the public power of Russia // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2017. N 3, v. 12. P. 150–155. (In rus)
12. Taseev V. B., Yantsen E. A. Problems of local government // Basis of the economy, management and law [Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava]. 2013. N 5 (11). P. 25–28. (In rus)
13. Hagundokov A. B. Problems of efficiency of implementation of separate state powers by local governments // Scientific news [Nauchnye izvestiya]. 2017. N 7. P. 87–91. (In rus)
14. Hvostunova N. V. Legal regulation of public hearings at the local level // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov]. 2009. N 2. P. 12–21. (In rus)
15. Chikhladze L. T. New tendencies of formation of local governments in the Russian Federation // Jurisprudence [Yuridicheskaya nauka]. 2017. N 1. P. 42–51. (In rus)

About the author:

Yulia V. Vasilyeva, Consultant of Committee of Administration and Protocol of the Governor of the Leningrad Region, Lecturer in Law of North-Western Institute of Management of RANEPA, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-Western Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); VasilevaYulia@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-35-43

Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики*

Шамахов В.А.[1, *], *Межевич Н.М.*[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamahov-va@sziu.ranepa.ru

[2]Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Необходимость развития интеграции в рамках союзного государства России и Беларуси практически никем не оспаривается. Однако на практике эта интеграция идет достаточно медленно. С нашей точки зрения, одной из причин данного положения является невнимание к тому обстоятельству, что за 27 лет постсоветского развития в Белоруссии, как и на всем постсоветском пространстве (в том числе Прибалтике) сложились разные экономические модели. Подчеркнем: и в том, и в другом случае относящиеся к рыночной экономике, но демонстрирующие значимые отличия в механизмах управления, структуре собственности, социальной политике.

Страновые экономические модели — не новый предмет исследования. Тем не менее, применительно к Беларуси таких работ не так много. В данной статье авторы попытались не только указать существенные моменты белорусской экономической модели, но сравнить ее с экономическими практиками государств Прибалтики, прежде всего Литвы и Латвии.

Ключевые слова: экономическая модель, Беларусь, государства Прибалтики, государственный сектор, страновые особенности, социальная политика, постсоветское пространство

Analysis of Economic Model of Republic of Belarus: Context of the Baltic States

Vladimir A. Shamakhov [a, *], *Nikolay M. Mezhevich*[b]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; Shamahov-VA@sziu.ranepa.ru

[b]St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of integration within the Union State of Russia and Belarus is practically challenged by nobody. However, in practice this integration goes rather slowly. From our point of view, one of the reasons of this situation is inattention to the circumstance that in 27 years of Post-Soviet development in Belarus, as well as in all former Soviet Union (including the Baltics) emerged different economic models. Let's emphasize, all of them are related to market economy, but have a number of differences in mechanisms of management, structure of property, social policy.

Country economic models are not a new object of research. Nevertheless, in relation to Belarus there are just a few such works. Authors tried not only to specify the essential moments of the Belarusian economic model in this article, but compare it to economic practices of the states of the Baltics, first of all Lithuania, Latvia.

* Работа подготовлена в рамках Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Академией управления при Президенте Республики Беларусь; Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Институтом экономики Национальной академии наук Беларуси и в рамках проекта Фонда президентских грантов, выигранного Ассоциацией прибалтийских исследований: «Отношения Союзного государства России и Белоруссии со странами Прибалтийского региона: форсайт-2030».

Keywords: economic model, Belarus, states of the Baltics, public sector, country features, social policy, former Soviet Union

Рассматривая вопрос об экономических моделях с привязкой к конкретным странам или регионам, следует помнить о том, что любая экономическая модель — это сугубо упрощенное изображение ключевых экономических процессов. Попытка сравнения национальных экономических моделей, как правило, показывает, что двух одинаковых подходов к макроэкономическому регулированию нет [9, с. 60]. Однако выявление экономических моделей позволяет выявить ключевые особенности функционирования национального хозяйства и на этой основе сделать верифицируемый прогноз не только в экономике, но в конечном счете и в политике. Следует попытаться дать объективную оценку места экономических систем различного типа. Это связано с тем, что достаточно часто объективное исследование национальных экономических моделей меняется на политические и идеологические оценки. При этом забывается то, что системы хозяйствования рациональны до тех пор, пока успешно решается главная задача экономики — максимизации удовлетворения потребностей общества имеющимися ограниченными ресурсами. В конечном счете не так важно, каким способом получены данные результаты.

Либеральные и неолиберальные модели сами по себе не являются «плохими» или «хорошими». В рамках данной статьи мы исходим из того, что они могут быть весьма успешны в том случае, если они адекватны историческим, географическим, политическим предпосылкам и стартовому экономическому капиталу. Именно этот вопрос следует рассмотреть применительно к Беларуси и в ряде случаев к государствам Прибалтики, рассматривая экономические модели последних как антитезу белорусской. Модель национальной экономики представляет собой формализованное описание присущих экономике страны явлений и процессов, сложившихся условий хозяйствования, выполненное по определенным правилам [7, с. 13]. Национальная экономика, как правило, является разновидностью рыночной экономической модели. Исключения (Южный Судан и Северная Корея) скорее подтверждают правила, чем опровергают их. В этом контексте и Беларусь, и Литва представляют собой разновидности одной — рыночной модели экономики.

Национальная экономическая модель характеризуется как обобщающими макроэкономическими показателями, так и набором социальных, политических, географических характеристик. С нашей точки зрения, для эффективного страноведческого анализа необходимо изучать не рыночную экономику в целом, а ее национальную модель. В рамках междисциплинарного подхода предполагается, что «объективными предпосылками (национальной экономической модели) выступают уровень развития и характер национальных производительных сил; специфические “неэкономические” факторы: природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.» [6, с. 24].

Не менее важны оценки собственно экономического потенциала страны и ее социального капитала, традиции и национальная психология, региональная история. Если не учитывать все это, теоретическая конструкция оказывается оторванной от реальности, от специфики национальной экономики. «Исследователи привыкли мыслить глобально или в рамках регионов, анализируя основные макроэкономические показатели. И все реже встречаются исследования национальных деталей, а ведь дьявол кроется именно в них» [12, с. 11].

Основные критерии для определения специфики разных рыночных моделей — это, как правило, формы собственности (доля государственной и частной собственности в объеме ВВП), формы вмешательства государства в экономику, характер социальной политики.

Вопрос о роли государства в современной экономике является одним из важнейших. Официальная позиция Организации экономического сотрудничества и развития такова: «Правительства отвечают за продвижение экономического роста и социальных преобразований, предоставление товаров и услуг, регулирование поведения предприятий и отдельных лиц и перераспределение дохода». Назвать ее либеральной или кейнсианской — не представляется возможным, так как подобное определение не дает ответа на вопрос о том, как измеряется и как регулируется роль государства в экономике. Отметим и то, что после мирового экономического кризиса большое количество государств от США до Китая и от России до Беларуси увеличили государственное участие в экономике. Впрочем, еще до кризиса К. Курц — экс-президент Американской политологической ассоциации — в своей статье «Глобализация и американская мощь» отмечал: «Государства выполняют жизненно важные политические, социальные и экономические функции, и ни одна другая организация не соперничает с ними в этом отношении». И далее: «Мы не должны задаваться вопросом о том, что случится с обществом и экономикой, когда государство начнет отмирать, поскольку мы имеем на этот счет слишком много примеров. Наиболее очевидным является Китай в 1920-х и 1930-х гг. и многие африканские государства после обретения ими независимости, а также в настоящее время постсоветская Россия»[1]. Не следует акцентировать внимание на упоминание России и африканских государств через запятую, статья была написана в начале 90-х гг. прошлого века. Важно другое. Практика реализации китайских реформ подтвердила, что в государстве с переходным типом экономики и политического строя эффективная и устойчивая либерализация экономики может быть достигнута лишь при сильной власти. Решающее значение здесь имеет то обстоятельство, что только сильная власть может ставить долгосрочные цели и обладает достаточной политической волей и средствами мобилизации для того, чтобы эффективно добиваться их осуществления. Такая власть способна обеспечить конкурентоспособность государства на мировой арене, прежде всего, путем проведения рациональной промышленной политики, учитывающей сравнительные преимущества своей экономики [1, с. 8]. Современная экономическая модель характеризуется не только долей госбюджета в ВВП, более важен объем расходов государства на удовлетворение социальных потребностей граждан. Этот показатель связан с долей частной собственности, ее экономической эффективностью, уровнем покупательной способности и уровнем доходов граждан. В этом контексте обратим внимание на размер и динамику заработной платы в России и странах СНГ в 2011–2017 гг. на основе обменных курсов по паритету покупательной способности (ППС) Всемирного банка. В рассмотренном исследовании результат России оказался максимально близким показателям республики Беларусь, чей уровень оплаты труда, начиная с 2013 г., был сопоставим с уровнем оплаты труда в России в 2017 г. и даже немного превышал его[2]. Динамика нетто-зарплат в государствах Прибалтики демонстрирует их очевидное превосходство по сравнению с Беларусью, как, впрочем, и России. Однако конечное потребление, с учетом льгот и дотаций, социальных программ, выглядит абсолютно сбалансированным.

Безусловно, в классической скандинавской модели влияние государства на экономику осуществляется посредством масштабных, но косвенных мер государственной бюджетно-финансовой политики, задействования возможностей налоговой системы, частично регулирования цен и управления инфляционными процессами. Скандинавская версия национальной экономической модели гораздо менее критич-

[1] Цит. по [4, с. 7].

[2] Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Специальный выпуск «Межстрановые сопоставления заработных плат в 2011–2017 годах» / под ред. Л.Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ. 2018. С. 17.

на к государственному участию, именно поэтому белорусская модель ближе к скандинавской, чем эстонская или латвийская, что на первый взгляд кажется странным.

Современная хозяйственная практика направлена на воспроизводство условий ограниченно свободной конкуренции. В государствах Прибалтики в условиях десуверенизации выбор приоритетов осуществляется в Брюсселе, а не в национальных столицах.

В Беларуси конкуренция ограничена управленческой политикой, тем не менее, именно в Беларуси рост рынка происходит на основе следующих принципов: рынок для всех, благосостояние для всех, а общий рост экономики сопровождается ростом доходов большинства субъектов рынка и покупательной способности денежной единицы. Однако на практике преимущества получают не все, а какие-то отдельные отрасли и предприятия. Именно такой подход характерен и для Беларуси. Такие гиганты, как «Горизонт», «БелОМО», «БелавтоМАЗ», «Автокомпоненты», «Белстанкоинструмент», «БелАЗ» нуждаются в государственной поддерже и получают ее точно так же, как и их аналоги в европейской промышленности.

Объектом государственного регулирования выступают трудовые отношения на общенациональном уровне. В Беларуси за счет государственного бюджета обеспечивается высокий уровень удовлетворения социальных потребностей населения посредством трансфертных платежей. В Литве такая политика была качественно сокращена в постсоветский период. Конечно же, для этой модели характерны и определенные противоречия между политикой государства по поддержке высокого уровня занятости, реализации социальных программ и возможностями обеспечения высоких темпов роста экономики, повышения эффективности хозяйствования [3, с. 128]. Именно поэтому в Прибалтике, свернув социальную политику, потеряли от 1/3 (в Литве) до 1/5 (в Эстонии) эффективных трудовых ресурсов.

При этом «по меркам стран с уровнем доходов выше среднего, Беларусь имеет хорошее сочетание компонентов национального богатства. По показателю человеческого капитала она превосходит Украину и Молдову. Вместе с тем, накопление материального капитала сопровождалось ухудшением динамики чистых иностранных активов, Беларуси необходимо укреплять национальную финансовую систему и в меньшей степени полагаться на внешние заимствования, наращивать экспорт и усиливать экономические институты, способствующие более эффективному использованию накопленного физического и человеческого капитала»[1].

Итак, кризис социального капитала в Прибалтике развертывался на фоне мощной перераспределительной системы, сохраняющейся в Беларуси. В условиях низкой безработицы, постоянно растущих реальных доходов населения и увеличивающейся доли амортизации к первоначальной стоимости основных средств предприятий ... одним из основных способов поддержки белорусского производства и внедрения социальных стандартов стала государственная поддержка [8, с. 18]. В силу этого возрастает показатель доли государственного сектора в ВВП, соответственно Беларусь и Швеция с этих позиций существенно ближе, чем может показаться на первый взгляд. Эта тенденция была отмечена профессором Е. Т. Гайдаром: «Сам рост доли услуг в ВВП в условиях постиндустриального общества — важный фактор роста государственной нагрузки на экономику [2, с. 13]. При этом Е. Т. Гайдар ссылается на профессора Г. Стиглера, который одним из первых указал на то, что значительная часть деятельности государства связана с предоставлением услуг [14] и тем самым повышает долю госсектора в ВВП. На это указывает и профессор В. М. Полтерович: «Уровень человеческого капитала в государственном секторе часто выше, чем в частном. Если это так, то поддержание

[1] Официальный сайт Всемирного банка. URL: https: //www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2018/04/19/belarus-economic-update-spring-2018

большого государственного сектора может быть рациональным: тем самым обеспечиваются и более высокая эффективность, и поступления в бюджет» [13, с. 42].

В этом контексте обратимся к программным тезисам критиков белорусской экономической модели. Ярослав Романчук пишет: «В нашей стране мы говорим „экономика“ — подразумеваем „государство“. Говорим „государство“ — подразумеваем „экономика“»[1]. Достаточно представляя происходящее в республике Беларусь, нельзя не признать определенную правоту автора. Однако в какой мере критика государственного участия подтверждена сегодня теоретическим анализом и анализом реальных хозяйственных практик республики Беларусь? Как и все оппозиционные экономисты, Романчук опирается на заимствованную теоретическую базу, апробированную в других странах, на ином экономическом материале, в иных политических условиях. Достаточно убедительно критикуя белорусскую экономическую модель, оппозиция характеризуется абсолютной стерильностью в отношении конкретных предложений. В этом контексте белорусские либеральные экономисты качественно отличаются от их российских коллег четвертьвековой давности, предлагавших на тот момент актуальные теоретические концепции и весьма спорные, но соответствующие условиям времени экономические рецепты.

Более того, белорусские оппозиционные экономисты, как правило, известны не экономическими трудами, а оппозиционными лозунгами, что опять же отличает их от российских коллег конца XX в. Белорусская оппозиция закономерно называет себя меньшинством, позиционируя себя следующим образом: «Представители белорусского меньшинства активно осваивают ценности модерна. Они не противники Лукашенко, они противники авторитаризма, в то время как представители большинства являются типичными советскими людьми, не способными выжить в условиях рыночной экономики без поддержки со стороны „сильного государства“» [11, с. 81]. Практика постсоветского пространства показала, что большинство инициаторов радикальных реформ модель собственного выживания связывают именно с государственным сектором в рыночной экономике и совсем не чужды государственным практикам социальной защиты. Этот тезис прошел проверку на всем пространстве от Эстонии до Грузии. При гипотетической смене экономической модели в Беларуси ситуация будет аналогичной, но осложненной тем обстоятельством, что готовность населения к радикальным реформам существенно сократилась за последние 28 лет. Укажем также на то, что ценности модерна, в верности которым клянутся оппозиционеры из Беларуси, выглядят сегодня несколько устаревшими, как в плане теории, так и на уровне практического применения.

Вернемся к предложениям Я. Романчука, удобным для нас тем, что представляют собой квинтэссенцию заимствованных стереотипов в белорусской либеральной экономической мысли: «Сегодняшнюю громоздкую, противоречивую, высокозатратную налоговую систему необходимо заменить введением трех универсальных налогов: налога с розничной продажи (плоская шкала около 15%), подоходного налога с физлиц (10%) и акцизов на энергетические товары, табак и алкоголь». Как абстрактная конструкция подобное возможно. Однако как при этом обеспечить социальные расходы в рамках действительно патерналистской модели — не ясно. Точнее ясно. Перед нами ухудшенный вариант хозяйственных и налоговых практик России 1992–1999 гг. Качественное падение уровня жизни гарантировано. Конечный итог, в том случае, если история отпустит еще 28 лет — Болгария. Член ЕС, существенно уступающий Беларуси по показателям конечного потребления и ВВП по ППС.

«Второй шаг — честная, открытая приватизация государственных активов с ориентацией на национального инвестора. Доля государственных активов не должна

[1] Здесь и далее: *Романчук Я.* Дебюрократизация и либерализация [Электронный ресурс] // Портал «Беларусь сегодня». URL: https: //www.sb.by/articles/poiski-luchshey-doli.html

превышать 15–20 процентов». Национального инвестора нет — автор выталкивает Беларусь на болгарскую, венгерскую, латвийскую модель деструкции национальной экономики, скупку активов, фиктивные банкротства, уничтожение промышленности и сельского хозяйства при гарантированном отсутствии трансферов из ЕС или иных источников. Как автор определяет долю государственной собственности и в какой степени государственными активами считаются субъекты экономики, находящиеся в смешанной частно-государственной собственности? И, наконец, самый главный вопрос: откуда взялась цифра 15–20%? По мнению профессора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации О. В. Кожевиной, «На долю госсектора приходится 30–40% объема промышленного производства в Центральной и Восточной Европе. В России, по разным оценкам, около 30% промышленного производства осуществляют предприятия с государственным участием и около 50% ВВП производится в государственном секторе экономики» [5].

«Третий шаг — радикальное сокращение функций государства, отказ от тотального госконтроля и надзора, дерегулирование, дебюрократизация и либерализация экономических отношений». Любые «радикальные» решения чреваты социальным взрывом, в условиях Беларуси абсолютно неизбежным. Степень госконтроля и надзора в ряде случаев следует признать избыточной, что признается и руководством государства. Однако апелляция к «невидимой руке рынка» в конце второго десятилетия XXI в. как универсальный рецепт — в лучшем случае популизм. Сошлемся на мнение ведущих российских экономистов В. А. Мау и Е. Г. Ясина, высказанное еще в 2012 г.: «...кризис в одинаковой мере можно объяснить как „провалами рынка“ (избыточным дерегулированием), так и „провалами государства“, неспособного обеспечить стабильность экономического роста. Постепенно становилось все яснее, что действительно требуется усилить государственное регулирование, но относится это, прежде всего, к финансовым рынкам» [10, с. 14].

Общее негативное впечатление от подобных рекомендаций усиливается при рассмотрении позиции Всемирного банка по вопросу об экономике Беларуси. Страницы, посвященные Беларуси, открываются предельно выверенной и объективной формулировкой: «Республика Беларусь шла по пути постепенных преобразований, который характеризовался ограниченными структурными реформами и умеренными темпами роста частного сектора. В рамках проводимой политики акцент делался на модернизации государственных предприятий посредством их субсидирования и предоставления льготных кредитов через государственные банки»[1]. С предложенной формулировкой трудно спорить. Каждый указанный момент, каждая характеристика верна, однако никакой отрицательной коннотации они не несут. Укажем и на то, что роль государственного сектора в Беларуси не тайна для авторитетной международной организации: «Возможное разрастание взаимосвязанных проблем государственных предприятий и коммерческих банков также вызывает некоторую озабоченность»[2]. При этом, по мнению аналитиков банка, «если осмотрительная бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика будут продолжены для поддержания гибкости обменного курса и сохранения инфляции на уровне однозначной величины, это может способствовать расширению частного сектора, в особенности благодаря недавним улучшениям в деловой среде»[3].

---

[1] Официальный сайт Всемирного банка. URL: https: //www.vsemirnyjbank.org/ru/country/belarus

[2] Республика Беларусь: Экономический обзор, апрель 2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: https: //www.vsemirnyjbank.org/ru/country/belarus/publication/economic-update-spring-2018

[3] Обзор экономики Республики Беларусь, осень 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: http: //www.vsemirnyjbank.org/ru/country/belarus/publication/economic-update-fall-2018

Иными словами, призыв к развитию частного сектора высказан и, более того, услышан в органах власти и управления Беларуси.

Подведем итоги. Современные процессы экономического развития Беларуси имеют как теоретическое прочтение, так и очевидное практическое значение. Отметим то, что изучение процессов интеграции на постсоветском пространстве больше не является абстрактной академической задачей. Качественное усложнение и хаотизация международных экономических отношений ставит проблематику экономической интеграции в союзном государстве в сугубо практическую плоскость. Проблемы европейской интеграции, так хорошо видимые в Прибалтике, значимы для нас как универсальный антиуказатель.

В начале XXI в. Д. Тренин определял Европу (ЕС) как мощный внешний источник внутренней трансформации для России. Цель России, с его точки зрения, была в том, чтобы «стать Европой» по своему внутреннему строению и качеству институтов, а не «быть принятой в Европу»[1]. Очевидно то, что и Белоруссия, и Эстония, Латвия, Литва считали этот путь наиболее перспективным. С нашей точки зрения, во всех пяти странах положительный результат не был достигнут. Однако масштаб отрицательного результата оказался различным. Вступление государств Прибалтики в ЕС с экономической точки зрения является тактической победой, которая в долгосрочной перспективе станет стратегическим поражением. Ситуация с Беларусью оказалась иной, но предполагающей потенциал роста и развития.

Прошло уже больше четверти века с начала фундаментальных реформ, почти тридцать лет трансформационные задачи решаются на постсоветском пространстве. Можно сделать некоторые выводы.

- Реформирование было единственным путем сохранения государственности и поддержания стандартов экономического благосостояния людей. Были использованы разные модели реформирования от предельно жестких, неолиберальных в Эстонии, Латвии, до относительно мягких в Беларуси и Литве.
- Там, где реформы были сбалансированы, тактические поражения 1992–1993 гг. не стали утратой стратегических целей и не привели к утрате государственности де-факто. Успешность первого этапа реформ не коррелировала с их теоретической моделью и практикой реализации.
- Членство в ЕС также само по себе не гарантирует решения экономических проблем. Эстонский пример достаточно интересен, но результаты Латвии и Литвы удручают.

На начальном этапе трансформации государства Прибалтики располагали колоссальным потенциалом экономического развития, примерно равным или превосходящим белорусский. Этот потенциал в значительной степени не был использован. Наличие развитого сельского хозяйства, современной в целом промышленности, удобное транспортно-географическое положение, соседство с ЕС и Россией, обеспеченность экономики недорогой, но квалифицированной рабочей силой, привлекательные материальные активы и емкий внутренний рынок в Беларуси стали базой не всегда устойчивого и недостаточно динамичного роста экономики. Однако при этом все исходные конкурентные преимущества были сохранены. В государствах Прибалтики рост ВВП сопровождался деградацией сельского хозяйства и разрушением промышленности и является де-факто заимствованным.

Интеграционный проект постсоветского пространства возник и переживал крайне тяжелые времена в тот момент, когда западноевропейский проект стал просто европейским и универсальным. Но ситуация начала меняться. Вероятно дело в том,

[1] *Тренин Д.* Россия и грядущее расширение ЕС [Электронный ресурс] // Брифинг московского центра Карнеги. Том 4. Вып. 10. Октябрь 2002 г. С. 22. URL: http://textarchive.ru/c-2292548-p2.html

что развитие интеграции между Прибалтикой и остальной Европой — это потеря качества при выигрыше темпа. Союзное государство, несмотря на другой масштаб — некоторая потеря темпа при, хочется верить, выигрыше качества.

Литература

1. *Бергер Я. М.* Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН М. : ИД «ФОРУМ», 2009.
2. *Гайдар Е. Т.* Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–23.
3. *Дэли М., Льюис Дж.* Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2014. № 19. С. 117–136.
4. *Земляной С. Н.* Глобализация и национальная идентичность // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. № 3. С. 6–8.
5. *Кожевина О. В.* Зарубежная практика использования организационных моделей управления эффективностью в государственном секторе экономики // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-9. С. 2027–2031.
6. *Кульков В. М.* Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 24–31.
7. *Лемешевский И. М., Деревяго И. П.* Национальная экономика Беларуси. Минск : БГТУ, 2012.
8. *Лузгина А. Н.* Единое экономическое пространство Беларуси, России, Казахстана и Украины — выгоды и потери. Минск : Логвинов, 2005.
9. *Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В.* Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60–78.
10. *Мау В. А., Ясин Е. Г.* Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
11. *Николюк С.* Конец белорусского «чуда» // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108). С. 77–85.
12. *Переход* стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты : сборник статей / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М. : Институт экономики РАН, 2016.
13. *Полтерович В. М.* Приватизация и рациональная структура собственности. М. : Институт экономики РАН, 2012.
14. *Stigler G.* Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1956.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук; mez13@mail.ru

References

1. Berger Ya. M. Economic strategy of China / IFES RAS. M. : “FORUM”, 2009. (In rus)
2. Gaidar E. T. State load of economy // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 9. P. 4–23. (In rus)
3. Daly M., Lewis J. The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states // SPERO. Social policy: expertise, recommendations, reviews [SPERO. Sotsial’naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory]. 2014. N 19. P. 117–136. (In rus)
4. Zemlyanoy S. N. Globalization and national identity // European safety: events, estimates, forecasts [Evropeiskaya bezopasnost’: sobytiya, otsenki, prognozy]. 2002. N 3. P. 6–8. (In rus)

5. Kozhevina O. V. Foreign experience of using organizational models of performance management in the public sector // Basic researches [Fundamental'nye issledovaniya]. 2014. N 11–9. P. 2027–2031. (In rus)
6. Kulkov V. M. Parameters of a research and formation of a national economic system in Russia // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2014. N 3(41). P. 24–31. (In rus)
7. Lemeshevsky I. M., Derevyago I. P. National economy of Belarus. Minsk : BSTU, 2012. (In rus)
8. Luzgina A. N. A common economic space of Belarus, Russia, Kazakhstan and Ukraine — benefit and loss. Minsk : Logvinov, 2005. (In rus)
9. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Koroleva A. V. Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models // Baltic region [Baltiiskii region]. 2017. T. 9, N 1. P. 60–78. (In rus)
10. Mau V. A., Yasin E. G. Twenty years of market reforms and new model of economic growth. M. : Publishing house of Higher School of Economics, 2012. (In rus)
11. Nikolyuk S. End of Belarusian "miracle" // Messenger of public opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2011. No. 2 (108). P. 77–85. (In rus)
12. Transition of the countries of Central Eastern Europe from socialism to capitalism: features and results: the collection of articles / under the editorship of S. P. Glinkina, N. V. Kulikova. M. : Institute of Economy of RAS, 2016. (In rus)
13. Polterovich V. M. Privatization and rational structure of property. M. : Institute of Economy of RAS, 2012. (In rus)
14. *Stigler G.* Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1956.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of Faculty of the International Relations of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies (RABS), Doctor of Science (Economics); mez13@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-44-58

Evaluation Technologies in the Sphere of the Circulation of Art Objects

(History of Assessing the Market Value of a Russian Painting)

Alexander N. Tsatsulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with the problems of the domestic and foreign market of objects of art as objects of national heritage. The structure of the sphere of circulation of art objects is shown, participants and agents of the art values market are described. Particular attention is paid to the activities of world auction houses and galleries. Methodical approaches are specified and methods for estimating the market value of art objects, including objects of painting, are listed. The article illustrates the authors' attempt to evaluate the cost of the most mystical pictorial canvas in the history of the national museum science "Ivan the Terrible and his son Ivan" by the famous Russian artist I. E. Repin. The picture with a tragic-psychological plot was twice attacked by vandals with an interval of a hundred years and experienced a long-term costly restoration, even with not quite successful attraction of the author of this work.

Keywords: appraisal activity, sphere of circulation, art object, pictorial canvas, market value, expertise, attribution, analysis of hierarchies, criterion of significance, national wealth, insurance value

Оценочные технологии в сфере обращения предметов искусства (история оценки рыночной стоимости одной русской картины)

Цацулин А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются проблемы отечественного и зарубежного рынка предметов искусства как объектов национального достояния. Показана структура сферы обращения предметов искусства, описаны участники и агенты рынка художественных ценностей. Особое внимание уделено деятельности мировых аукционных домов и галерей. Уточнены методические подходы и перечислены методы оценки рыночной стоимости предметов искусства в том числе объектов живописи. В статье проиллюстрирована попытка авторов оценить по малоизвестным методикам и техникам стоимость самого мистического живописного полотна в истории российского музееведения «Иван Грозный и сын его Иван» знаменитого русского художника И. Е. Репина. Картина с трагико-психологическим сюжетом дважды подверглась нападению вандалов с интервалом в сто лет и испытала длительную дорогостоящую реставрацию, даже с не совсем удачным привлечением автора этой работы.

Ключевые слова: оценочная деятельность, сфера обращения, предмет искусства, живописное полотно, рыночная стоимость, экспертиза, атрибуция, анализ иерархий, критерий значимости, национальное достояние, страховая стоимость

To write pictures is a profession, to sell them is art.

Henri Joanson

Introduction

The sphere of circulation of art objects in Russia is a rapidly developing sector of the economy, which has taken its place in the international market. Authoritative specialists

consider it to be one of the main and most promising areas for preserving and multiplying capital. Specific features of the sphere of the circulation of art objects, manifested in the nature of the market demand for them, dynamically developing needs of clients, low susceptibility to crises, make it necessary to thoroughly study and develop systematic, theoretical approaches to improving the functioning and interaction of its participants.

On May 25, 2018, the police of the city of Moscow detained a vandal who, in the evening, broke a glass of the famous painting of Ilya Repin, "Ivan the Terrible and his son Ivan on November 16, 1581" (1883–1885) in the Tretyakov Gallery (Figure 1). According to the official representative of the Ministry of Internal Affairs, a criminal case was instituted on damage to cultural heritage sites. According to the Telegramm channel "112", the detainee is an unemployed person named Igor[1]. He said that he intentionally cut the picture with glass, because he considered the historical fact, represented by the artist, to be unreliable[2]. The agency "Interfax" in the press service of the Tretyakov Gallery reported that the picture is seriously damaged. "The canvas is broken in three places in the central part of the work on the figure of the prince." The author's art frame was badly damaged from the fall of the glass", — they said[3].

The attacker seriously damaged the canvas, only the restoration of which, according to experts, will cost the museum more than 10 million rubles. But simultaneously it turned out that not a single picture from the collection of the Tretyakov Gallery is insured. Moreover, there is no insurance for any work of art in any museum of the Russian Federation, including the Hermitage. Not insured are in the territory of Russia and all monuments of architecture.

But monuments of architecture, history of culture and the world heritage burn in fires, suffer from natural disasters, anthropogenic pressure of tourists and visitors and so on. And these monuments were not insured for insurance because no one knows their insurance value. Their market value or intrinsic value is also unknown.

The fire that destroyed the Assumption Church of the XVIII century in Kondopoga (Figure 2), including the need for closer cooperation between the church and the museum community to prevent such tragedies. The temple was in joint use and was transferred to the balance of the diocese. But, however, the maintenance is entrusted to the museum. Undoubtedly, the church is ready to bear a part of its responsibility. Another thing is that there was no real possibility to carry out any security functions at the church.

The Assumption Church was built in 1774 and was one of the tallest wooden churches in the Russian North. The temple was an object of cultural heritage of federal significance (Figure 3). The fire occurred on the morning of August 10; according to preliminary data of the Ministry of Emergency Situations, the church was set on fire. The main frame was a four-cornered structure (quadrangular structure), on which were installed two expanding eight-metrics, topped with a tent. The total height of the temple was 42 m, length — 24 m, width — 14.6 m. Inside, until the fire, the iconostasis in the Baroque style was preserved, the ceiling with unique paintings ("Sky"). The 15-year-old teenager poured gasoline at the temple in Kondopoga and set fire to it, firemen came without water, the church, the iconostasis and icons were instantly burnt, the boy was detained, he called himself a Satanist.

Neither the iconostasis of the 18th century nor the building of the church were insured. The insurance value is not determined at all. This is the Russian practice of keeping cultural objects. Exceptions are acquisitions at foreign and domestic auctions by museums and private collectors, as well as the return of once stolen works of art. Naturally, their market or fundamental value is unknown, because the paintings of permanent

[1] https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/smexogram/ (date of the application: 25.05.2018).

[2] That is, the very fact of the cruel murder of Tsarevich — Prince Ivan Ivanovich — by Tsar Ivan IV in the next fit of rage, which is discussed in the domestic historical science.

[3] http://www.interfax.ru/russia/ (date of the application: 26.05.2018).

Fig. 1. Repin I.E. “Ivan the Terrible Kills His Son” (ru.wikipedia.org)
“Ivan the Terrible and his son Ivan on November 16, 1581” (1881–1885)
(one of the official names of the canvas).

Fig. 2. This is all that remains of the monument of architecture of federal significance;
the object is not subject to full restoration (author’s opinion).

museum expositions never passed the procedure of sale through auction houses and did not fall within the scope of circulation of art objects. During the export of collections or individual items abroad, a very conditional insurance payment was assigned to the exhibitions, not based on research and art criticism.

The variety of services offered by the sphere in question is expanding with each year. The sphere of circulation of art objects, which 10–15 years ago was in demand mainly

Fig. 3. In this form, the church stood for almost 250 years; he object was not insured — more than 80 million rubles will be allocated for the creation of the copy.

in Western countries and the Russian elite, is now available to the middle class and enjoys steady consumer demand. Today, the sphere under consideration in Russia is developing noticeably. The emergence of Internet commerce, *On-line* auctions, an increase in the number of auction houses — all this necessitates a comprehensive and thorough study of the domestic and foreign art market.

The relevance of the research topic is determined by the need to solve the problems of socio-economic development of the domestic sphere of circulation of art objects and the scientific substantiation of the characteristic features of the formation and improvement of the mechanisms for the functioning of organizations in the sphere of the circulation of art objects, which should help preserve the national heritage and improve the valuation activity of works of art.

The subject of the research is to some extent developed in certain aspects of the evaluation of art objects, on the effectiveness of the functioning of the sphere of circulation of art objects as an alternative source of investment, measuring the economic efficiency of cultural enterprises, antiquarian business, auction business, valuation activities and other special issues. However, the scientific literature has not received sufficient consideration of the specifics of the circulation of art objects in terms of developing approaches and methods for assessing the market, fundamental and other value of art objects, including paintings and, in particular, the work of Russian masters in the art market.

The main goal and problems of the study

The goal of the study, which is relevant in many respects, is the development and scientific substantiation of methodological provisions and practical recommendations for improving the mechanism of functioning of organizations in the sphere of circulation of objects of pictorial art of Russian artists of the XIX century. Among the research tasks of the most important authors of the article is the development of a methodology for assessing the market value of works of painting using traditional valuation approaches, methods, techniques, techniques and methods.

In the conditions of volatility and variability of the economic position of the state, people are actively searching for the most stable way of investing their savings and savings. Proper investment of free monetary assets in art, in cultural values, in antiques is one such way. Antiquarian things become things that have their own specific biography. It is interesting to trace how the biography of *antiques* is built. The first context of their use can be called utilitarian, since all these objects directly fit into the era of their creation. They constitute the stylistic unity of time as furniture, works of art or objects of everyday life. In other words, antiquarian things are identical to the passing time.

***Antiquarianization* of a thing is connected with the fact that there is a transformation of its use value — a thing can lose its utilitarian context of use. The epoch is coming to an end, new artistic trends appear, the fashion for furniture or clothes is passing, their famous owner or even more famous author is dying, new achievements of scientific and technological progress, innovative technologies are appearing. In other words, the stylistic unity of perception of a thing and an epoch is broken.**

Therefore, a kind of "failure" of value or a period of devaluation of value parameters may arise between the two stages, when old things turn into unfashionable, non-functional, ugly, etc. For things to gain new value, for example, they become *vintage*, there must be a group of persons interested in using a thing in a new format or in a new understanding. In the innovative use of these same items, the utilitarian function disappears (or it becomes secondary), and the function of demonstration, symbolic, the function of reconstructing history, maintaining historical memory, etc., comes to the fore.

These things can become symbols of a high social status and be borrowed by new elites, used to create their own (sometimes updated) history, a new personal identity. Things can also turn into collectibles of antiques, like old locks or perfume bottles. With the appearance of signs of consumer demand, things get to the secondary market, become the object of trade operations. There are narrow professionals of such a market segment of trade — dealers, brokers, auctioneers, appraisers, experts who build their business on the difference of estimates associated with different visions of these things in different social groups. And if in some focus groups the thing appears as "useless rubbish", in other consumer strata it is — as a definite, quite concrete symbolic, desired benefit.

In the latter case, the good can acquire a hedonistic character in full accordance with the doctrine of hedonism (from the ancient Greek ἡδονή — pleasure, deep satisfaction) — the axiological doctrine that pleasure is the highest good and the meaning of life, the only terminal value (while all other values are instrumental, i. e. means of achieving pleasure). Hedonism, unlike utilitarianism, allows for a purely personal egoistic aspiration.

Historically, a person likes to pamper himself, to give himself pleasure, but the more delightful this is, the more expensive it is. The top of such *sophistication* is so thin that it can be felt by a few, but the existence of such an effect forces one to consume even those who do not feel such pleasure. It also falls into the area of hedonism, even imaginary, inspired personally, which is not important, because at the psychological level of human perception of a person's reality there are no differences between entities — objective and subjective; imaginary and real. The more refined and/or saturated the hedonistic aspect of the perception of a thing (good, product) relative to other analogues without damage to the gestalt, the ability of the desired good to give pleasure to the user, the more favorably, and the more the potential consumer is ready to pay for it.

Luxury and value. The circuit shown in Figure 4, shows what should be an elite product, which can be assigned a high amount of trade margins/discounts [4]. The stronger the orientation of a particular product (good) to the sphere of pleasure and the more difficult it is to hide the fact of its consumption, the more the future owner can pay for this product.

Denoting these two factors, we can formulate a specific working hypothesis of the study, suggesting that some good can become elitist due to a favorable *combination of*

circumstances, that is, sold in tens, or even hundreds and thousands of times more expensive than their counterparts, and otherwise — not sold at all. In this hypothesis it is necessary to recognize that the status and luxurious benefits are not the same at all. The main reason for consuming a status good is to demonstrate belonging to the highest levels of the social hierarchy (possibly a "ladder"), while the acquisition of a luxury product is a realized opportunity to give yourself maximum pleasure even in the event that no one will ever know about it (stolen masterpieces of art).

In other words, a sedan of a representative class is a status product, and a sports car with a piece design and manual assembly, for example *Lamborghini* is a luxury item. And not always one is equivalent to another, although there are enough cases of crossing the characteristics (parameters) of status and luxury. Moreover, it is the optimal combination of status and luxury that is the most demanded and record-paying market commodity [1].

So, for example, the acquisition of an antiquarian work of a high degree of art usually depends quite strongly on emotions and only, secondarily, on the financial considerations of the buyer, the hedonistic approach for individual valuation of objects (say, determining the market value of a painting with the help of the *Painting Calculator*) delivers in primary indicative results.

Thus, calculations based on historical data of art market transactions, in no way guarantee future purchase prices and/or prices for the sale of paintings, or profits (profits) of transaction participants. In addition, the possibility of using statistically reliable individual reports in the available databases of information data is limited to a predetermined minimum number of transactions for each artist. The liquidity and transpar-

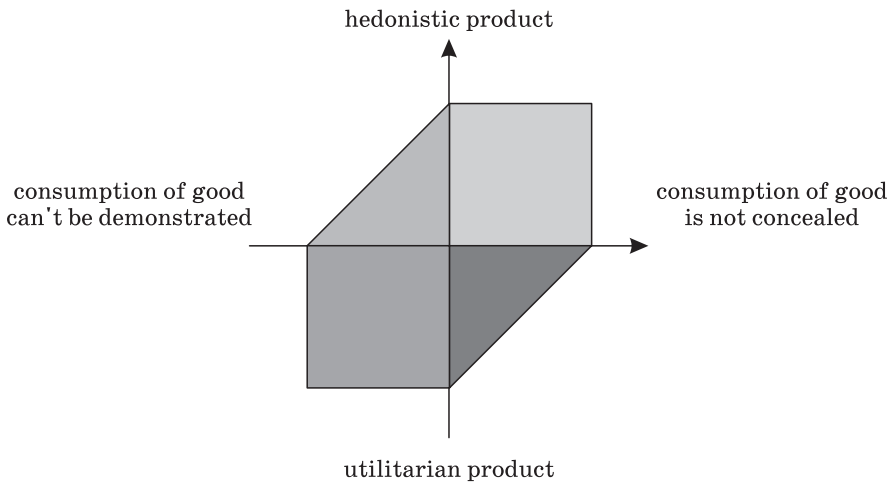


Fig. 4. The influence of the objective function (purpose) of the good (product, work, the sphere of the art) and the possibility of its demonstration on the size of the price premium potential for the benefit: green is the "maximum potential zone"; sand color — good quality low quality, lowly, relatively cheap, falsified, counterfeit, kitsch style[1] items, etc. (developed by the author)

[1] Kitsch (kitsch) — a phenomenon that originated in the XIX century in response to the cultural hunger of the petty bourgeoisie who mastered urban life, but did not have the need to master urban culture. The word "Kitch" came from Germany, literally means cheapness or bad taste. Such an ironic definition was given to art, which acquired a mass character and lost its true meaning for the educated cell of society [Китч в изобразительном искусстве = *A kitsch in the fine arts* [An electronic resource]. URL: http://trendsdesign.ru/interiorstyles/contemporary/ kitch/psevdo-iskusstvo-sovremennosti.html/ (date of the application: 10.06.2018)].

ency of the art markets are much lower than the liquidity and monitoring transparency of the well-known financial markets.

Investing money in the object of possession. There are art objects of a commercial nature, the demand and prices for which can be reliably predicted. As a result, the purchase of the antiquities turns into a way to protect the buyer's savings from inflationary processes. If art objects and antiques are of artistic value, made by a well-known master, in a well-known workshop, belonged at the time to a well-known historical personality or are extremely rare, in essence, unique, then such objects become a good way of investing funds for their preservation and augmentation. Art objects are invested not only by private individuals, but also by various corporate structures, for example, banks, large consortia, hotel sets and even government departments.

Preservation of cultural heritage. The state retains the most valuable art objects and uses them to symbolically confirm its importance or represents a kind of guarantee of the value of a thing if it is or was in the possession of the state. Thus, the state, implementing a prudential approach, preserves for the existing population and for our descendants, important artistic values, from the point of view of their history, culture and art, world heritage, national heritage, thereby protecting them from destruction, exportation or withdrawal to private collections. At the same time, such state property is at the disposal of various museums and galleries, where it becomes an exhibit open to scientific research and educational activities [5].

So, 11.11.2017, the Ministry of Culture of Great Britain introduced a temporary (for six months) ban on the export from the country of the previously auctioned picture of the British painter William Turner (1775–1851) *Ehrenbreitstein* (1835) depicting an old fortress on the Rhine near the German city of Koblenz. This was reported on Tuesday by the British newspaper *The Guardian* (TASS of January 30, 2018).

The temporary ban on the export of Turner's cloth was introduced in accordance with the recommendations of the Committee for the Supervision of the Export of Works of Art and objects of cultural interest. Committee spokesman Lowell Liebson called the work "magnificent and well-preserved, one of the best in Turner's work of that period." The work, commissioned by the publisher John Pye, was sold last year at *The Sotheby's* auction to a foreign collector for £ 18.5 million, or $ 26 million.

"This rich, mysterious atmosphere and poetry-related art demonstrates Turner's extraordinary skill in depicting light", the British Deputy Culture Minister Michael Ellis quotes *The Guardian* as saying, "I really hope that the canvas can stay in the United Kingdom where future generations will be able to live for many years admire him and appreciate him". The decision of the British Ministry of Culture, as British experts expect, will find a domestic buyer of the picture. In addition to its auction value, it will have to pay VAT of almost £ 307 thousand, or more than $ 432 thousand. In early January 2018, a similar measure was adopted by the UK Ministry of Culture regarding the painting of the Italian artist Francesco Guardi (1712–1793) "The Rialto Bridge with Palazzo dei Camerlengi". The masterpiece of the Venetian master was sold last year at *The Christie's* auction to a foreign collector for £ 26.2 million, or $ 35.5 million. This canvas, created by Guardi in the 1770s, was owned for a long time by the Guinness family, whose representatives put it up for auction.

Methodology and methods of research

The sphere of circulation of art objects performs the following functions, presented in Figure 5. One of the main features of the sphere of the circulation of art objects is its integrated nature, arising under the influence of the intersection of such spheres of public life as spiritual, artistic and material. Based on this assumption, it is possible to give several more precise definitions as applied to the sphere of the circulation of objects of art:

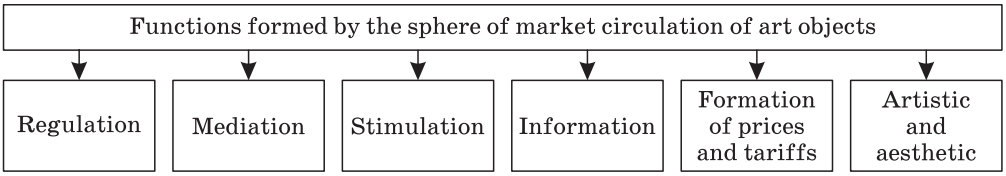


Fig. 5. Functions formed by the sphere of market circulation of objects of art (compiled by the author)

1. This system, aimed at the formation of tastes and preferences of consumers, is a cultural phenomenon, reflecting actualized state of society in which the artist, the expert community and other equitable market participants are involved.
2. This is a certain level of development of the clearing-house mechanism, i. e. system of relationships between artists, dealers, auction houses, collectors, etc. through commodity circulation of art objects.
3. This is a branch of the national economy that directly affects the country's GDP, if we consider the extent of such influence from the positions of territorial (regional) marketing and branding.

Investigating the sphere of circulation of objects of pictorial art and its components, the authors of the article revealed that economic subjects (ES) of the modern commodity market can be divided into several segments, illustrated in Figure 6.

The central segment of the market in Figure 6 is represented by auctions. *Auction house* is an organization whose main function is public sale of goods, securities, property of enterprises, works of art and other objects according to pre-established rules. At the same time, there are three types of auctions: *Dutch* (a high price is assigned, and then it goes down); *English* (the price is gradually rising); *Japanese* (each participant writes his price). Despite the attitude of all auction houses to one segment of the market, there are significant differences between them, both in terms of trade volumes and other significant characteristics. At auctions, you can see more unique and valuable items of art and antiques. All items presented at the auction have certificates of authenticity, and for their quality auction houses meet their reputation. The main buyers at the auction are wealthy buyers, investors and collectors. In Russia, the "English" type of auction took root.

In the annual commodity turnover of the Russian sphere of circulation of art objects, the share of auctions is about 7–10%. Abroad, this share is much higher — 80–85%. According to the results of the study of the antiquarian market, the authors of the article among the auction houses are dominated by *Christie's* and *Sotheby's* — their total share of the cost is 27% of all auction sales in the world. Behind them, as shown in table 2, follows *Bonhams* (5%) and *Phillips de Pury* (6%)[1].

The largest in Russia is the auction house *Gelos*, founded in 1988, and the House annually holds more than 120 auctions, which sells about 40 thousand items of all kinds of value and related to different types of art. The company's turnover is estimated at $ 1 million per month[2]. Among other auctions in Russia, also regularly arranging auction of Russian art of the XVIII–XX centuries and objects of art — Leonid Shishkin's auction, *Sovkom* gallery, *Albion* gallery, *Magnum Are* and auction house *Kabinet*. Also, in Russia

[1] Official site of the Christie's Auction House [An electronic resource]. URL: http://www.christies.com; Official site of the Sotheby's Auction house [An electronic resource]. URL: http://www.sothebys.com (date of the application: 24.05.2018).

[2] Official site of the Gelos Auction house [An electronic resource]. URL: http://www.gelos.ru/ (date of the application: 24.05.2018).

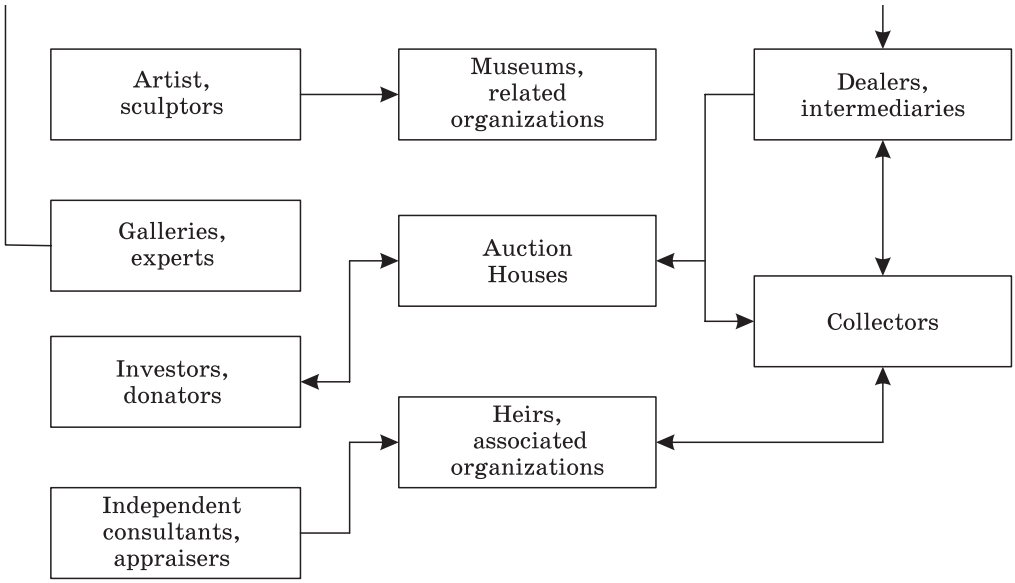


Fig. 6. Structure and the scheme of interrelations of agents of the market of the reference art objects (compiled by the author)

there are about 10 auction houses, some of them specialize in a certain kind of art objects or objects of one historical era. The volume of trade of such auctions is much lower than the turnover of *Gelos*.

Evaluation services. At present, this sector of circulation of art objects (Figure 6) is not sufficiently developed. This situation is observed in connection with the insufficient number of professional appraisers, as well as the insufficient level of market regulation, the lack of evaluation methods. Today in Russia professional appraisal activities are conducted by such companies as NP "Community of Professional Appraisal", North-West Appraisal Company, Professional Audit Consulting, LLC "ArtConsulting", etc. In addition to domestic appraisers, there are representative offices of foreign companies on the market, as well as private and public galleries, private agents.

Noticeable biases in the global market structure were the result of simultaneous growth in consumer demand from wealthy Chinese and Western buyers and a synchronized increase in the supply of ancient Chinese art on the market. In the PRC 25 years ago there were no auction houses, nor the very manifestation of consumer demand for art. And at the beginning of 2018 in China there are about 100 registered sites of auction houses, the largest of which, in addition to *Sotheby's* and *Christie's — China Guardian Auctions* and *Poly International Auction Company*. The Chinese art market, along with such socially important markets as science and education, exports of consumer goods are rapidly developing. Of the dynamically growing markets of recent times, one can also confidently call the Indian market, which mainly works on the export of antiquities and demonstrates a significant movement — sales volume increased from about € 3 million in 2010, and by the end of 2017 exceeded, according to the report of *Artprice*, € 600 million[1].

[1] News agency on the market of objects of art Artprice [An electronic resource]. URL: www.artprice.com (date of the application: 11.05.2018).

Table 1

The main parameters of the world art market for 2015

N in order	A country	The volume of the market, € million	Structure art market, %	The volume of auction sales, € million
1	2	3	4	5
1	China	601,0	40,0	4 828,50
2	USA	552,0	36,7	6 116,10
3	United Kingdom	231,0	15,4	3 058,05
4	France	26,3	1,8	—
5	Other countries, including Russia	91,8	6,1	—
6	Total:	1502,1	100,0	—

Data source: News agency on the market of objects of art Skate Press [An electronic resource]. URL: www.skatepress.com (date of the application: 01.05.2018).

Table 2

Rating of the TOP-10 auction houses based on the results of trade turnover in 2016

N in order	The name of the auction house	Annual turnover, $	Sold lots, units
1	2	3	4
1	Christie's	4 968 338 763	19 238
2	Sotheby's	4 570 332 893	14 805
3	Poly International Auction Company	767 441 423	8095
4	China Guardian Auctions	553 020 191	7695
5	Phillips	397 524 395	3311
6	Beijing Council International Auction	294 044 650	3720
7	Shanghai Jiahe	160 679 547	1893
8	China Xiling Yinshe Auction Co., Ltd.	149 486 812	3140
9	Beijing Hanhai Art Auction	147 791 657	4492
10	Bonhams	143 121 888	8949

Data source: News agency on the market of objects of art Artprice [An electronic resource]. URL: www.artprice.com (date of the application: 11.05.2018).

The last 5 years have become the most successful for the world of the circulation of art: its turnover has doubled in comparison with the post-crisis period (2009–2010), when the price fall was 48%. The largest players are the PRC and the US, which reflects the table 1. The Chinese market in 2014 reached the volume of € 601 million, which accounted for 40.0% of the world market; The US fell behind by more than 3% and with a volume of € 552 million took the second place. Great Britain and France noticeably lagged behind the leaders of the world art market — € 231 million (15.5%) and € 26.3 million (1.8%), respectively. The Russian market in this rating occupies a worthy 21 place. However, the structure of auction sales in the same year for the two leaders was the opposite (compare columns 4 and 5 of table 1).

In 2016, several new countries appeared on the art market, among which there are Philippines, which outstripped both Russia and Switzerland in the rating. Among the

most developed markets for contemporary art in Africa and the Middle East, the report highlights the countries that are included in the first Top-50 of the world's leading art markets: Turkey, the United Arab Emirates, South Africa, Iran, Morocco, and others. 2 presents the Top-10 auction houses on the results of trading in 2016.

Technology valuation of art objects

Works of art are the most specific objects of evaluation, in contrast to such types of property as, real estate, business, vehicles and so on. To assess the works of art, today there is no single theoretical basis, based on which, it would be possible to conduct an assessment. To explain this can be a high degree of individualization of each individual object. Accordingly, this type of assessment is a unique activity and requires a comprehensive and holistic analysis of all available data taken from all sorts of archives and literary sources.

When carrying out the process of assessing the value of an art object, first of all, it is necessary to conduct attribution and examination of the studied object of evaluation. As a rule, specialists of the appraisal activity proper, do not have sufficient volume of special knowledge in such narrow branches of knowledge. In this case, they seek advice from an expert in the field, namely an art critic or an antiquarian. This expert helps to establish the most important parameters: the authenticity of the object and authorship. The object is considered authentic only if it was created with his own hands or with the direct participation of the specified author (master).

The ability to distinguish genuine work from forgery is a decisive skill for a specialist in this field. Today there are a frighteningly large number of copies, including masterpieces executed very skillfully. Accordingly, in order to avoid mistakes, the expert must be aware of the technology, the style of each individual author, the consumables used by him, and so on. In addition to the expertise of the facility, the specialist should also implement in the evaluation process, a thorough study of the art market. To understand the market specifics is necessary to establish the most accurate *attribution value* of the object.

For a detailed study of the facility and establishing its value, it is also important to conduct a technological analysis. This is due to the fact that every day there are more and more counterfeit works performed extremely accurately and accurately, that it is hardly possible to distinguish them from the originals. In such cases, without the special technological expertise, the authenticity of the object can't be established. Here, to the aid of experts come various methods of examination, based on physical and chemical studies of the object. The essence of such an analysis is reduced to the allocation of unique components in the composition of work or techniques that allow the most accurate determination of the time of creation of the object.

The term *examination* has two non-equivalent values. In a narrow sense, expertise is the study of the properties of an object through the use of various diagnostic devices, which enable us to determine its exact, as a rule, quantitative characteristics. In the broadest sense, under examination is meant the official conclusion of a competent specialist, regarding the authenticity and quality of the object under study.

If it is an examination in the broad sense of the word, then it is necessary to say also about attribution. Attribution allows you to determine the age of the subject, its author. Of course, it is far from always possible to determine the exact time and place of the creation of an object. Therefore, as a rule, attribution allows you to refer the work to a certain style, school and so on. Often, the concepts of "examination" and "attribution" equate each other. This should not be done, since expertise is a broader concept than attribution.

Thus, when assessing the value of art objects, it is first of all necessary to include in calculations all the factors that affect its value. Such factors are identified on the basis

of valuation principles, such as: the logic and typology of financial behavior of citizens[1] in the formation of a fair price of an object in a free market. These principles are universal and interrelated. But, at the same time, their orientation differs depending on the purpose of the assessment and the main qualities and characteristics of the object of evaluation. The specialist should choose the method of calculating the cost, suitable for each individual valuation object, carry out market analysis on the valuation date, and take into account the maximum number of factors affecting pricing.

As is known, the main approaches used by appraisers in the course of their activities are *costly*, *profitable*, *comparative* approaches that, with the help of appropriate methods, are applied to the valuation of art objects. It should be noted that the core of any approach to evaluation is the interests of the parties and the objectives pursued by them, as well as the supply-demand ratio in the cultural property market as of the valuation date specified in the Evaluation Report.

We will illustrate the procedure for assessing the cost of painting in a comparative (market) approach, which includes the following stages: market analysis; the identification of structural elements of comparison that affect the value, as well as units of comparison; the process of establishing links between units for comparison and comparative elements; calculation of the price of the object, based on the prices of the analogues. In the process of using the comparative approach, we apply the method of *pair sales*, the essence of which is to compare the prices of two identical items. These items differ only in one of the compared elements, but it is this element that reflects the existing price differences.

When conducting a comparative study, experts, as a rule, face the problem of incomparability of characteristics of analogical objects. It becomes impossible to determine the level of influence of each of the properties of objects on their value. In the case of such cases, it is advisable to involve the *hierarchical analysis method* (*HAM*) developed by the American mathematician T. Saati in the 1970s. 20th century, has received wide popularity and has found its distribution in different scientific fields. *HAM* is based on mathematical procedures that make it possible to make a hierarchy of measured characteristics, which directly affects the identification of the object and its cost [3].

HAM is used when it is necessary to make a choice based on available alternatives. Such alternatives have their own scales, knowledge of which allows choosing the most optimal alternative. The main task is to establish similar weights, by using *HAM*. The role of alternatives is played by objects that are analogues for calculating the price of an object. It is very important in this situation to find the object of an analog that is as close as possible to the object of evaluation.

Building a decision-making model is a fairly time-consuming process. Expert appraiser as a result receives detailed description of how, affecting the priority alternative solutions and decisions themselves, the factors interact with each other. The calculation of rating solutions in the *HAM* is quite simple, which has a positive impact on its dissemination among expert appraisers.

The valuation of the art object includes the following stages: selection of analogical objects; calculation of the rating of the object-evaluation and analogical objects within the framework of the hierarchy analysis method; selection of the closest object to the rating of the analogue object by rating and calculation of the correction factor taking into account the differences in the rating indicator; calculation of the market value of the evaluated object according to the scheme shown in Figure 7.

The first stage in the framework of the *HAM* is the organization of hierarchy levels: from comparison purposes through the criteria of the inverter block to the lower level

[1] In the spirit of the theory of behavioral finance of Nobel laureates in economics, Kaneman D. — Tverski A. [2].

of alternatives. Representing the hierarchy as simple as possible in the *HAM*, it is possible to describe its structure from the very top (the market value of the valuation object), through intermediate criteria to the lowest level — alternatives in analogues (analogue N 1, analog N 2, ..., analog N *n*). Then the process of assigning priorities to the selected criteria is carried out, i. e. quantitative determination of which criteria are the most, and which are the least, significant in the valuation process.

The following factors may serve as comparative criteria: author's fame, safety, creation date, quality level, public recognition, sizes, etc. The list of criteria varies depending on the individual characteristics of the object. Obviously, in the first place, it is necessary to take into account those data, in the reliability of which, there is not the slightest doubt. At the same time, we note that the range of such criteria for highly specialized items of valuation (second-hand books, philately, numismatics, etc.) can be expanded by other criteria.

The second stage of *HAM* is the development of matrices of paired comparisons for all lower levels for one matrix for each individual element that adjoins the upper level. This stage is the most important in the framework of the method, since it is precisely it that enables the specialist to show his knowledge and competence. Accordingly, this stage affects the reliability of the final calculation of the value of the art object.

The third stage within the *HAM* is the verification of the index, or the *consistency* factor ($\check{K}$) of each matrix. Based on the basic positions of linear algebra, a positive definite and inversely symmetric matrix having rank $R = 1$ has a maximal eigenvalue equal to the degree of the dimension of this matrix. Making comparisons in the real situation, the calculated maximum eigenvalue (λ_{max}) will be different from the corresponding eigenvalue for the ideal matrix. This difference is a characteristic of the so-called *mismatch of the real matrix* and demonstrates the level of confidence in the results achieved. The stronger this difference, the level of confidence will be lower. Such disagreement can be caused, at least, by two circumstances: the personal and professional qualities of the evaluating expert and the level of uncertainty of the estimated pictorial work.

If the columns in the normalized matrix are identical, then we can conclude that the original matrix is *matched*. In the event that the matrix of paired comparisons is not agreed, the established coefficient/index $\check{K}$ gives information on how much this consistency is violated. The coefficient $\check{K}$ is used to check the consistency of the comparison matrix as follows. When $\check{K} < 0.1$, the degree of inconsistency is *acceptable*. Otherwise, the degree of inconsistency of the matrix is high, and the subject responsible for making the decision should check the elements of the matrix pair comparison, in order to construct the most consistent matrix.

The fourth stage of application of the *HAM* is based on the use of the so-called. *hierarchical synthesis* for the purpose of weighing the eigenvectors by the weights of the criteria and calculating the sum over all corresponding elements of eigenvectors lying below the level of the hierarchy. The result implementation of this stage is the construction of the rating of the assessed object and the comparable analogs. The assessor should assess the adequacy of how the assessed objects are ranked in relation to similar objects, by analyzing the market within which the evaluated object exists. If the evaluator sees that the rating objects in the rating are not located correctly, he should check the matrix of pairwise comparisons and draw another estimator to construct such matrices in order to obtain an alternatively constructed rating.

Based on the results of the estimated rating of the evaluated object and similar objects, the following variants of the location of the valuation object can be obtained: the first line of the rating; the lower line of the rating; a line between two similar objects. Based on the rating location of the evaluated object, the corresponding *correction fac-*

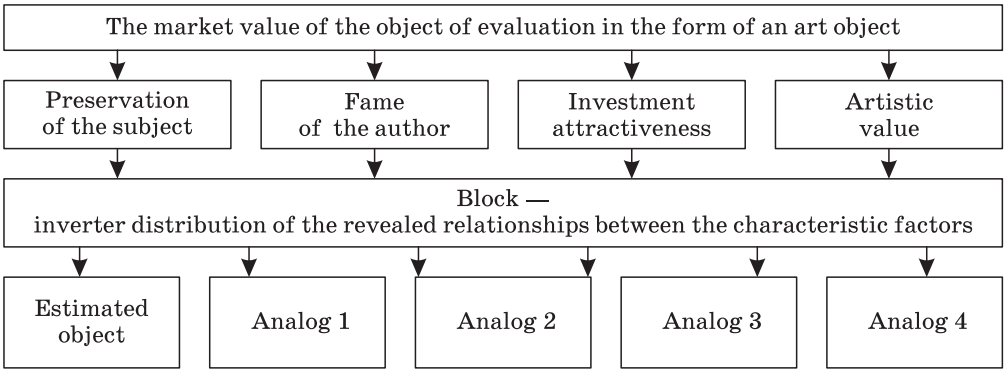


Fig. 7. The hierarchy of value levels from the position of the *HAM* in the cross-sectional analysis of the characteristics-factors of analogues (developed by the author)

tor is calculated — k_i. The value of the estimated object is calculated by multiplying the value of a similar object, which is closest in the rating, to the correction coefficient k_i. If necessary, when the market situation undergoes changes for various political, economic or social reasons, and to take into account the features of the evaluated object that are not available to the analogs, special correction factors k^i, can be used. They are calculated in the course of the analysis of market information or are built using the method of expert assessments for the i-th criteria, where n is the maximum number of recognized criterions.

Before you start directly assessing the value of the object of pictorial art with the help of *HAM* and other evaluation technologies, you need to provide some information about the author of the painting. This information can be obtained by studying the biography of a particular artist, in particular I. E. Repin, whose canvas came at the beginning of the article. Its continuation and calculations will be published in the next issue of our journal.

References

1. Gerard-Varet L.-A. On pricing the priceless: Comments on the economics of the visual art market. 2010.
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk, Econometrica, vol. 47, pp. 263–291, 1979.
3. Saaty T. Decision Making. Analytic Hierarchy Process. M.: Radio and communication, 1993. 278 p. (In rus)
4. Tsatsulin A. N. The prices and pricing in system of marketing. Tutorial for higher education institutions. M. : Filin, 1998. 452 p. (In rus)
5. Tsatsulin A. N. Joint business and restoration of architecture monuments of Leningrad: restoration of link of times costs money // economic zones and joint business in the field of culture and tourism: materials of the international seminar “Free economic zones and new forms of joint business”. Leningrad–Novgorod–Vyborg, on October 14–21 1990 / under the editorship of Yu. V. Yakovets. M. : ANE USSR; Consortium “Art Masterpieces”, 1991. 194 p. P. 139–140. (In rus)

About the author:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Professor; vash_64@mail.ru

Литература

1. *Gerard-Varet L.-A.* On pricing the priceless: Comments on the economics of the visual art market. 2010.
2. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk, Econometrica, vol. 47, pp. 263–291, 1979.
3. *Саати Т.* Принятие решений. Метод анализа иерархии. М. : Радио и связь, 1993. 278 с.
4. *Цацулин А. Н.* Цены и ценообразование в системе маркетинга : учеб. пособие для вузов. М. : Филинъ, 1998. 452 с.
5. *Цацулин А. Н.* Совместное предпринимательство и реставрация памятников архитектуры Ленинграда: восстановление связи времен стоит денег // Свободные экономические зоны и совместное предпринимательство в области культуры и туризма : материалы международного семинара «Свободные экономические зоны и новые формы совместного предпринимательства». Ленинград–Новгород–Выборг, 14–21 октября 1990 / под ред. Ю. В. Яковца. М. :АНХ СССР ; Консорциум «Шедевры искусства», 1991. 194 с. С. 139–140.

Об авторе:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; vash_64@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-59-70

Особенности формирования инновационной экономики в некоторых азиатских странах: возможности заимствования опыта в условиях Российской Федерации

Захарова Н. В.[1], *Лабудин А. В.*[2, *]

[1]Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *labudin59@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности формирования инновационной экономики в некоторых странах Азии. Проанализированы основные этапы становления инновационной экономики в Сингапуре, Южной Корее, Японии. На основе изучения статистического и теоретического материала показаны основные преимущества инновационной экономики в условиях современной глобализации. Доказана связь инновационной экономики с глобальной конкурентоспособностью стран. Показаны основные особенности национальных инновационных систем Японии, Сингапура, Южной Кореи. Раскрыты сильные и слабые стороны инновационных экономик различных стран, а также перспективы их развития. Показано, что из опыта этих стран может быть применимо к российским условиям.

Ключевые слова: азиатские страны, Япония, Сингапур, Южная Корея, инновационная экономика, национальная инновационная система, инновационный рейтинг, глобальная конкурентоспособность, экономика РФ

Peculiarities of the Formation of the Innovative Economy in Some Asian Countries: Learning of Experience for the Russian Federation

Natalya V. Zakharova[a], *Alexander V. Labudin*[b, *]

[a]Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
[b]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *labudin59@mail.ru

ABSTRACT

In the article the peculiarities of the formation of the innovative economy in some Asian countries are discovered. The main stages of the formation of the innovative economy in Singapore, Japan, South Korea are analyzed in details. On the basis of studing of vast statistical & theoretical material the main advantages of the innovation economy in the conditions of modern globalization are discovered. The connection between the innovative economy and the global competitiveness of the countries is proved, The main peculiarities of the formation of national innovation systems in Singapore, Japan, South Korea are shown. On the basis of the vast amount of the material the weak and the strong points of the innovative development of different countries and also the perspectives for their development are shown. What experience can be applied for Russian conditions is demonstrated.

Keywords: Asian countries, Japan, Singapore, South Korea, innovative economy, national innovative system, innovation rating, global competitiveness, Russian economy

На современном этапе развития мировой экономики определяющее значение для экономического роста и развития приобретают инновации и новые технологии. Не подлежит сомнению, что инновации стимулируют основные движущие процессы,

являясь драйвером, с помощью которого идет развитие человечества и мирового хозяйства.

Впервые понятие «инновации» было раскрыто в работе Й. Шумпетера «Теория экономического развития» (1911). В ней он представил концепцию инноваций [9]. В научных кругах вопрос определения понятия «инновации» до сих пор открыт. Существует множество подходов к определению инноваций и их классификаций. Например, можно рассматривать определение термина «инновации» с позиции одного из двух подходов: процессного (при котором инновации рассматриваются в качестве процесса); объектного (инновации представляются как объект) [2]. Один из самых простых способов классификации инноваций — на основе глубины вносимых ими изменений. Таким образом, инновации делятся на радикальные (прорывные) и вспомогательные (дополнительные)[1]. К прорывным относятся инновации, в корне меняющие какой-либо процесс или благодаря которым создается принципиально новый продукт. Вспомогательные инновации направлены на улучшение уже существующих объектов, услуг или технологий производства.

Большинство ученых подтверждают, что инновации и новые технологии выступают движущей силой экономического развития [4]. В таких условиях огромное влияние оказывает уровень развития таких элементов инновационной сферы, как наука в целом, наукоемкие отрасли, инновационная деятельность компаний, организация международной научно-производственной кооперации. Их влияние на степень развития государства колоссально, особенно в условиях международного разделения труда.

При упоминании об инновациях и инновационных государствах в течение длительного периода времени большинство экспертов принимали во внимание прежде всего ЕС и США. Они долгое время по праву признавались мировыми лидерами в этой сфере. Постепенно картина стала меняться вместе с изменением расстановки сил на поле инновационного развития государств. Ведущие роли все чаще достаются государствам-представителям Азиатского региона.

Разумеется, самого крупного его представителя, Китая и отдельных его провинций, тренд на построение инновационных экономик просто не мог обойти стороной. Но, несмотря на очевидные успехи этого государства, в данной статье будут подробно рассмотрены другие азиатские страны, уже успевшие оказаться в числе мировых инновационных лидеров. Для этого обратимся к рейтингам. Все азиатские страны отмечены в Глобальном индексе конкурентоспособности, разрабатываемом Всемирным экономическим форумом. В нашей статье речь пойдет о Сингапуре, Республике Корее и Японии, ставших лидерами в своем регионе.

В общем рейтинге (по всем странам мира) Сингапур занимает 3-е место, Япония — 9-е, Южная Корея несколько отстает. Интересно, что Индия, несмотря на свое невысокое положение в этом индексе, рассматривается как будущий инновационный центр Азии[2]. Несмотря на высокий интерес к Индии как к стране с определенным потенциалом, в данной работе будут рассмотрены страны Азии, которые уже достигли определенных успехов на инновационном пути развития.

Не меньший интерес представляет и другой рейтинг. Это ежегодный рейтинг, составляемый экспертами «Bloomberg». Здесь картина немного иная: лидером мира в течение уже двух лет выступает Республика Корея. На втором месте идет Сингапур, который всего за год значительно улучшил свое положение и вошел

---

[1] *Sloane P.* How many types of innovation are there? [Электронный ресурс]. URL: http://innovationexcellence.com/blog/2016/08/16/how-many-types-of-innovation-are-there/ (дата обращения: 20.03.2018).

[2] *Гатинский А.* Россия опустилась в рейтинге самых инновационных стран [Электронный ресурс] // Интернет-портал «РБК», раздел «Экономика». 15.06.2017. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/06/2017/594271b19a79473ed86548d0 (дата обращения: 20.03.2018).

в тройку лидеров. Япония входит в первую десятку, обосновавшись на 6-м месте. При сохранении текущей тенденции уже в следующем году Япония сможет войти в первую пятерку. Далее рассмотрим опыт названных выше стран.

Сингапур

Чрезвычайно интересен путь развития Сингапура — страны, которая за исторически короткое время смогла превратиться в одну из стран с наиболее благоприятными условиями для жизни и ведения бизнеса и встать на путь инновационного развития своей экономики, называясь при этом «домом для инноваций» [10]. Когда Сингапур обрел независимость (это произошло в 1965 г.), он был полностью импортозависимым (туда ввозили даже строительный песок и пресную воду) и уязвимым по отношению к соседним государствам. На примере этой страны видно, насколько весома может быть роль личности в истории. Для Сингапура такой выдающейся личностью стал Ли Куан Ю, который называл себя и своих соратников «группой буржуазных, получивших английское образование, лидеров» [1].

На сегодняшний день экономика Сингапура считается экспортоориентированной. Вместе с тем, ее основным недостатком является сильная зависимость от импорта энергии, воды и продовольствия. Она базируется на производстве и продаже высокотехнологичных продуктов: фармацевтической продукции, информационных технологий, разного рода электроники. Для того чтобы это стало возможным, лидер страны Ли Куан Ю позволил американским ТНК заложить фундамент высокотехнологичной промышленности Сингапура — проще говоря, сделал все возможное для преодоления препятствий и неудобств, которые могут испытывать иностранные инвесторы, при неоспоримом исполнении принципа верховенства закона и равенства всех перед законом.

В основе экономической деятельности этой страны — оказание разного рода услуг, где занято более 70% населения [8]. Активная поддержка оказывается малому и среднему бизнесу, предприятия которого составляют около 92% всех предприятий страны.

Что касается инноваций, то исследования и разработки стали буквально главным пунктом национальной экономической стратегии. Ключевую роль в этом играет создание и развитие университетов, научно-исследовательских институтов и других инновационных центров. При них стимулируется создание и открытие так называемых «офисов транспортировки технологий», которые упрощают процесс попадания инновации из лаборатории на рынок [10]. Они занимаются анализом результатов исследований и отбирают те из них, которые имеют коммерческий потенциал, и самое главное — разрабатывают стратегии коммерческого использования инноваций.

Парадокс сингапурской экономики заключается в том, что, если она перестанет по каким-то причинам быть ориентированной на инновации и линию инновационного развития, тогда она просто-напросто перестанет существовать. Из этого можем сделать вывод, что любое государство, вне зависимости от запасов ресурсов, которыми оно владеет, состава населения, при правильном управлении способно построить инновационную экономику в самые короткие сроки. Эти выводы вполне справедливы и в отношении Сингапура.

Для того чтобы создать инновационную экономику, инновации должны проникнуть глубоко в общество[1]: не только в сознание, но и в ментальность населения, а также в правовую сферу. Инновации не работают только с бизнесом, они нуждаются

[1] *Lim P. J.* Singapore's future lies in being an innovative economy // Channel NewsAsia. 28.10.2015 [Электронныйресурс]. URL: http://www.channelnewsasia.com /news/singapore/singapore-s-future-lies/2224252.html (дата обращения: 20.03.2018).

в людях с высоким уровнем образования и соответствующими навыками. Правительство Сингапура во всем поддерживает бизнес в своей стране и всячески стремится помочь ему в дальнейшем инновационном развитии. Бюджет, принятый в Сингапуре в 2018 г., был разработан с учетом признания того факта, что именно инновации являются основным драйвером развития[1]. При составлении бюджета были учтены следующие факторы, имеющие позитивное влияние на развитие бизнеса в Сингапуре[2]:

- возврат до 40% уплаченного налога на прибыль, если инвестиции направляются на инновационное производство,
- регулирование целевых субсидий и налоговых льгот (освобождение от значительной части налогов для стартапов, частичное освобождение от налогов для уже функционирующих компаний)[3];
- гранты за рационализаторские решения, расширенный налоговый вычет при затратах на НИОКР, запуск Открытой инновационной платформы (OIP)[4].

При этом постепенно вводятся барьеры в области поставки импортной продукции и услуг, что может говорить о достижении местными поставщиками определенного уровня конкурентоспособности и предполагает их дальнейшее развитие.

Республика Корея (Южная Корея)

На сегодняшний день Республика Корея является одной из самых успешных экономик мира. Однако еще полвека назад экономика страны переживала времена разрухи и разрозненности. Именно в то время в Корее было положено начало системной перестройке для стимулирования экономического развития. Интересно рассмотреть, какие основные направления политики были выбраны национальным правительством, и какие предприняты меры, позволившие Корее стать одним из четырех «азиатских тигров»[5].

В 50-е — начале 60-х гг. XX в. положению Южной Кореи едва ли можно было позавидовать: уровень развития ее экономики отставал от многих африканских стран, ВВП на душу населения Кореи слегка превышал показатель Папуа — Новой Гвинеи — представителя доиндустриальной модели развития[6]. Корея оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной, не богатой какими бы то ни было полезными ископаемыми, к тому же по соседству с ней находилось более развитое (на тот момент) государство — КНДР. Единственный и уникальный ресурс, на который можно было сделать ставку для запуска процесса изменений, — это люди. И в виде «бонуса» — удачное внешнее стечение обстоятельств.

---

[1] *Нагин В. В* помощь бизнесу в Сингапуре принят бюджет 2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт консалтинговой компании «Импэкс-Консалт». 04.03.2018. URL: https://www.start-business-in-singapore.com/blog/v-pomoshh-biznesu-v-singapure-prinyat-byudzhet-2018.html (дата обращения: 20.03.2018).

[2] Там же.

[3] *Shiao V.* Singapore Budget 2018: Innovation, R&D to get shot in the arm [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Business Times». 20.02.2018. URL: http://www.businesstimes.com.sg/sme/singapore-budget-2018/singapore-budget-2018-innovation-rd-to-get-shot-in-the-arm.

[4] *Cheok J.* Singapore Budget 2018: OIP will accelerate innovation and digital transformation [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Business Times». 20.02.2018. URL: http://www.businesstimes.com.sg/technology/singapore-budget-2018/singapore-budget-2018-oip-will-accelerate-innovation-and-digital (дата обращения: 20.03.2018).

[5] Building a national innovation system: What can we learn from Korea? [Электронный ресурс] // Интернет-портал «The conversation». 10.09.2012. URL: http://theconversation.com/building-a-national-innovation-system-what-can-we-learn-from-korea-9449 (дата обращения: 20.03.2018).

[6] *Соколов-Митрич Д., Дятликович В.* Чудо корейское [Электронный ресурс] // «Эксперт Online» URL: http://expert.ru/russian_reporter/2013/17/chudo-korejskoe/ (дата обращения: 20.03.2018).

Как известно, нельзя недооценивать роль отдельной личности в истории. В 1961 г. в результате военного переворота к власти в Корее пришел Пак Чжон Хи и достаточно долго пробыл у власти — вплоть до 1979 г. Периода в 18 лет оказалось достаточно для запуска процесса глобальных изменений в стране.

Секрет успеха политики диктатора заключался, в первую очередь, в качестве трудовых ресурсов, которые ему достались: высокая трудовая дисциплина формировалась в стране многие столетия, поскольку помимо отсутствия в регионе полезных ископаемых, качество земли также оставляло желать лучшего[1]. Вместе с тем, постепенно повышалась производительность труда. К тому же, люди в Юго-Восточной Азии воспринимали государство как источник стабильности в стране и главного организатора экономической жизни и, несмотря на возможные ошибки со стороны представителей власти, считали, что необходимо подчиняться распоряжениям.

Эти особенности ментальности корейского народа и его готовность работать практически бесплатно позволяли превратить страну в огромную фабрику, работавшую преимущественно на экспорт, который до этого времени не был развит. Появились так называемые «капиталистические пятилетки», процесс исполнения которых знаком каждому представителю бывшего СССР. Поддержка экспорта заключалась в предоставлении льготных кредитов и государственного финансирования промышленной инфраструктуры, льготных тарифов на электричество, воду и транспорт, послаблении налогового бремени. Нередки были случаи, когда о технических новинках в Корее узнавали уже после того, как они отправлялись за рубеж.

Еще один фактор, объясняющий подъем Южной Кореи — внешний. Интересно, что процветание Южной Кореи было выгодно таким странам, как США и Япония. США в противостоянии с СССР требовались союзники в этом регионе. На это США направляли средства, и это были не только деньги, но и технологии. Япония же продолжала вкладывать в военно-промышленный комплекс бывшей колонии, не имея права поддерживать собственные вооруженные силы, с целью создания сильного в военном отношении соседа.

Несмотря на то что отчасти данная ситуация обеспечивается удачным стечением обстоятельств, из нее можно вынести очень полезный урок руководителям многих стран: для развития своей страны, направления ее по пути процветания и (для начала) получения поддержки со стороны других государств, необходимо сделать так, чтобы это развитие было выгодно всем, либо заставить остальные государства поверить в это.

Помимо правильно выбранного политического курса и эффективного управления, следует обратить внимание на корейскую систему организации бизнеса, в основе которой лежал иерархический принцип. На вершине находились 4–5 крупных промышленных холдингов — чеболей, далее шли около 40 менее крупных чеболей. Чеболи в Корее находились в очень выгодном положении: государственная протекция, льготные кредиты, законодательное лоббирование их интересов при полной их лояльности государству. Создание чеболей во многом отвечает стремлениям начала 1960-х годов превратить страну в огромную фабрику. К тому же контроль крупных чеболей позволял государству более четко регулировать и контролировать экономические процессы и изменения. В стране, где был плохо развит банковский сектор (фактически национализирован) и фондовые биржи, у крупного бизнеса не было альтернативы, кроме как согласиться на условия правительства.

Развитие экономики формировало у граждан иные системы ценностей и взглядов на жизнь. Старая система терпела кризис: чеболи функционировали все менее

[1] *Федин В.* Экономическое чудо Южной Кореи — 17.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://fedin.org/ekonomika/chudo-yuzhnoj-korei.html (дата обращения: 20.03.2018).

эффективно и во время кризиса 1997 г. едва не потянули корейскую экономику ко дну; диктатура постепенно отмирала. После череды коррупционных скандалов в стране установилось новое демократическое правительство западного типа — практически единственный пример в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Чеболи прошли процедуру «разукрупнения». Одновременно с созданием условий для трансферта технологий правительством принимались меры по созданию инфраструктуры и правовой базы для развития научно-технического потенциала.

В настоящий момент корейским правительством в качестве новой экономической парадигмы предложена стратегия построения «креативной экономики»[1], что подразумевает создание экономической экосистемы с помощью запуска платформ. Правительство отталкивалось от проекта создания «городка с креативной экономикой» в сентябре 2013 г. — онлайн-платформы, призванной помочь общественности коммерциализировать свои идеи. На июль 2016 г. в Корее насчитывается 18 инновационных центров креативной экономики. Особое значение эти центры имеют для предприятий малого и среднего бизнеса. В общей сложности центры поддержали 1135 стартапов. В процессе их создания появилось около 1360 новых рабочих мест.

Опыт построения южнокорейского чуда и инновационной экономики, безусловно, интересен для изучения. Первоначально жесткий подход к управлению, создание компаний-гигантов, мобилизация всех доступных ресурсов, расположение и поддержка более развитых стран — первый шаг к становлению инновационной экономике по-южнокорейски. Дальнейшая смена системы ценностей ее граждан, как в вопросах условий работы, так и в вопросах образа жизни в целом, развитие собственных производств, технологий и флагманских брендов, повышенные требования к человеческому капиталу при господстве чеболей и слабом развитии более гибкого и мобильного малого и среднего бизнеса — это те вызовы и проблемы, с которыми сталкивается корейское общество сегодня. Время покажет, останется ли Корея в рядах лидеров, либо допустит обойти себя постоянно развивающимся странам-соседям по Азиатскому региону и представителям других регионов мира.

Япония

Япония — это поистине уникальный феномен с неповторимыми культурными особенностями, обычаями, традициями, жизненным укладом. Эта страна выделяется даже на фоне остальных азиатских стран. При этом, несмотря на то, что в приведенных инновационных рейтингах Япония не входит в число абсолютных мировых лидеров, всякий раз, когда речь заходит о новых технологиях и технических изобретениях, мы вспоминаем именно об этой стране.

Как и в остальных странах-лидерах с инновационной экономикой, национальная инновационная система (НИС) в Японии формировалась постепенно, начиная с 50-х годов XX в. Однако фактически формирование целостной НИС в Японии началось только с 80-х гг. XX в. Говоря о специфике инновационной деятельности в Японии, нельзя не отметить некоторую противоречивость в японском подходе к управлению инновационными процессами. Отнюдь не секрет, что одним из факторов японского экономического чуда стал первоначальный масштабный импорт новых иностранных технологий, который в конечном счете дал толчок мощному экономическому развитию страны. С другой стороны, легендарная японская культура, характеризующаяся приверженностью традициям и стремлением сохранить

[1] 28 reasons to choose Korea: Innovative Environment [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Invest Korea». URL: http://www.investkorea.org/en/innovation/infra.do (дата обращения: 20.03.2018).

свои национальные особенности, оставила свой след и во многом сделала развитие инновационного процесса специфичным.

Убедимся в этом на примере. Одной из ярчайших особенностей японской культуры является приверженность коллективизму, командности. Так, в противовес западной философии конкуренции, процесс создания инноваций в японском понимании протекает на групповом уровне. Профессор Гарвардской школы бизнеса Х. Такеучи показывает различие между западным отношением к фирме, согласно которому она воспринимается как машина по созданию и обработке информации, и японским подходом, где фирма определяется как живой организм [5].

Профессором также выделяется несколько особенностей японского подхода к процессам инновационной деятельности: компания как живой организм, а не робот; приобретение знания не только от инсайдеров, но и от аутсайдеров; для разрешения противоречий между руководством компании и ее работниками привлекаются представители менеджмента среднего уровня, что очень важно для инновационной деятельности. Как видно, в японской культуре приветствуются не только устоявшиеся формы, но также и самостоятельность действий субъектов инновационной деятельности. Открытость всему новому, готовность пересматривать взгляды, а также принцип «меньше слов — больше дела» здесь проявляется в действии.

При создании НИС в Японии особая роль отводится государственному механизму управления, который определил общие правила взаимодействия субъектов инновационной деятельности. Была создана система трехстороннего сотрудничества промышленности (бизнеса), правительства (государства) и академии наук (научные организации) — «сан-кан-гаку». Система показала себя очень эффективной, в том числе в процессах, связанных с производством импортозамещающей продукции. По этой причине она применяется до сих пор. Данная система выглядит как межсекторальная корпорация, в которой государство не только инициирует и контролирует реализацию идеи или стратегии, но также определяет, какой участник и в какой степени имеет право воспользоваться результатами, полученными в процессе совместной работы. Вторая часть является очень важной, поскольку она помогает мотивировать и контролировать участников.

В инновационной сфере Японии функции в области стимулирования инноваций и трансферта новых технологий между частным сектором и правительством разделяются в соотношении 80/20. Этот факт является характерной особенностью инновационной сферы Японии. Государственная политика Японии в научно-технической области — это система мер, создающих условия для освоения новых технологий. Так, правительством были инициированы различные формы кооперации науки с производством. Был создан специальный фонд, из которого финансируются многочисленные программы международного научного сотрудничества.

Международное научное сотрудничество ведется не только на территории самой Японии. При ее финансовой поддержке в Западной Европе и США были открыты различные исследовательские центры. В университетах создаются специальные кафедры, которые проводят исследования по запросам японской стороны, идет постепенная интеграция японской науки с наукой западноевропейской и американской. Этому способствует развитая система грантов и пожертвований. Постепенно Япония отошла от заимствования патентов и сосредоточилась на эффективном развитии собственной науки и технологий.

Специфика инновационного развития в Японии заключается также в особой модели «научных парков» — агломерации наукоемких фирм или исследовательских отделов промышленных компаний, которые группируются вокруг университетов или других научных центров. Определяющим фактором для выбора места их строительства является состояние транспортной сети (учитывается наличие аэропорта, по-

скольку именно авиационный транспорт считается наиболее подходящим как для перевозки малогабаритной готовой продукции наукоемких отраслей, так и для доставки материалов для ее производства). Также желательно наличие поблизости университета, выполняющего координирующие функции во время проведения НИОКР, а также подготовку квалифицированных исследователей.

Несмотря на некоторую консервативность во взглядах, Япония активно участвует в глобализационных процессах. Современная инновационная политика Японии открывает страну для прямых иностранных инвестиций. Государство выстраивает стратегию по созданию благоприятного инвестиционного климата на основе постепенной либерализации рыночных барьеров, устранения правовых ограничений, которые распространяются на некоторые отрасли, для более легкого входа иностранных инвесторов на японский рынок. Это ускоряет внедрение инноваций в собственные отрасли экономики, способствует созданию новых производственных мощностей, а также приобретению новых технологий в сфере управления, заимствованию навыков, открывает доступ к новейшим ноу-хау и патентам. Более того, глобализационные процессы прямо влияют на повышение инновационной активности внутри страны, помогают увеличивать экспорт высокотехнологичной продукции.

Разумеется, Япония не идет к тому, чтобы снять все ограничения для иностранных инвесторов: такие сферы, как топливно-энергетический комплекс, авиационная промышленность, сектор воздушных перевозок, а также легкая и пищевая промышленность остаются наиболее закрытыми для иностранного капитала и влияния. Что касается сферы услуг, особенно связанной с современными технологиями, и обрабатывающего сектора, инвестиции в них, наоборот, активно приветствуются.

Особый интерес представляет тот факт, что японцы, как народ достаточно консервативный, до сих пор поощряют систему пожизненного найма. Однако дело здесь не только в особенностях японского менталитета, внедрение подобной системы имеет вполне рациональное объяснение. Во-первых, поддерживается конкуренция за рабочие места в рамках одной фирмы, которые представляются для работников стабильными и приносящими высокий доход. Во-вторых, такая система позволяет вкладывать большие деньги в профессиональное обучение сотрудников с низкой долей вероятности того, что эти средства не окупятся. Таким образом, фирмы не только сохраняют ценных работников, но способствуют их профессиональному развитию в своих же интересах.

Еще более интересной для изучения является японская философия или практика под названием «кайдзен». «Кайдзен» состоит из двух слов — «изменение» и «улучшение». Эта философия лежит в основе метода управления, который предполагает непрерывное совершенствование любого процесса, в частности, процессов исследований и разработок, производства, вспомогательных бизнес-процессов и др. Метод включает в себя пять ключевых элементов (5С): сортировку, систематизацию, содержание в чистоте, стандартизацию, совершенствование. Особенность такого подхода к управлению заключается в том, что инициативы по улучшению работы исходят от самих сотрудников, а руководство должно в обязательном порядке рассмотреть их и реализовать, если посчитает нужным, своевременным и правильным. С применением принципа кайдзен часто связывают японское качество и точность выполнения работы. Это модель, которую можно адаптировать в любой сфере.

Итак, основные особенности японского опыта формирования инновационной экономики, которые могут быть заимствованы и адаптированы другими странами:

1) система «сан-кан-гаку», позволяющая государству, академическим институтам и частному сектору максимально полно использовать все возможности кооперации для организации исследований и дальнейшего внедрения инноваций в производственный процесс;

2) высокая степень открытости экономики иностранным инвесторам особенно в сферах высоких технологий и обрабатывающей промышленности при сохранении барьеров в некоторых стратегических отраслях;
3) государство в Японии решает задачи управления и координации действий экономических агентов, оно не решает задачи, которые может взять на себя частный сектор;
4) основное направление деятельности — генерация новых идей на базе результатов проводимых фундаментальных исследований;
5) активное сотрудничество со специалистами международного уровня, привлечение их для работы в стране, сотрудничество в области кооперации при проведении исследований, создание специальных исследовательских центров за рубежом и научных парков в стране;
6) применение принципов философии кайдзен в работе.

Россия

Что касается инновационной экономики в России, то теоретическая разработка этой концепции в нашей стране началась позже, чем во многих западных странах — во второй половине 90-х годов прошлого века. Причем процесс ее исследования имел свои особенности: в случае России велись поиски решения проблем формирования НИС в условиях перехода от плановой экономики к рыночной. При этом учитывалось, что Россия является государством со сложным федеративным устройством. Множество отечественных ученых занимались и продолжают заниматься вопросами становления российской модели инновационной экономики, среди них: С.Ю. Глазьев, Б.З. Мильнер, В.И. Кушлин, Ю.В. Яковец и др. [7].

В качестве стратегического направления развития страны создание НИС было провозглашено на государственном уровне еще в 1997 г. [6]. Опыт азиатских государств в этом вопросе может быть полезен для России. Во-первых, инновационное развитие в рассмотренных государствах шло крайне быстрыми темпами, однако в относительно небольшой срок. Во-вторых, изначально в этих странах не было никаких природных ресурсов. Казалось бы, как это обстоятельство связано с нашей страной, природные богатства которой настолько велики, что воспринимаются одновременно как ее благословение, так и ее проклятие? Дело в том, что России крайне необходимо в самое ближайшее время перестроить свою экономику таким образом, чтобы сделать ее менее ресурсозависимой страной, устранить риски, связанные с ее природными ресурсами.

На примере Сингапура мы убедились, что благодаря продуманному управлению и правильно выбранному курсу — на построение инновационной экономики — за короткий по историческим меркам промежуток времени вполне возможно выйти в лидеры не только в регионе, но и в мире. Пример Сингапура во многом полезен для России. В первую очередь, речь идет о принципе верховенства закона и равенства всех перед законом. В России принимается много правильных законов. Однако почему-то именно их беспрекословное исполнение остается в стороне (достаточно вспомнить знаменитые «майские указы», от исполнения которых правительство, по его собственному признанию, отстает[1]). Разумеется, при построении инновационной экономики от острейшего для России вопроса коррупции также никуда не деться. Однако это уже своего рода стиль жизни в России, национальная особенность, поэтому на его решение может уйти много времени. Очень эффективной мерой для

[1] *Булин Д.* Майские указы Путина четыре года спустя: цена для экономики [Электронный ресурс] // Русская служба BBC 17.05.2016 URL: http://www.bbc.com/russian/business/2016/05/160516_putin_may_decrees (дата обращения: 20.03.2018).

разрешения этого вопроса в Сингапуре показала себя смертная казнь. Это совершенно не значит, что в Россию необходимо вернуть эту меру наказания, однако, как показывает история, управление человеческим страхом с помощью радикальных мер может очень существенно повлиять на сокращение уровня коррупции в стране, по крайней мере, на первых порах.

Также необходимы благоприятные условия для иностранных инвесторов. Через это прошли Сингапур и Япония, к этому идет и Южная Корея. На данный момент у России уже сейчас есть ряд инвесторов (среди которых множество представителей стран Азии), которые готовы вкладывать деньги в долгосрочные российские проекты[1]. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Необходимо продолжать создание условий для того, чтобы наша страна казалась привлекательной для иностранцев. Здесь все упирается в организацию благоприятного инвестиционного климата, который начинается со стабильного и четкого законодательства и состояния судебной системы. На данный момент существует система законов, предусматривающих льготы для иностранных инвесторов в России[2]. Как нам известно, иностранные инвестиции — это не только средства, но и новые технологии.

Параллельно необходимо сделать так, чтобы российскими проектами заинтересовались российские инвесторы, пока у них есть такая возможность. Особенно этот вопрос актуален сейчас, в период введения западными странами болезненных санкций, которые отражаются на деятельности крупнейших российских компаний, как в России, так и за рубежом. Акционеры, особенно западные, постепенно продают свои доли в них, и это при том, что данные компании считаются самыми надежными в России.

Что касается южнокорейского опыта построения инновационной экономики, то здесь для России интересно будет «начало» пути, потому что инициатива инновационного развития в Южной Корее пошла от государственных лидеров. Особенность российского менталитета позволит государственным органам в первое время полностью контролировать деятельность субъектов инновационной экономики. Однако с одной очень важной оговоркой: государственные лидеры и управленцы должны мыслить системно, точно понимать сущность инновационной экономики, четко ставить цели и задачи, на всех этапах контролируя происходящее. Скептики могут посчитать, что когда-то в России уже была подобная система и что в итоге она также потерпела крах, а в процессе ее функционирования у главного фактора производства в инновационной экономике — человеческого капитала — не было комфортных условий для жизни, работы и творчества, свободы передвижения. Однако мы подчеркнем, что жесткий контроль необходим лишь на начальных этапах реализации курса инновационного развития и не во всех областях жизни.

Многие наиболее эффективные методы стимулирования инновационной деятельности в ЕС (образование и подготовка кадров, рамочные программы), США (ведение и финансирование бизнеса, создание условий для него) и странах Азиатского региона (меры государственного управления) могут применяться в России [3]. Вероятно, России для начала следует воспользоваться достаточно жестким, но эффективным примером прорывного развития азиатских стран, а в дальнейшем выстраивать свою инновационную систему подобно странам Европейского союза и США — планомерно и целенаправленно, постепенно корректируя свой курс и ошибки.

---

[1] Частные инвесторы готовы вкладывать в Россию [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «НДВ Групп». 2015. URL: http://www.ndv-global.ru/ru/news/chastnye-investory-gotovy-vkladyvat-v-rossiyu/ (дата обращения: 20.03.2018).

[2] Льготы и гарантии для инвесторов в РФ [Электронный ресурс] // Информационный портал RusBusinessnews. URL: http://www.rusbiznews.ru/about/faq/2 (дата обращения: 20.03.2018).

Однако при любом развитии событий вопрос о возможности заимствования зарубежного опыта должен рассматриваться с большой осторожностью, поскольку нельзя забывать о большой разнице в уровнях экономического и социального развития между Россией и этими государствами, а также о разном правовом контексте. Однако на настоящий момент ясно, что только при условии формирования целенаправленной и продуманной политики в области инновационной сферы, создания четко структурированной системы инновационной деятельности, изучения успешного опыта других стран в этой области, значительных инвестиций, в России действительно будет осуществляться формирование экономики инновационного типа.

Литература

1. *Афанасьев Ф. Э.* Мировая экономика. М. : Инфра-М, 2011.
2. *Веретенникова О. Б., Шеина Е. Г.* Сущность и классификация инноваций и инновационной деятельности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 5. С. 148–154.
3. *Захарова Н. В.* Формирование инновационной экономики и инновационных систем стран Европейского союза: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М. : РГТЭУ. 2010.
4. *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Мировой рынок высоких технологий: некоторые особенности и перспективы // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 104–115.
5. *Малютин Д. Л.* Анализ и оценка формирования национальной инновационной среды в Японии // Креативная экономика. 2013. № 5. С. 65–69.
6. *Симонов Б. П., Королева Е. В.* Инновационная экономика России: проблемы становления развития // Вестник Финансового университета. 2011. № 1. С. 5–14.
7. *Соснов Ф. Г.* Роль Франции в процессе инновационного развития Европейского Союза на современном этапе // Известия Тульского гос. ун-та: Экономические и юридические науки. 2011. № 1–2. С. 429–437.
8. *Шилов Н. А.* Страны Востока: экономика и политика: учеб. пос. Хабаровск : Восток. 2010.
9. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008.
10. *Jewell C.* Singapore: a home for innovation [Электронный ресурс] // Wipo Magazine. September, 2012. URL: http://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2012/05/article_0004.html (date of access: 20/08/2018).

Об авторах:

Захарова Наталья Васильевна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Nat_zakh@mail.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры финансового менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Labudin59@mail.ru

References

1. *Afanasyev F.* E. World economy. M. : Infra-M, 2011. (In rus)
2. *Veretennikova O.* B., Sheina E. G. Essence and classification of innovations and innovative activity // News of the Ural State University of Economics [Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2011. N 5. P. 148–154. (In rus)
3. *Zakharova N.* V. Formation of innovative economy and innovative systems of the countries of the European Union : dissertation abstract. M. : RSTEU. 2010. (In rus)
4. *Zakharova N.* V., Labudin A. V. World market of high technologies: some features and prospects // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 4. P. 104–115. (In rus)
5. *Malutin D.* L. The analysis and assessment of formation of the national innovative environment in Japan // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2013. N 5. P. 65–69. (In rus)
6. *Simonov B.* P., Koroleva E. V. Innovative economy of Russia: development and formation problems // Bulletin of the Financial University [Vestnik Finansovogo universiteta]. 2011. N 1. P. 5–14. (In rus)

7. *Sosnov F.* G. A role of France in the course of innovative development of the European Union at the present stage // News of the Tula State University: Economics and jurisprudence [Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki]. 2011. N 1–2. P. 429–437. (In rus)
8. *Shilov N.* A. Countries of the East: economy and policy: tutorial. Khabarovsk : East. 2010. (In rus)
9. *Schumpeter J.* A. The theory of economic development. M. : Directmedia Publishing, 2008. (In rus)
10. *Jewell C.* Singapore: a home for innovation [Электронный ресурс] // Wipo Magazine. September, 2012. URL: http://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2012/05/article_0004.html (date of access: 20/08/2018).

About the authors:

Natalya V. Zakharova, Professor of the Chair of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Nat_zakh@mail.ru

Alexander V. Labudin, Professor of the Chair of Financial Management of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Labudin59@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-71-80

Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты

Кузьменков А. М.[1], *Плотников В. А.*[2,*], *Рукинов М. В.*[3]

[1]Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
[2]Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), *plotnikov_2000@mail.ru
[3]Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕФЕРАТ

В современных условиях наблюдается обострение проблем обеспечения национальной безопасности России, что вызвано воздействием комплекса факторов. Авторы рассматривают ситуацию, складывающуюся в сфере обеспечения экономической и военной безопасности страны. Для анализа использованы как эмпирические материалы и экспертные оценки, так и объективные статистические данные из российских и международных источников. Авторы обосновывают вывод о наличии тесной взаимосвязи военной и экономической безопасности, невозможности и нецелесообразности их раздельного рассмотрения в теоретическом анализе, что порождает необходимость корректировки институциональных механизмов их обеспечения. При этом сделан вывод о приоритетности запуска в России механизмов устойчивого экономического роста: без решения этой задачи обеспечение национальной безопасности в военной и экономической сфере будет, по оценке авторов, крайне затруднительным.

Ключевые слова: реиндустриализация, экономическая политика, государственное регулирование экономики, инновационное развитие, цифровая экономика

National Economic Security and its Military Political Aspects

Aleksandr M. Kuzmenkov[a], *Vladimir A. Plotnikov*[b,*], *Maksim V. Rukinov*[c]

[a]Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev, Saint-Petersburg, Russian Federation
[b]Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation, *plotnikov_2000@mail.ru
[c] Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In modern conditions, aggravation of problems of ensuring national security of Russia is observed. It is caused by influence of a complex of factors. Authors consider the situation developing in the sphere of ensuring economic and military security of the country. For the analysis both empirical materials and expert estimates, and objective statistical data from the Russian and international sources are used. Authors prove a conclusion about existence of close interrelation of military and economic security, impossibility and inexpediency of their separate consideration in the theoretical analysis that generates need of correction of institutional mechanisms of their providing. At the same time, the conclusion is drawn on priority of start in Russia of mechanisms of sustained economic growth: without solution of this task, ensuring national security in the military and economic sphere will be, according to authors, extremely difficult.

Keywords: reindustrialization, economic policy, state regulation of economy, innovative development, digital economy

Введение

Динамика развития общества, по мнению многих исследователей, непрерывно нарастает: «плотность» значимых событий имеет тенденцию к увеличению. Это явле-

ние отмечается и в социальной сфере, и в военной, и в экономической, и в научно-образовательной, и в технологической, и т. д. Профессор С. Д. Бодрунов для обозначения этого феномена использует меткое выражение «ускорение ускорения» [3]. Важно подчеркнуть, что в ускоренном и все более ускоряющемся режиме протекают не только процессы прогрессивного развития, но и процессы деструктивные, способные привести к негативным последствиям не только для отдельных социальных групп или регионов и стран, но и для всего человечества.

Одним из таких ускоряющихся глобальных процессов является процесс «перегруппировки стран мира и изменения соотношения сил», именно так это явление было обозначено в одном из отечественных учебников по мировой экономике, изданном еще более 10 лет назад [8]. Суть этого процесса состоит в том, что центры экономического процветания и ускоренного развития не обладают территориальной статичностью, они мигрируют по планете. В коротком историческом периоде, на протяжении одного-двух десятков лет, это перемещение незаметно. Но если взять более длительные исторические периоды, то указанная тенденция проявляется более отчетливо. И, скажем, современное экономическое доминирование стран европейской цивилизации (куда мы относим и США), кажущееся кому-то естественным и традиционным, вовсе таковым не является. В этой связи, процесс наращивания экономической мощи Китая, например, есть не что иное, как возврат этой страны к роли мирового экономического лидера, как это было (по имеющимся количественным оценкам) вплоть до середины XVIII в.

Естественно, те страны или группы стран, в которых наблюдается ускоренный рост и повышение благосостояния, оказываются в глобальном выигрыше, а те, которые теряют свои позиции, — всячески сопротивляются такому развитию событий [7; 9; 13 и др.]. В условиях невозможности экономического сопротивления, так как конкурентоспособность старых мировых экономических полюсов неуклонно снижается, в ход идут меры политического и военного характера. Активно используются меры силового давления на экономических конкурентов, сопровождающиеся развязыванием соответствующих пропагандистских кампаний.

По нашему мнению, современная антикитайская риторика Администрации США под руководством Д. Трампа, а также сопровождающие ее вполне не теоретические, а практические меры из арсенала торговой войны, хорошо объясняются рассмотренной нами выше логикой развития событий. В 2013 г. китайский ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности (данные Всемирного банка), сравнялся с американским и по итогам 2017 г. превышает его на 20%. Нарастает и технологическая мощь китайской экономики. По данным аналитиков британского журнала «Экономист», по итогам 2017 г. объемы выпуска китайских технологических компаний составили 42% аналогичного показателя США при том, что 5 лет назад — в 2012 г. — этот показатель составлял 15%. По оценкам, через 10–15 лет китайская технологическая индустрия сравняется по объемам выпуска и значимости с американской, после чего наступит период технологического доминирования Китая в мире.

Естественно, что утрата лидерства, да и просто ухудшение конкурентных позиций в мире воспринимается правительством любой страны как серьезная угроза национальной экономической безопасности, для противодействия которой задействуется весь доступный арсенал мер.

В чем-то в аналогичной позиции находится современная Россия, которая после провала последнего десятилетия XX в., вызванного шоковыми политическими и экономическими реформами, постепенно восстанавливает свои позиции в мировой экономике и политике. Наблюдается долгосрочная тенденция укрепления национальной экономики, рост военно-политического и дипломатического влияния страны в мире, что, естественным образом, встречает противодействие со стороны стран

и их объединений, интересы которых при этом ущемляются. В результате, возникает комплекс новых угроз национальной безопасности страны, противодействие которым требует специального их изучения. В этой связи, целью нашего исследования является анализ современного положения в сфере обеспечения национальной экономической безопасности и ее военно-политических аспектов.

Национальные концептуальные документы в сфере обеспечения экономической и военной безопасности России

Экономическая и военная безопасность — важнейшие сферы активности государственных органов любой страны. Россия здесь не является исключением. Регламентация этих сфер осуществляется как на законодательном уровне, так и путем издания многочисленных подзаконных актов, которые уточняют и регламентируют отдельные составляющие механизма обеспечения национальной безопасности. В частности, по нашему мнению, необходимо остановиться на анализе двух ключевых документов: Стратегии экономической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208) и Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976) (в дальнейшем для краткости изложения будем называть эти документы Стратегия и Доктрина).

В Стратегии (п. 8) отмечается, что «на современном этапе мирового развития отчетливо проявляются объективные признаки разрушения однополярного мира. При этом процесс перехода к многополярности сопровождается нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции». Эти процессы в полной мере соответствуют названной нами выше тенденции перегруппировки стран мира и изменения соотношения сил.

При этом нельзя в полной мере согласиться с даваемой в Стратегии характеристикой указанным процессам. По мнению разработчиков анализируемого документа, «отмечается стремление к перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения». Но эти — новые центры роста, экономического и политического влияния, к числу которых можно (по крайней мере, в части политической составляющей) отнести и Россию, встречают жесткое противодействие со стороны имеющихся лидеров. И именно это противодействие, на наш взгляд, становится сегодня серьезным дестабилизирующим фактором.

Например, в стремлении сохранить и — возможно даже — упрочить свое экономическое и политическое влияние в мире, США активно вмешиваются в дела других стран, нарушают нормы международного права, в том числе применяют военную силу вразрез с принятыми нормами. В итоге (п. 9 Стратегии), «на международные экономические отношения все большее влияние оказывают факторы, представляющие угрозу для экономической безопасности. Усилилась тенденция распространения на сферу экономики вызовов и угроз военно-политического характера». Наблюдается и обратный процесс в форме «использования экономических методов для достижения политических целей». Ярким его примером является введение против нашей страны экономических санкций, которые с 2014 г., зачастую без причин, а под надуманными предлогами, неоднократно ужесточались.

В этой ситуации сущность экономической безопасности качественно трансформируется. Она уже не воспринимается как комплекс мер, призванных сохранить status quo, как «отсутствие опасности». Политика обеспечения экономической безопасности приобретает динамику, получает тесные связи с другими направлениями государственной политики [10, 11], что находит отражение в ее целях. Согласно п. 14 Стратегии, «целями государственной политики в сфере обеспечения экономи-

ческой безопасности являются: (1) укрепление экономического суверенитета Российской Федерации; (2) повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз; (3) обеспечение экономического роста; (4) поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности; (5) поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны; (6) повышение уровня и улучшение качества жизни населения».

Если проанализировать этот перечень, то, пожалуй, лишь пятая цель (а первая и вторая — частично, со множеством оговорок) может быть отнесена к сфере политики в области безопасности. Основная же масса целей в явном виде являются целями общей экономической политики [5]. И это характерное наблюдение, по мнению авторов, в реальной экономической политике и ее теоретическом осмыслении наблюдается «дрейф» в направлении большей комплексности и системности, итогом чего является имплементация мер по обеспечению экономической безопасности в государственную экономическую политику в целом.

При этом, также наблюдается инкорпорирование элементов политики в сфере обеспечения экономической безопасности в такую специфическую область, как управление военной деятельностью государства, военно-экономическое обеспечение его обороны. Отметим, что в Доктрине имеется сходная со Стратегией характеристика современной ситуации, в которой развивается Россия: «Мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия... неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения».

Последняя часть процитированного нами фрагмента Доктрины дословно совпадает с приведенной выше цитатой из Стратегии. Это, по мнению авторов, не случайно. В современных условиях, как мы уже отмечали, в связи с усложнением обстановки, наблюдается тесная интеграция различных разделов и направлений государственной политики. В том числе происходит не только имплементация политики обеспечения экономической безопасности страны в общую систему экономической политики, но и комплексирование самой политики в сфере обеспечения национальной безопасности, по ее отдельным направлениям, в частности по экономическому и военному.

В основе такого комплексирования — расширение практики, когда различные страны мира используют для достижения экономических целей, сохранения экономических преимуществ и обеспечения собственной конкурентоспособности военные методы (прямое военное вмешательство или угроза его применения). В частности, в Доктрине выделены такие военные опасности для современной России, как «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права; применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций (ООН) и других норм международного права».

С другой стороны, все чаще наблюдается поддержка военных и военно-политических акций мерами экономического противоборства в форме различного рода санкций и ограничений, не всегда правомерных с позиций международного права. В Доктрине по этому поводу отмечается (п. 15) такая особенность современных военных конфликтов, как «комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых

с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций».

В этих условиях возрастает значимость регулирования в смежной для экономической и военной безопасности области — в области военно-экономического обеспечения обороны [4, 12]. Эта деятельность подразумевает «оснащение Вооруженных Сил, других войск и органов вооружением, военной и специальной техникой…; своевременное и полное обеспечение… [их] материальными средствами, необходимыми для реализации мероприятий планов (программ) их строительства и применения, оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки войск (сил); развитие оборонно-промышленного комплекса…; совершенствование военно-политического и военно-технического сотрудничества с иностранными государствами» (п. 44 Доктрины).

Таким образом, в основополагающих российских документах, регламентирующих вопросы обеспечения экономической и военной безопасности, отмечается тесная взаимосвязь этих двух направлений государственной политики. В то же время, механизмов синхронизации мер, принимаемых в этих важных для существования и прогрессивного развития Российской Федерации областях, не предусмотрено. Единого механизма управления не создано [6]. Координирующими функциями в рассматриваемой сфере обладает Совет безопасности Российской Федерации, но в силу его консультативного характера, авторы не склонны высоко оценивать значимость его деятельности. По-видимому, в связи с обострением ситуации в сфере обеспечения национальной безопасности (об этом пойдет речь ниже), следует критически оценить сложившиеся подходы к государственному регулированию и управлению в этой сфере и модернизировать их.

Анализ показателей национальной экономической безопасности и военно-политической ситуации

Военно-политическая обстановка в мире непрерывно меняется, в связи с чем варьируются (как по спектру, так и по силе проявления) угрозы национальной безопасности России. Дадим, тем не менее, краткую оценку складывающейся ситуации, отсылая заинтересованного читателя к более полному анализу, выполненному С. Афанасьевым [1; 2].

Главным, долгосрочным направлением негативного влияния на безопасность Российской Федерации является наращивание военного присутствия НАТО у границ РФ. По имеющимся официальным данным, численность группировки войск стран НАТО в Прибалтике, Польше, Румынии и Болгарии за три последних года выросла с 2 до 15 тыс. чел. При этом в период учений эта численность наращивается до 40–60 тыс. военнослужащих, что создает реальную непосредственную угрозу безопасности нашей страны, является серьезным инструментом оказания военно-политического давления. Ежегодно в регионах, примыкающим к границам России, страны НАТО проводят порядка 30 крупных военных учений, имеющих антироссийскую направленность.

Сохраняется (без видимых перспектив улучшения ситуации) очаг военной напряженности у границ Российской Федерации на Востоке Украины. При этом данный внутриукраинский конфликт послужил поводом для оказания и наращивания экономического давления на Россию. В частности, в принятом в августе 2017 г. американском законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» Россия официально, на законодательном уровне, названа «противником»[1] (при том,

[1] Согласно Толковому словарю русского языка, составленному С. И. Ожеговым, слово «противник» имеет следующие значения: 1. Тот, кто противодействует кому-чему-нибудь,

что в российской официальной риторике такого рода терминология не используется), в связи с чем сняты законодательные ограничения на принятие мер по противодействию России во всех сферах, по сути дела в этой ситуации можно говорить о «мягком преддверии» объявления войны нашей стране.

На постсоветском пространстве сохраняются и иные очаги военно-политической напряженности. В частности, высокий конфликтный потенциал имеется в Молдавии, из-за нерешенности приднестровской проблемы и сохраняющихся противоречий по вопросу объединения с Румынией. Отмечается давление США и ЕС на Беларусь, в целях ослабления ее сотрудничества с Россией. Несколько десятилетий не ослабевает напряженность в зоне нагорно-карабахского конфликта. И др.

Еще одним макрорегионом с выраженными российскими интересами, где обостряется военно-политическая обстановка, является Арктика. В этой обширной циркумполярной области обостряется экономическое соперничество, прежде всего — за контроль над энергоресурсами, в которое активно вступают не только приарктические страны (США, Канада, Норвегия, Дания, Исландия, Россия), но также Великобритания, Китай и др. Экономические притязания сопровождаются увеличением военной активности в Арктике. Например, в американской Арктической стратегии декларируется готовность американских армии и флота к действиям по обеспечению свободы мореплавания в зоне Северного морского пути.

Очевидно, что уровень угроз военной безопасности России остается достаточно высоким и для противодействия им необходимо укрепление национальных вооруженных формирований, повышение их готовности к эффективным ответным действиям, направленным на парирование угроз. Это требует выделения значительных ресурсов на выполнение задач военно-экономического обеспечения обороны страны, а следовательно, наличия этих ресурсов, что может быть обеспечено (при условии неснижения уровня жизни населения) только за счет экономического роста. Оценим, насколько реалистичным в современной России является качественное экономическое обеспечение оборонных потребностей.

Для этого обратимся к аналитическим данным такого авторитетного источника, как SIPRI (см.: https://www.sipri.org/databases/milex), которые позволяют получать сопоставимую картину военных расходов различных стран мира. На рис. 1 представлена динамика военных расходов России за последние годы. Сплошной линией (левая ось) показаны расходы, выраженные в млрд руб. На рисунке явно виден спад объемов финансирования в 2017 г. относительно 2016 г., хотя до этого рост расходов был достаточно динамичным. На первый взгляд, это снижение расходов кажется малообъяснимым. Обратимся, в этой связи, к анализу второй линии, изображенной на рисунке (пунктир, правая ось), которая выражает динамику военных расходов, выраженную в млрд долл. Легко увидеть, что падение военных расходов России произошло еще в 2015 г., после чего они оставались на примерно постоянном уровне. Разница в динамике, описываемой в различных единицах измерения, объясняется значительным снижением обменного курса рубля по отношению к доллару, которое произошло в конце 2014 — начале 2015 г. И этот валютный шок оказал негативное влияние на динамику национальной экономики в целом.

Помимо этого, следует указать на общее замедление развития экономики России, которое началось с 2011 г. и приобрело критический характер как раз в 2015 г. и последующих годах, когда темпы роста стали отрицательными. В табл. 1, построенной по официальным данным Росстата, показано, как менялся физический объем ВВП в России в период с 2010 по 2017 г. Из нее видно, например, что физический объем ВВП 2017 г. практически совпадает с этим показателем, на-

---

враждебно относится к кому-чему-нибудь. 2. Враг, недоброжелатель. 3. Вражеское войско, неприятель. 4. Соперник в состязании, борьбе.

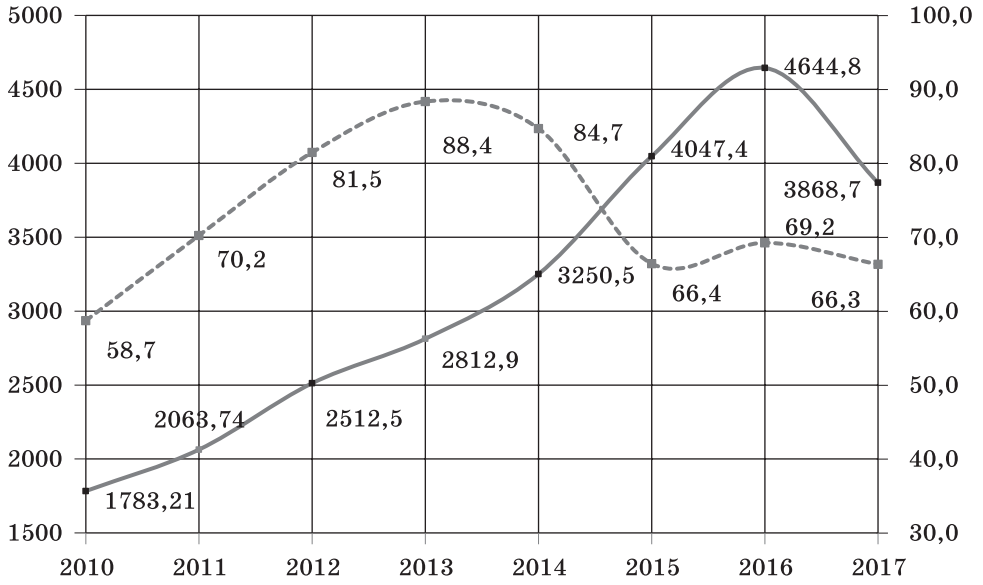


Рис. 1. Динамика военных расходов РФ по данным SIPRI
Fig. 1. Dynamics of military expenses of the Russian Federation according to SIPRI

Таблица 1

Динамика российского ВВП, % (по данным Росстата)
Table. Dynamics of the Russian GDP, % (according to Rosstat)

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Цепной индекс, относительно предыдущего года	104,5	104,3	103,7	101,8	100,7	97,5	99,8	101,5
Базовый индекс, 2010 г. принят за 100%	100,0	109,0	108,1	105,6	102,5	98,2	97,3	101,3

блюдавшимся в 2010 г., а среднегодовые темпы роста российской экономики за 7 последних лет составили чуть меньше, чем 0,2%. Естественно, что такая ситуация неминуемо должна была истощить ресурсную базу военно-экономического обеспечения обороны страны. И это произошло.

Логичным развитием событий стало резкое снижение в России военных расходов, в том числе снижение их доли в ВВП (рис. 2). По этому параметру Россия опережает многие страны мира, в том числе имеющие современные вооруженные силы. Мы категорически против «процентного подхода» и не согласны с позицией, порой высказываемой некоторыми политиками, общественными деятелями и исследователями, о том, что российские расходы на оборону следует нормировать как некий среднемировой (или средний по выборке стран) процент от ВВП. Военная безопасность не может быть обеспечена, если базироваться на таких механистических рассуждениях. В то же время, следует признать, что известная экономико-теоретическая дилемма «Пушки или Масло» может быть разрешена в пользу исключительно «Пушек» лишь в случае реальной угрозы существованию государства, в критической ситуации. В мирное же вре-

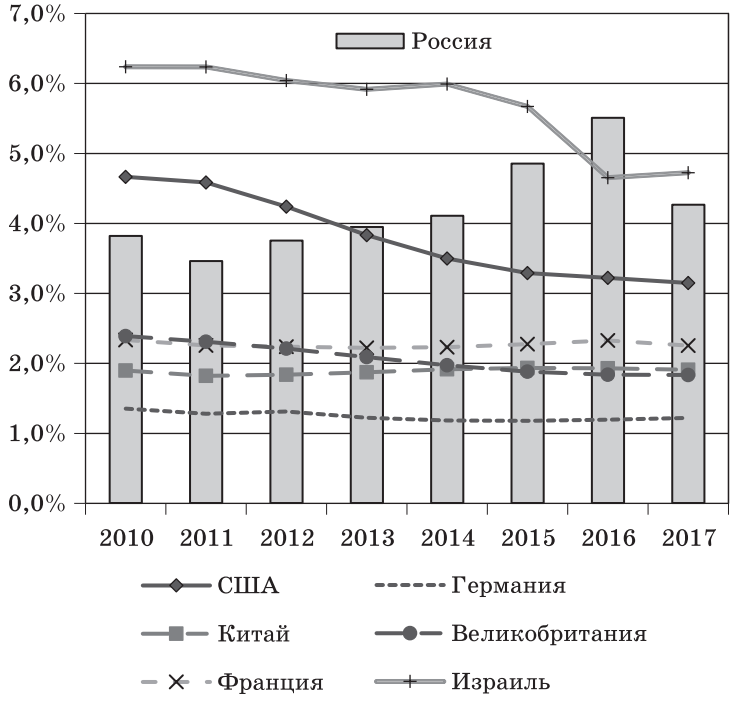


Рис. 2. Доля военных расходов в ВВП стран мира по данным SIPRI
Fig. 2. A share of military expenses in GDP of the countries of the world according to SIPRI

мя, пусть и в условиях обострения угроз безопасности, «Масло» также надо и производить, и потреблять.

Таким образом, именно в экономических ограничениях лежат корни часто повторяемых в последние годы военно-политическим руководством страны слов об «асимметричном ответе», как средстве нейтрализации угроз национальной безопасности. И в этой связи нельзя недооценивать и легкомысленно относиться к высказыванию американского президента, сделанному 22 октября 2018 г. в ходе дискуссии по Договору о ракетах средней и меньшей дальности: «У нас гораздо больше денег, чем у кого бы то ни было. Мы будем строить это [оружие], пока они не придут в себя» (цитируется по новостной ленте «РИА Новости», см.: https://ria.ru/world/20181022/1531234002.html).

В существующей ситуации, несмотря на обострение военных угроз России, стране следует сосредоточиться на запуске механизмов экономического роста, т. е. на обеспечении, в первую очередь, национальной экономической безопасности. Для этого необходимо проведение более активной экономической, в том числе — промышленной, политики, требуется отказ от идеологем неолиберальной экономической концепции относительно сокращения роли государства в экономике, ее разгосударствления. Государственный интервенционизм, например в АПК, толчок для которого был дан с началом «санкционного противостояния», показал эффективность государственного вмешательства в этот сектор экономики. Аналогичные выводы можно сделать и при изучении опыта работы федерального Фонда развития промышленности, а также других примеров активизации государства в экономике.

При этом следует отметить, что сосредотачиваться лишь на росте ВВП неправильно, так как это лишь один из множества показателей, характеризующих уровень

развития экономики страны. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации (ст. 27) приводится 40 показателей, оценивающих ее состояние, среди которых степень износа основных фондов; индекс промышленного производства; индекс производительности труда; уровень инфляции; энергоемкость ВВП; сальдо торгового баланса; индекс предпринимательской уверенности и мн. др. В этой связи, активизация государственной активности в экономике должна быть всеобъемлющей и разнонаправленной.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что имеется тесная взаимосвязь военной и экономической безопасности. В теоретическом анализе, в этой связи, требуется их совместное рассмотрение, наряду с другими направлениями обеспечения национальной безопасности. Кроме того, имеется необходимость корректировки институциональных механизмов обеспечения безопасности в России, с целью придания им комплексного характера. Также по результатам исследования сделан вывод о приоритетности запуска в России механизмов устойчивого экономического роста: без решения этой задачи обеспечение национальной безопасности в военной и экономической сфере будет, по оценке авторов, крайне затруднительным.

Литература

1. *Афанасьев С.* Международная обстановка и угрозы национальной безопасности России // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 1. С. 3–11.
2. *Афанасьев С.* Развитие военно-политической обстановки в мире и угрозы национальной безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 1. С. 3–10.
3. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте.
4. *Князьнеделин Р.А., Наружный В.Е., Смуров А.М.* Государственный заказ: теория, механизм исполнения, специфика реализации в оборонной сфере. СПб., 2017.
5. *Князьнеделин Р.А., Курбанов А.Х., Плотников В.А.* Государственный заказ как инструмент промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе: теория и практика. СПб. : Копи-Р Групп, 2013.
6. *Кузьменков А.М., Смуров А.М.* Тенденции институциональных преобразований в экономическом обеспечении национальной безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 1. С. 22–25.
7. *Максимцев И.А., Межевич Н.М., Разумовский В.М.* Мировая экономика перед вызовами «annus horribilis»: на пороге новой регионализации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–2 (103). С. 19–24.
8. *Мировая* экономика : учебник / под ред. А.С. Булатова. М. : Юристъ, 2005. 734 с.
9. *Миэринь Л.А.* Энергетическая компонента национальной силы государства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–1 (103). С. 88–99.
10. *Рукинов М.В.* Социальные аспекты экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 3. С. 21–24.
11. *Фалинский И.Ю.* Концепция обеспечения региональной экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 3 (105). С. 72–78.
12. *Целыковских А.А., Курбанов А.Х., Бычков А.В.* Направления совершенствования материально-технического обеспечения коллективных сил безопасности ОДКБ // Военная мысль. 2016. № 11. С. 21–28.
13. *Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y.* Technological Development as a Factor of Ensuring the National Security // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8–9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2666–2674.

Об авторах:

Кузьменков Александр Михайлович, соискатель ученой степени кандидата экономических наук Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева.

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

Рукинов Максим Владимирович, кандидат экономических наук, докторант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

References

1. Afanasyev S. International situation and threats of national security of Russia // Foreign military review [Zarubezhnoe voennoe obozrenie]. 2018. N 1. P. 3–11. (In rus)
2. Afanasyev S. Development of a military-political situation in the world and threats of national security // Foreign military review [Zarubezhnoe voennoe obozrenie]. 2017. N 1. P. 3–10. (In rus)
3. Bodrunov S. D. Future. New industrial society: reset. SPb.: INIR of S.Yu. Witte. (In rus)
4. Knyaznedelin R. A., Naruzhniy V. E., Smurov A. M. State order: the theory, the execution mechanism, specifics of realization in the defensive sphere. SPb., 2017. (In rus)
5. Knyaznedelin R. A., Kurbanov A. H., Plotnikov V. A. The state order as the tool of industrial policy in defense industry complex: theory and practice. SPb. : Copy-R Group, 2013. (In rus)
6. Kuzmenkov A. M., Smurov A. M. Trends of institutional transformations in economic ensuring of national security // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii.]. 2015. N 1. P. 22–25. (In rus)
7. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Razumovsky V. M. World economy before calls of "annus horribilis": on a threshold of new regionalization//News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 1–2 (103). P. 19–24. (In rus)
8. World economy: textbook / under the editorship of A. S. Bulatov. M. : Jurist, 2005. 734 p. (In rus)
9. Mieryin L. A. Energy component of national force of the state // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 1–1 (103). P. 88–99. (In rus)
10. Rukinov M. V. Social aspects of economic security // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. N 3. P. 21–24. (In rus)
11. Falinsky I.Yu. Concept of ensuring regional economic security // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 3 (105). P. 72–78. (In rus)
12. Tselykovskyh A. A., Kurbanov A. H., Bychkov A. V. Directions of improvement of material support of collective security forces of the CSTO // Military thought [Voennaya mysl']. 2016. N 11. P. 21–28. (In rus)
13. Bodrunov S., Plotnikov V., Vertakova Y. Technological Development as a Factor of Ensuring the National Security // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8–9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2666–2674.

About the authors:

Aleksandr M. Kuzmenkov, applicant of PhD degree in Economics of Military Education Institution of Logistic named after General of the Army A. V. Khrulyov.

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; plotnikov_2000@mail.ru.

Maksim V. Rukinov, PhD in Economics, doctoral candidate of the Pushkin Leningrad State University.

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-81-100

Государственное управление занятостью населения в условиях кризиса экономики

Елсуков М. Ю., Амиров Р. Р.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elsukovmy@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы государственного управления занятостью населения. Дана характеристика роли управления занятостью населения в системе государственного регулирования экономики. Анализируется динамика показателей безработицы, занятости, участия в рабочей силе. Демонстрируются успехи органов власти по достижению целевых ориентиров государственного регулирования занятости населения. Проводится сопоставление тенденций в сфере занятости населения и в сфере экономического развития. Рассмотрены последствия для сферы занятости населения кризисных явлений в экономике Российской Федерации последних лет. Представлена характеристика изменений уровня жизни населения, реальных располагаемых денежных доходов, уровня бедности. Выявлены сложившиеся и складывающиеся в настоящее время тенденции изменения структуры занятости населения в масштабах Российской Федерации, федеральных округов и субъектов Российской Федерации. Анализируются социально-экономические последствия ситуации в сфере занятости населения. Дана характеристика количества работающего бедного населения. Представлены экспертные оценки масштабов роста теневой экономики. Представлены оценки объема неформального сектора экономики. Дана оценка степени достижения целей деятельности уполномоченных органов государственного управления занятости населения. Выявлены причины системного кризиса государственного управления занятостью населения. Обоснована необходимость более полного участия органов государственного управления занятостью населения в разработке и реализации политики социально-экономического развития Российской Федерации. Представлены предложения по разработке Стратегий развития служб занятости регионов Российской Федерации и включения их в систему документов стратегического планирования.

Ключевые слова: занятость, безработица, экономическое развитие, кризис, качество жизни, уровень доходов, бедность, работающее бедное население, теневая экономика, регион, служба занятости населения, стратегия

State Management of the Employment in the Conditions of the Economic Crisis

Mikhail Yu. Elsukov, Ravil R. Amirov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *elsukovmy@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the current problems of the employment state management. The characteristic of the role of employment management in the system of state economic regulation is given. The dynamics of unemployment, employment, and labor force participation are analyzed. The success of the authorities in achieving the aims of the employment state regulation is demonstrated. A comparison of the current trends in employment and economic development is shown. The consequences for the employment sphere during the economic crisis of the Russian Federation in recent years are considered. The changing characteristic of the population's standard of living, real disposable money income, poverty level is presented. The established and current trends in the structure of employment changes in the scale of the Russian Federation, federal districts and constituent entities of the Russian Federation are revealed. The socio-economic consequences of the situation around employment are analyzed. The characteristic of the number of employed poor people is given. The expert estimates of the shadow economy increasing are

given. The estimations of the informal sector of the economy volumes are presented. The estimation of the achieving the goals degree of the authorized state employment agencies is provided. The causes of a systemic crisis of state employment of the population are identified. The necessity of more complete participation of the state government employment in the development and implementation of the socio-economic development policy of the Russian Federation has been substantiated. The proposals for the strategies establishment for the future development of employment services in the regions of the Russian Federation and their inclusion in the system of strategic planning documents are presented.

Keywords: employment, unemployment, economic development, crisis, standard of living, income level, poverty, employed poor people, shadow economy, employment service, region, strategy

Введение

Занятость населения является одним из важнейших параметров оценки состояния экономики и эффективности государственного управления. Цель государственной политики в этой сфере заключается в обеспечении максимально полного вовлечения населения в процессы социально-экономического развития. Управление занятостью предполагает обеспечение баланса спроса и предложения на труд различной квалификации, рост уровня доходов и качества жизни населения, создание условий кадрового обеспечения для формирования и реализации предпринимательской и творческой инициативы. Управление занятостью, являясь составной частью государственной политики социально-экономического развития, предусматривает решение многокомпонентных задач, достижения не только количественных целевых ориентиров, но и осуществления качественных изменений экономики, развитие человеческого капитала [4, с. 33–41; 13, с. 104–114].

В законе «О занятости населения Российской Федерации»[1] устанавливаются направления государственной политики в этой сфере.

Во-первых, это содействие в поиске работы и обеспечение равных возможностей всем гражданам Российской Федерации в реализации конституционных прав на добровольный труд и свободный выбор занятости[2], повышение качества жизни населения и создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека. Во-вторых, это работа органов власти, направленная на защиту национального рынка труда, развитие трудовых ресурсов, поддержку трудовой, предпринимательской и творческой инициативы [10, с. 110–115]. Важными являются меры по повышению мобильности экономически активного населения, предупреждению массовой и сокращению длительной безработицы. В-третьих, это координация работы участников рынка труда. В рамках этого направления предпринимаются меры по обеспечению согласованности работы участников рынка труда, деятельности органов власти, представительных органов работников и работодателей в разработке и реализации мер по обеспечению занятости населения. В том числе предусматривается поощрение работодателей, которые сохраняют действующие и создают новые рабочие места, поддержка предпринимательских инициатив, соответствующих направлениям государственной экономической и социальной политики [11, с. 128–136; 19, с. 194–198]. Координации требуют вопросы международного сотрудничества и развития негосударственных организаций, содействующих трудоустройству граждан.

[1] О занятости населения в Российской Федерации. Федеральный от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 03.07.2018).

[2] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

Реализация государственной политики в сфере занятости населения осуществляется Федеральной службой по труду и занятости (Роструд). Учитывая широту вопросов и разнообразие направлений деятельности, Роструд проводит работу, через свои территориальные подразделения, в тесном сотрудничестве с федеральными и региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями[1]. На официальном сайте размещена Декларация целей и задач Роструда[2]. Декламируемые цели ведомства: достойный труд, справедливая заработная плата (ее достижение предполагается путем защиты трудовых прав граждан и снижения травматизма на производстве); обеспечение открытости и профессионализма государственной гражданской службы (задачи по ее достижению связаны с обеспечением качества оказания государственных услуг).

Управление занятостью приобретает особое значение и социальное содержание в периоды кризиса экономики, так как именно в это время происходит обострение проблем безработицы, снижения уровня доходов и обеспечения качества жизни населения [1, с. 37–49]. Для экономики Российской Федерации, состояние которой в настоящий момент находится под влиянием совокупности негативных факторов, проблемы государственного управления занятостью населения приобретают особую актуальность.

Материалы и методы

Статистика состояния рабочей силы в России по результатам выборочных обследований свидетельствует об успехах реализации государственной политики в сфере занятости населения в последние годы. Наблюдается достижение минимальных значений уровня безработицы за весь период наблюдений после 1991 г., стабилизация на достаточно высоком уровне показателей занятости и участия в рабочей силе (табл. 1).

На фоне в целом стабильных, и даже несколько увеличившихся показателей численности рабочей силы, уровень безработицы снизился с 6,5% в 2011 г. до 5,2% в 2017 г. Временное повышение уровня безработицы до 5,6% в 2015 и 5,5% в 2016 гг. связано с рядом негативных процессов в экономическом развитии России, о которых свидетельствуют показатели динамики валового внутреннего продукта и инвестиционной активности в 2011–2017 гг. (рис. 1).

Наблюдаемое на графике снижение показателей объясняется санкциями ряда государств в отношении нашей страны после воссоединения Крыма [3; 17 и др.]. В негативные для российской экономики тенденции внесла свой вклад динамика цен на ряд товаров, занимающих важное место во внешней торговле России, прежде всего — углеводородное сырье [18, с. 36–43]. Приобрели значительные масштабы процессы трансформации бизнеса, его реорганизации и приспособления к негативным условиям [8, с. 139–147].

Негативные процессы в сфере экономического развития не могут не сказаться на динамике реальных располагаемых доходов населения [16, с. 92–98] (рис. 2).

Заметим, что тенденция к долгосрочному снижению темпов роста реальных располагаемых доходов населения прослеживается в течение последнего десятилетия. Находясь в положительном диапазоне еще в 2013 г. (104%), показатель динамики реальных располагаемых денежных доходов в 2014 г. составил 99,3%, в 2015 г. —

[1] Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 324 (ред. от 21.02.2018).

[2] Декларация целей и задач Федеральной службы по труду и занятости. Роструд. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. URL: https://www.rostrud.ru/openrostrud/234137.shtml (дата обращения: 01.09.2018).

Таблица 1

Рабочая сила в возрасте 15–72 лет
Table 1. Labor force at the age of 15–72 years

Годы	Население в возрасте 15–72 лет — всего, тыс. чел.	Численность рабочей силы			Уровень участия в рабочей силе, процентов	Уровень занятости, процентов	Уровень безработицы, процентов
		Всего, тыс. чел.	из нее				
			занятые	безработные			
2011	110 916	75 779	70 857	4922	68,3	63,9	6,5
2012	110 222	75 676	71 545	4131	68,7	64,9	5,5
2013	110 222	75 529	71 391	4137	68,5	64,8	5,5
2014	109 505	75 428	71 539	3889	68,9	65,3	5,2
2015	110 775	76 588	72 324	4264	69,1	65,3	5,6
2016	110 226	76 636	72 393	4243	69,5	65,7	5,5
2017	110 166	76 109	72 142	3967	69,1	65,5	5,2

Источник: Рабочая сила в возрасте 15–72 лет. 1.2 9 / Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

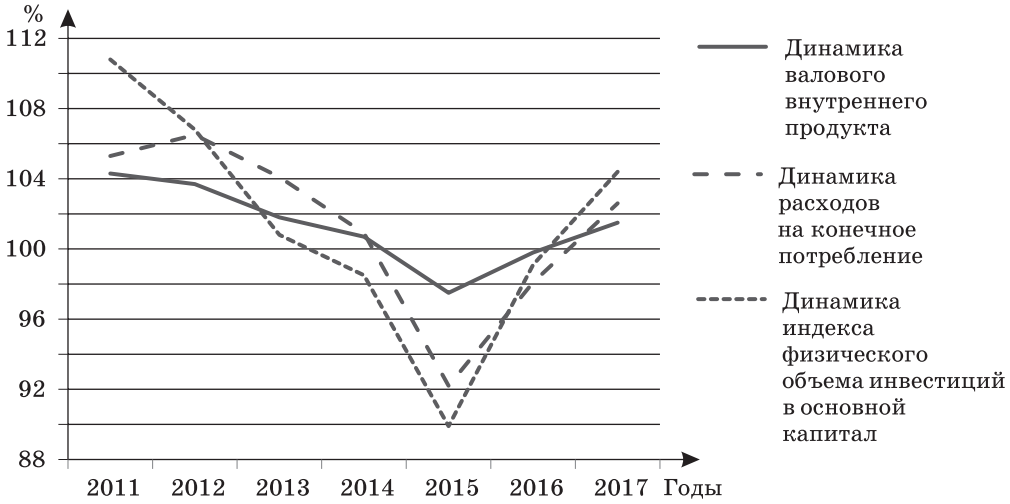


Рис. 1. Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал, валового внутреннего продукта и расходов на конечное потребление в 2011–2017 гг. (в процентах к предыдущему году)
Fig. 1. Dynamics of the physical volume index of investments in fixed capital, GDP and costs dynamics to final consumption, 2011–2017

Источник: Динамика основных социально-экономических показателей (стоимостные показатели в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году). 1.2 / Россия в цифрах. 2018 : Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018; Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году). 12.3 / Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : Стат. сб. / Росстат. М., 2017; Официальная статистика. Национальные счета. Индексы физического объема элементов использования валового внутреннего продукта. Обновлено 02.04.2018 г. Росстат. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 20.08.2018).

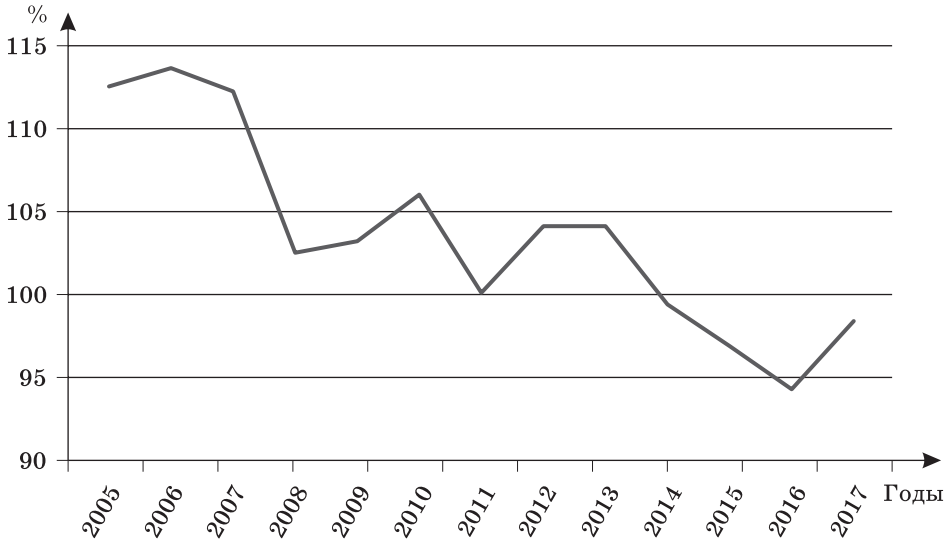


Рис. 2. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения в сопоставимых ценах в 2005–2017 гг. (в процентах к предыдущему году)
Fig. 2. Dynamics of real disposable money incomes of the population in comparable prices in 2005–2017 (as a percentage of the previous year)

Источник: Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения 7.1. / Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018; Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения 6.1. / Официальная статистика. Росстат Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 20.08.2018).

96,8%, в 2016 г. — 94,2% и в 2017 г. — 98,3%. Значение этого показателя за последние четыре года в среднем составило 97,15%. По данным Росстата о социальном положении и уровне жизни населения России реальные располагаемые доходы населения в 2016 г. составили 94,2% к 2015 г., 91,2% к 2014 г. и 98,6% к 2011 г.[1]

Сформировавшееся в течение предшествующего десятилетия неравномерное распределение доходов населения в России сохраняется на прежнем уровне в период 2010–2017 гг. Коэффициент Джини за этот отрезок времени снизился в России с 0,421 в 2010 г. до 0,410 в 2017 г. (рис. 3).

В течение последнего времени в России увеличилось количество населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, обострилась проблема бедности (рис. 4).

Следует отметить, что за последнее десятилетие (с 2005 г.) доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума последовательно снижалась. В 2012 г. было отмечено наименьшее значение этого показателя — 10,7%. Но уже с 2013 г. ситуация изменилась и в 2015–2016 гг. доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума отмечалась на уровне 13,3%, к слову, сопоставимого с кризисным 2008 г. — 13,4%.

Таким образом, снижение показателей безработицы в Российской Федерации происходит на фоне снижения уровня жизни и увеличения количества бедного населения.

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: С69. Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

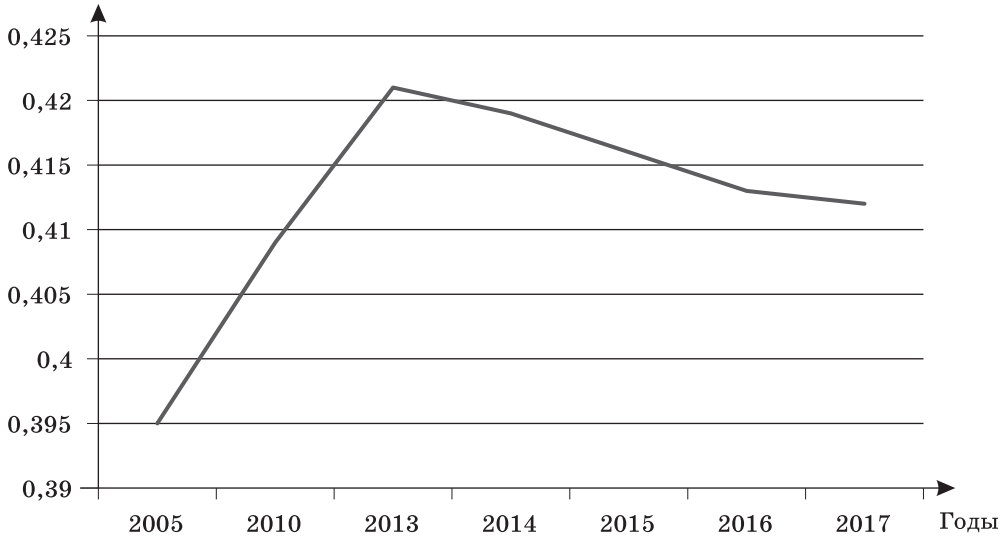


Рис. 3. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в 2005–2017 гг.
Fig. 3. Gini Index, 2005–2017

Источник: Распределение общего объема денежных доходов населения 7.10. / Россия в цифрах. 2018 : Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018.

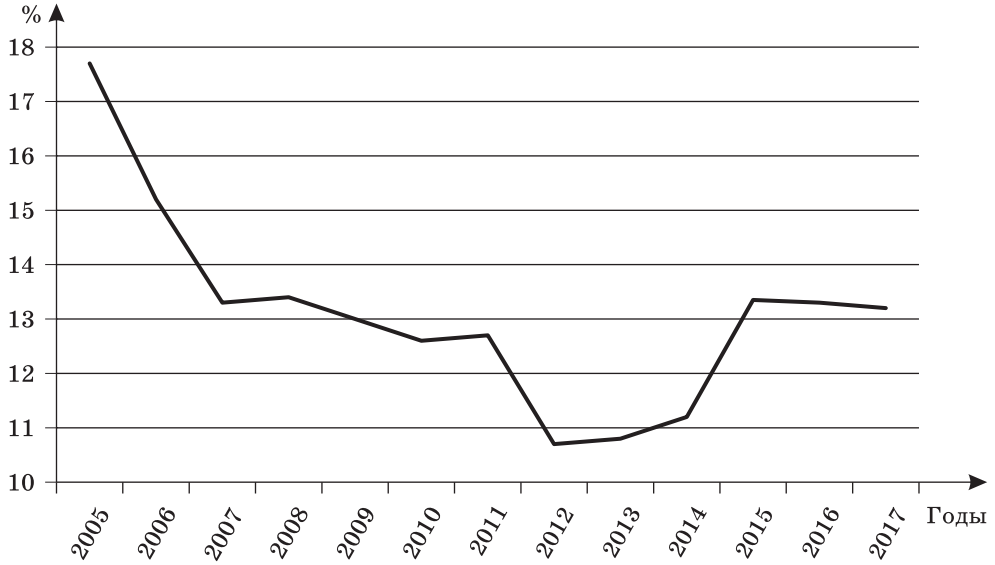


Рис. 4. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума 2005–2017 гг. (в процентах от общей численности населения)
Fig. 4. Population with income below the subsistence minimum for 2005–2017 (as a percentage of the total population)

Источник: Распределение общего объема денежных доходов населения 7.10. / Россия в цифрах. 2018 : Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Следует отметить сохранение тенденций изменения структуры занятости населения, сложившихся на протяжении последних пятнадцати лет [9, с. 7–17]. Так, на фоне снижения количества занятого населения в промышленности и сельском хозяйстве происходит увеличение занятых в сфере услуг (рис. 5).

Внимания заслуживают региональные пропорции занятости населения и безработицы (табл. 2). В целом сохраняется доля в общем количестве занятого населения по следующим видам деятельности: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Возросла доля занятых по видам деятельности: строительство; оптовая и розничная торговля; гостиницы и рестораны; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг.

Значительное количество регионов России располагают ярко выраженной специализацией, демонстрируя существенные отклонения от средних значений показателей количества занятых в сельском хозяйстве, добычей полезных ископаемых, на обрабатывающих производствах и др. [15; с. 140–151] Вместе с тем по таким видам деятельности сферы услуг, как: гостиницы и рестораны, транспорт и связь, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг — межрегиональные различия не столь существенны.

Демонстрируют стабильность региональные различия показателей безработицы. В целом, несмотря на существенные изменения экономической ситуации

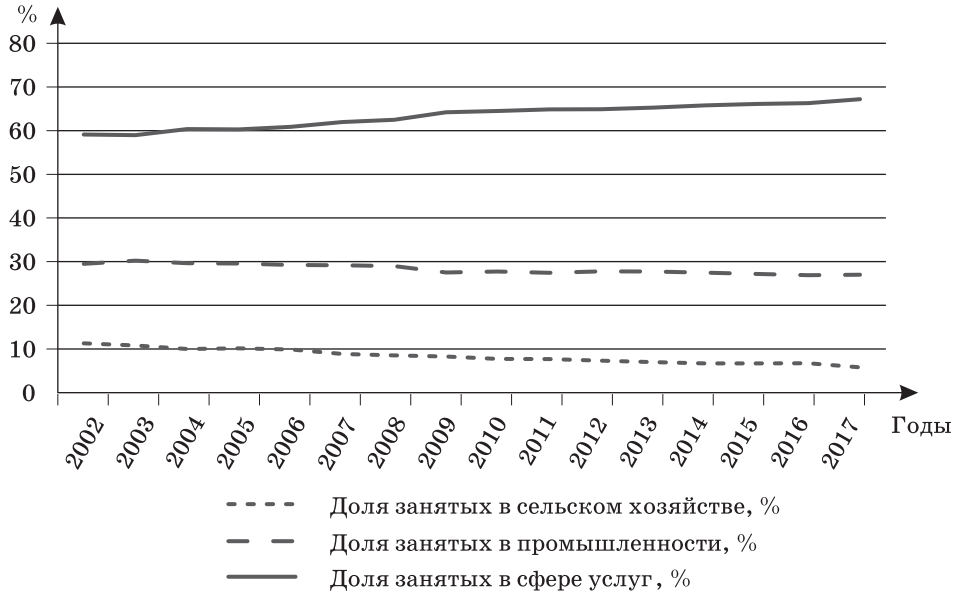


Рис. 5. Занятость по отраслям экономической деятельности 2002–2017 гг. (в процентах от занятого населения в возрасте 15–72 лет)
Fig. 5. Employment by economic activity sectors, 2002–2017 (as a percentage of the employed population aged 15–72)

Источник: Индикаторы достойного труда. С — Занятость по отраслям экономической деятельности (до 2017 г. в соответствии с ОКВЭД (NACE Rev. 1.1), с 2017 г. в соответствии с ОКВЭД2 (NACE Rev.2). Обновлено 13.04.2018 / Официальная статистика. Росстат Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 20.08.2018).

Таблица 2

Средние, максимальные и минимальные значения распределения среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности в регионах РФ

Table 2. Average, maximum and minimum values of the average annual employee distributions by economic activity in the regions of the Russian Federation

Виды экономической деятельности	2010			2014			2016		
	РФ	max	min	РФ	max	min	РФ	max	min
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	10,0	26,0	0,3	9,4	27,7	0,2	7,7	23.9	0.2
Добыча полезных ископаемых	1,6	21,7	0,0	1,6	22,3	0,0	1,6	25,4	0,0
Обрабатывающие производства	15,2	26,6	1,5	14,6	27,2	1,0	14,2	25,8	1,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	14,6	1,2	2,8	14,8	1,1	2,8	12,7	1,1
Строительство	8,0	20,8	3,6	8,4	20,6	3,6	8,6	15,3	3,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	17,9	25,9	5,3	18,7	26,7	4,7	18,9	23,0	5,8
Гостиницы и рестораны	1,8	3,0	0,6	1,9	3,1	0,5	2,3	5,3	0,9
Транспорт и связь	7,9	12,3	4,5	8,0	12,6	4,1	8,3	15,5	5,3
из них связь	1,4	2,1	0,6	1,2	2,2	0,6	1,2	1,8	0,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,0	17,0	2,1	8,7	18,2	2,3	9,9	21,3	2,2
Образование	8,7	21,8	6,3	8,1	21,5	5,7	7,7	21,7	4,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,8	11,9	4,6	6,6	12,4	4,5	6,4	12,0	4,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,7	6,6	2,5	3,7	5,3	2,4	4,4	7,3	2,3
Другие виды деятельности	7,5	16,5	5,4	7,6	16,3	4,8	7,3	15,5	4,3

Источник: Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности. 3.7 / Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

в России последних лет, распределение уровня безработицы в федеральных округах осталось практически без изменений. Пять из восьми федеральных округов сохранили свое положение в рейтинге по уровню безработицы. Это Центральный, Северо-Западный и Приволжский, с наиболее низкими показателями безработицы. Сибирский и Северо-Кавказский федеральные округа неизменно занимают последнее и предпоследнее места соответственно. Изменения в расстановке мест среди федеральных округов произошло по причине несколько более низких темпов снижения уровня безработицы в Южном федеральном округе по сравнению с Уральским и Дальневосточным федеральными округами (табл. 3).

Таблица 3

Показатели уровня безработицы в Федеральных округах Российской Федерации в 2010–2017 гг.

Table 3. Data of the unemployment in the Federal Districts of the Russian Federation in 2010–2017

Федеральный округ	2017		2015		2014		2012		2010	
	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%
Центральный	1	3,2	1	3,5	1	3,1	1	3,1	1	4,6
Северо-Западный	2	4,2	2	4,7	2	4,1	2	4,0	2	5,9
Приволжский	3	4,7	3	4,8	3	4,5	3	5,3	3	7,6
Уральский	4	5,6	4	6,2	4	5,8	4	6,0	5	8,0
Дальневосточный	5	5,6	5	6,3	6	6,4	6	6,7	6	8,6
Южный	6	6,0	6	6,7	5	6,2	5	6,2	4	7,6
Сибирский	7	7,3	7	7,7	7	7,0	7	7,1	7	8,7
Северо-Кавказский	8	11,0	8	11,1	8	11,2	8	13,1	8	16,5
Справочно: Российская Федерация		5,2		5,6		5,2		5,5		7,3

Источник: Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет 5.2 / Приложение к сборнику «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)». 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Стабильность демонстрирует динамика показателей уровня безработицы в разрезе субъектов Российской Федерации. Так, в период 2010–2017 гг. только три из десяти регионов России дополнили перечень регионов в десятке лучших по показателю уровня безработицы (табл. 4). Это — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Татарстан и Тульская область. Два новых участника в указанный период вошли в перечень десяти регионов с наихудшими показателями уровня безработицы — Республика Северная Осетия-Алания и Карачаево-Черкесская Республика (табл. 4). События в экономике нашей страны оказали влияние на показатели безработицы 15 из 20 регионов с наименьшим и наибольшим уровнем безработицы. Исключениями стали только Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Тульская область из верхней части рейтинга, а также Республика Калмыкия, Республика Алтай и Чеченская Республика из числа регионов с наибольшими показателями безработицы.

Регионы, чьи значения уровня безработицы находятся в середине общероссийского рейтинга (с 32-го по 52-е место), за исключением Магаданской области, за период 2010–2017 гг. не входили в состав десяти лучших и худших регионов по уровню безработицы (табл. 5).

Из 21 субъекта Российской Федерации в названном диапазоне располагались в 2010 г. — 7 регионов, в 2012 г. — 12, в 2014 — 14 и в 2015 г. — 15 регионов. В целом, можно утверждать об устойчивом характере распределения регионов по рассматриваемому критерию, равномерной зависимости показателей безработицы в регионах России от общей динамики экономического развития. Действительно, только четыре региона «срединной» группы рейтинга в период 2010–2017 гг. демонстрировали последовательное снижение показателей уровня безработицы — это

Таблица 4

10 регионов Российской Федерации с наименьшими и наибольшими показателями уровня безработицы в 2010–2017 гг. (без Республики Крым и г. Севастополь)

Table 4. 10 regions of the Russian Federation with the lowest and highest unemployment rates in 2010–2017 (without the Republic of Crimea and Sevastopol)

Регион	2017		2015		2014		2012		2010	
	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%
Москва	1	1,4	1	1,8	2	1,5	1	0,8	1	1,8
Санкт-Петербург	2	1,7	2	2,1	1	1,4	2	1,1	2	2,6
Чукотский автономный округ	3	2,9	7	4,0	7	3,2	13	4,3	5	4,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	4	3,2	5	3,6	6	3,1	5	3,4	4	4,3
Московская область	5	3,2	3	3,3	3	2,7	3	2,9	3	3,3
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	6	3,3	16	4,4	27	4,6	32	5,5	31	7,5
Республика Татарстан	7	3,5	6	4,0	11	3,9	11	4,1	16	6,2
Липецкая область	8	3,9	8	4,1	8	3,7	9	3,6	6	4,5
Тульская область	9	3,9	10	4,1	14	4,1	16	4,6	12	5,8
Белгородская область	10	3,9	9	4,1	13	4,0	10	3,7	7	5,2
Справочно: Российская Федерация		5,2		5,6		5,2		5,5		7,3
Республика Калмыкия	74	10,0	78	10,7	79	10,9	80	13,1	79	14,8
Кабардино-Балкарская Республика	75	10,5	76	10,1	75	9,5	75	8,9	78	12,7
Забайкальский край	76	10,7	77	10,4	76	10,0	77	10,6	75	11,1
Республика Северная Осетия-Алания	77	11,8	74	9,3	71	8,6	69	7,9	68	9,7
Республика Алтай	78	12,0	75	9,7	78	10,4	78	11,6	77	12,2
Республика Дагестан	79	12,0	79	10,8	77	10,2	79	11,7	80	14,8
Карачаево-Черкесская Республика	80	13,5	80	15,1	80	13,0	76	8,9	72	10,3
Чеченская Республика	81	14,0	81	17,1	82	21,5	82	29,8	82	43,3
Республика Тыва	82	18,3	82	18,6	81	19,1	81	18,4	81	21,7
Республика Ингушетия	83	27,0	83	30,5	83	29,8	83	47,7	83	49,7

Источник: Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет 5.2 / Приложение к сборнику «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)». 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Республика Хакасия, Чувашская Республика, Приморский край и Сахалинская область. Остальные регионы показали увеличение уровня безработицы после 2014 г., отреагировав тем самым на кризисные процессы, происходившие в российской экономике.

Таблица 5

21 регион Российской Федерации со средним положением в рейтинге регионов РФ по показателю уровня безработицы в 2010–2017 гг. (без Республики Крым и г. Севастополь)

Table 5. 21 regions of the Russian Federation with an average unemployment rates position in 2010–2017 (without the Republic of Crimea and Sevastopol)

Регион	2017		2015		2014		2012		2010	
	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%
Республика Хакасия	32	4,9	41	5,8	56	6,2	66	7,9	60	9,1
Тюменская область без автономного округа	33	5,0	45	6,2	44	5,5	38	5,7	29	7,2
Чувашская Республика	34	5,1	27	5,0	31	5,0	43	5,9	65	9,5
Калининградская область	35	5,2	39	5,7	43	5,4	62	7,4	71	10,3
Ставропольский край	36	5,2	38	5,6	41	5,3	31	5,4	24	6,9
Магаданская область	37	5,3	15	4,3	5	3,1	7	3,4	11	5,6
Вологодская область	38	5,3	54	6,8	46	5,6	41	5,8	41	7,8
Кировская область	39	5,3	32	5,3	34	5,1	60	7,1	50	8,6
Костромская область	40	5,3	31	5,3	21	4,3	18	4,8	14	6,0
Приморский край	41	5,4	57	6,9	62	6,9	56	6,9	66	9,5
Свердловская область	42	5,5	51	6,5	52	6,1	42	5,8	49	8,4
Республика Башкортостан	43	5,6	43	6,1	39	5,3	47	6,1	55	8,9
Ростовская область	44	5,6	44	6,1	49	5,9	45	6,0	37	7,7
Краснодарский край	45	5,7	42	6,0	47	5,7	36	5,6	23	6,7
Красноярский край	46	5,7	48	6,2	32	5,0	34	5,5	17	6,2
Смоленская область	47	5,7	46	6,2	36	5,1	39	5,7	30	7,4
Амурская область	48	5,9	40	5,8	45	5,6	25	5,3	25	6,9
Новосибирская область	49	6,0	56	6,9	38	5,1	37	5,6	38	7,7
Сахалинская область	50	6,0	50	6,3	57	6,5	63	7,7	57	8,9
Волгоградская область	51	6,0	60	7,2	59	6,6	46	6,0	43	8,0
Пермский край	52	6,1	49	6,3	48	5,8	50	6,3	47	8,3

Источник: Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет 5.2 / Приложение к сборнику «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы)». 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Результаты и обсуждение

Государственное управление занятостью осуществляется в определенных социально-экономических условиях. На решение проблем занятости и безработицы оказывают влияние демографические процессы. Следует отметить, что за последнее десятилетие в России наблюдается общее сокращение на 6,3% доли населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, т. е. с 63,0% в 2005 г. до 56,7% в 2016 г. (табл. 6).

Наименьшее снижение этого показателя наблюдается в 6 регионах, из числа тех, что демонстрируют наиболее высокие показатели безработицы. А именно — Респу-

Таблица 6

10 регионов Российской Федерации с наименьшими и наибольшими показателями сокращения доли населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения (без Республики Крым и г. Севастополь)

Table 6. 10 regions of the Russian Federation with the lowest and highest reduction of working-age population in the total population (without the Republic of Crimea and Sevastopol)

Регион	Удельный вес населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, процентов				Изменение в 2016 г. к уровню 2005 г.
	2005	2010	2014	2016	
Республика Дагестан	60,7	62,2	61,4	60,7	0,0
Республика Ингушетия	59,0	59,8	59,1	58,7	–0,3
Чеченская Республика	58,3	57,8	56,1	55,8	–2,5
Республика Северная Осетия-Алания	60,0	59,6	57,5	56,3	–3,7
Ставропольский край	61,2	61,2	58,8	57,4	–3,8
Кабардино-Балкарская Республика	62,6	62,7	60,2	58,8	–3,8
Республика Адыгея	59,7	58,9	57,0	55,5	–4,2
Воронежская область	60,4	60,1	57,6	56,1	–4,3
Карачаево-Черкесская Республика	62,1	61,5	59,1	57,8	–4,3
Московская область	62,9	62,0	59,8	58,2	–4,7
Российская Федерация	**63,0**	**61,5**	**58,4**	**56,7**	**–6,3**
Удмуртская Республика	64,3	61,8	57,5	55,4	–8,9
Республика Карелия	64,3	61,1	57,2	55,2	–9,1
Республика Алтай	63,0	60,0	55,6	53,9	–9,1
Курганская область	61,5	58,8	54,2	52,3	–9,2
Архангельская область без автономного округа	64,4	61,3	57,2	55,2	–9,2
Кировская область	62,9	60,3	55,8	53,6	–9,3
Республика Коми	67,5	64,5	60,2	58,0	–9,5
Сахалинская область	67,4	63,5	59,6	57,7	–9,7
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	71,9	68,8	64,5	62,2	–9,7
Магаданская область	70,5	66,3	62,0	60,4	–10,1

Источник: Численность населения в трудоспособном возрасте Т_1.1. / Приложение к сборнику (Информация по субъектам Российской Федерации) Труд и занятость в России. 2017 : Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

блика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика. В то же время, в числе 10 регионов с наименьшим изменением доли населения в трудоспособном возрасте оказалась Московская область, устойчиво входящая в десятку регионов с наименьшими показателями уровня безработицы. Республика Алтай вошла как в перечень регионов с наибольшим снижением доли населения в трудоспособном возрасте, так и в число регионов с наиболее высо-

кими показателями безработицы. Демографические процессы оказывают влияние на баланс спроса и предложения на рынке труда, однако они не являются единственными в комплексе факторов, определяющих состояние сферы занятости населения.

Одним из важных результатов государственного управления занятостью в настоящее время является формирование значительной группы работающего бедного населения [6, с. 158–163; 14, с. 834–838].

Так, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. составляла 19,6712 млн чел. и более 12 млн из их числа заняты в экономике. Только 590 тыс. чел. из числа малоимущих являются безработными (рис. 6).

С целью компенсации неудовлетворительного материального положения, население Российской Федерации все больше вовлекается в теневой сектор экономики [5; с. 103–110; 12, с. 3–8]. Так, по оценкам Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС, в 2016 г. количество занятых в теневой экономике на постоянной основе составило 23 млн чел. Доля россиян, участвующих в теневой экономике, с учетом постоянно работающих в формальном секторе и имеющих дополнительный доход в теневом секторе, выросла с 40,3 до 44,8%[1].

Мониторинг занятых в теневом (неформальном) секторе экономики представляет собой сложную задачу для статистического наблюдения (табл. 7).

К занятым в неформальном секторе органы статистики относят население, работающее без государственной регистрации в качестве юридического лица. Речь идет об индивидуальных предпринимателях и работающих у них по найму; помогающих членах семьи в бизнесе, который принадлежит кому-то из родственников; работающих без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятых в домашнем и подсобном хозяйстве для производства товаров на продажу. За период 2006–2017 гг. количество занятых в неформальном секторе по данным Росстата увеличилось с 12,601 млн чел. до 14,253 млн чел., т. е. на 1,652 млн чел. Более существенным оказалось увеличение количества занятых исключительно в неформальном секторе экономики 2,507 млн чел. с 10,792 млн до 13,299 млн чел. Официальные данные органов статистики и экспертные оценки подтверждают общую тенденцию увеличения доли населения занятого в теневом (неформальном) секторе экономики.

Таким образом, усилиями государства в целом решаются вопросы занятости, однако эти успехи оказываются обесцененными, вследствие низкого уровня жизни населения, роста бедности. Снижается интерес к производительному труду, так как в обществе усиливается признание того, что приобретение работы не позволяет человеку приобрести достойный социальный статус и уверенность в завтрашнем дне [7, с. 97–103]. В целях повышения эффективности работы Службы занятости, видится необходимым ее большее вовлечение в решение вопросов предупреждения проблем занятости.

В рамках действующего законодательства речь идет об участии Службы в разработке и реализации положений Федерального закона о стратегическом планировании Российской Федерации[2]. Так, к числу документов целеполагания, разрабатываемых на федеральном уровне управления, относятся стратегии развития отраслей

---

[1] *Ломская Т., Базанова Е.* Россияне пережидают кризис в теневом секторе. Ведомости. Экономика [Электронный ресурс] / Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/08/24/730769-rossiyane-krizis (дата обращения: 09.04.2018).

[2] О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017).

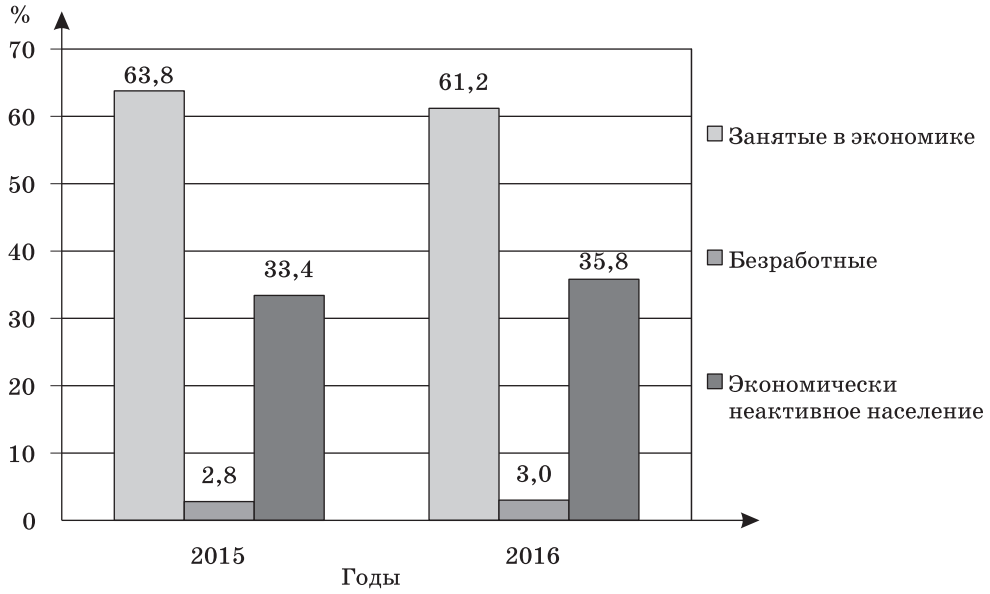


Рис. 6. Распределение малоимущего населения по отношению к экономической активности для лиц в возрасте 15 и более лет (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; в процентах к итогу)
Fig. 6. Distribution of the needy population in relation to economic activity for persons at the age of 15 and upwards (on materials of selective inspection of budgets of households; as a percentage to a result)

Источник: Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: Т_5.4 / Приложение к сборнику «Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017». (Информация по субъектам Российской Федерации) Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 332 с.

Таблица 7

Численность занятых в неформальном секторе в возрасте 15–72 лет по типу занятости
Table 7. Number involved in the informal employment sector at the age of 15–72 years

Занятость в неформальном секторе	2006	2010	2014	2016	2017
1	2	3	4	5	6
Занятые в неформальном секторе всего, тыс. чел.	12 601	11 482	14 387	15 370	14 253
В процентах от общей численности занятого населения	18,2	16,4	20,1	21,2	19,8
Занятые только в неформальном секторе, тыс. чел.	10 792	10 195	13 092	13 843	13 299
В процентах от общей численности занятого населения в неформальном секторе	85,6	88,8	91,0	90,1	93,3
Занятые в неформальном и формальном секторах, тыс. чел.	1809	1288	1295	1527	954

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6
В процентах от общей численности занятого населения в неформальном секторе	14,4	11,2	9,0	9,9	6,7
Занятые в неформальном и формальном секторах с основной работой в неформальном секторе, тыс. чел.	17	18	23	23	16
В процентах от общей численности занятого населения в неформальном и формальном секторах	0,9	1,4	1,8	1,5	1,7
Занятые с основной работой в формальном секторе и дополнительной работой в неформальном секторе, тыс. чел.	1791	1270	1272	1504	938
В процентах от общей численности занятого населения в неформальном и формальном секторах	99,1	98,6	98,2	98,5	98,3

Источник: Численность занятых в неформальном секторе в возрасте 15–72 лет по типу занятости. 3.6 / Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 : Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

экономики, стратегии пространственного развития и макрорегионов. На региональном уровне государственного управления разрабатываются стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (ст. 11, пп. 3.2 и 4.1).

Министерством экономического развития Российской Федерации разработаны Методические рекомендации по подготовке стратегий развития отраслей экономики[1], Правительством Российской Федерации утверждены документы, регламентирующие порядок разработки и реализации стратегии пространственного развития[2] и развития макрорегионов[3]. Приказом Минэкономразвития утверждены Методические рекомендации по подготовке и реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации[4].

[1] Методические рекомендации по подготовке стратегий развития отраслей экономики. Опубликовано 30.06.17. Минэкономразвития РФ. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.rostrud.ru/openrostrud/234137.shtml (дата обращения: 01.09.2018).

[2] О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации (вместе с «Положением о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации», «Правилами осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии пространственного развития Российской Федерации») Постановление Правительства РФ от 20.08.2015 № 870.

[3] Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов. Постановление Правительства РФ от 08.08.2015 № 822.

[4] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 (ред. от 07.09.2018).

Во всех документах, разрабатываемых на федеральном уровне управления, в той или иной степени учитывается проблематика, непосредственно связанная с вопросами занятости населения и безработицы. В том числе, решение проблем развития «человеческого капитала» и повышения благосостояния российских граждан (отраслевые стратегии), прогноз трудовых ресурсов региона (стратегия пространственного развития), мероприятия по повышению качества жизни населения, трудового и кадрового потенциала (стратегии макрорегионов). Указывается межотраслевой характер рассматриваемых проблем и необходимость межведомственного сотрудничества [19, с. 984–987]. Однако только в отношении стратегии пространственного развития указывается на необходимость ее разработки при взаимодействии с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.

Является логичным и соответствует традициям управления процессами территориального развития [2, с. 104–112], что наибольшее внимание вопросам занятости и безработицы уделяется в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Рекомендуется предусмотреть в региональных стратегиях раздел, посвященный развитию человеческого капитала, в том числе — повышение уровня и качества жизни населения, доходов, развитие рынка труда и обеспечение занятости; раздел, касающийся кадрового обеспечения экономики региона, в том числе — оценку текущего состояния и основных проблем кадрового обеспечения, потребность в кадровом обеспечении на перспективу с учетом развития экономики, демографической ситуации и изменений рынка труда. В региональных стратегиях показатели безработицы и занятости населения, численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, потребности в кадровом обеспечении экономики и количестве высокопроизводительных рабочих мест, наряду с другими показателями, характеризующими состояние рынка труда, безработицы и занятости населения, рассматриваются в качестве основных целевых ориентиров работы органов власти.

В этих условиях территориальные подразделения Службы занятости оказываются в положении связующего звена федерального и регионального уровней управления по вопросам безработицы и занятости населения, кадрового обеспечения экономики и развития рынка труда. От согласованности работы территориальных Служб занятости с региональными властями во многом зависит эффективность реализации стратегий субъектов Российской Федерации, и в целом — достижение целей документов стратегического планирования Российской Федерации. В этой связи видится целесообразной разработка Стратегий развития Служб занятости населения субъектов Российской Федерации, которые, являясь составной частью системы Федеральной службы по труду и занятости, акцентируют внимание на решении вопросов занятости и безработицы в соответствующем регионе, с учетом его специфики и стратегических ориентиров социально-экономического развития.

Опыт подготовки таких документов уже есть. Так, в Ленинградской области разработана Стратегия развития Службы занятости населения Ленинградской области до 2030 г., которая размещена на официальном сайте Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области[1]. Положения Стратегии реализуются, начиная с 2016 г. Являясь по сути инициативным документом, Стратегия Службы занятости Ленинградской области акцентирует внимание на активном участии Службы занятости в реализации социально-экономической политики региона. Элементами страте-

[1] Стратегия развития службы занятости населения Ленинградской области до 2030 г. Обновлено 22.08.2018. Комитет по труду и занятости населения Ленинградской области. Официальный сайт Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: http://job.lenobl.ru/obrashcheniia/obzory-obrashchenii/ (дата обращения: 01.09.2018).

гии явились проектные инициативы, которые, по мнению разработчиков, в наибольшей степени способствуют решению актуальных проблем региона.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые системные недостатки. Так, разработанная несколько ранее — до 2016 г., Стратегия Службы занятости не учитывает положения Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 г., которая была утверждена областным законом 8 августа 2016 г.[1] Следует признать, что опыт Ленинградской области пока не получил широкого распространения в других регионах России и уж тем более не располагает опорой в виде методических рекомендаций Федеральной службы по труду и занятости, которые могли бы обеспечить необходимую согласованность работы территориального подразделения в общей системе Федеральной службы по вопросам реализации Стратегии развития Службы занятости населения Ленинградской области.

Заключение

Управление занятостью населения является важной частью системы государственного регулирования экономики, требует целенаправленной работы и согласованного участия органов власти на всех уровнях. Постановка и достижение отдельных показателей, характеризующих состояние сферы занятости (уровень безработицы, занятости, участия в рабочей силе и др.), без учета прочих параметров социально-экономического развития может дезориентировать работу органов власти, инициировать развитие негативных тенденций в экономике. Так, на фоне рекордно низких показателей безработицы в России формируется многочисленная группа работающего бедного населения. Увеличивается количество занятых в теневом секторе экономики. Остаются неизменными высокие региональные диспропорции в сфере занятости населения. Возникновение этих проблем не может быть оправдано последствиями экономического кризиса последних лет. Указанные явления свидетельствуют о наличии признаков системного кризиса в сфере государственного и регионального управления занятости населения.

Предоставление гражданам работы в настоящее время напрямую не предполагает достижение цели обеспечения достойного труда и справедливой заработной платы, которая декларируется Федеральной службой по труду и занятости, как уполномоченным органом государственного регулирования в этой сфере. Успехи работы по снижению уровня безработицы девальвируются растущим уровнем бедности среди работающего населения. Этот результат вполне закономерен, так как службы занятости решают в большей степени социальные задачи — обеспечение работой безработного и, главным образом, малоимущего населения. Государственное регулирование сферы занятости населения ориентировано, главным образом, на снижение социальной напряженности, возникающей вследствие динамики экономического развития.

В целях повышения эффективности государственного управления занятостью населения необходимо более полное вовлечение Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных подразделений в решение вопросов предупреждения проблем занятости и безработицы населения. Является целесообразной разработка Стратегий развития Служб занятости населения субъектов Российской Федерации как структурных элементов Стратегий социально-экономического развития регионов и Стратегии развития Федеральной службы по труду и занятости. В этих документах, включенных в систему стратегического планирования Российской

[1] О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (принят ЗС ЛО 13.07.2016). Областной закон Ленинградской области от 08.08.2016 № 76-оз (ред. от 20.06.2018).

Федерации, с организационной точки зрения будет возможно проведение согласований по вопросам труда и занятости населения отраслевых и региональных документов стратегического планирования, документов, разрабатываемых на федеральном и региональном уровне управления.

Литература

1. *Древаль И. В., Кашина М. А.* Социальная эффективность государственной социально-экономической политики и проблемы ее обеспечения // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 4. С. 37–49.
2. *Елсуков М. Ю.* Территориально-отраслевая структура экономики: подходы к изучению и управлению // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5. № 3. С. 104–112.
3. *Запесоцкий А. С., Чеберко Е. Ф.* Трансформация экономических отношений в условиях современного цивилизационного кризиса // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. XVII Международные Лихачевские научные чтения. Российская академия наук, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Министерство иностранных дел РФ, 2017. С. 83–86.
4. *Запорожан А. Я.* Формирование инновационной экономики России // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6. № 2. С. 33–41.
5. *Клюев А. В.* Приоритеты управления в социальной сфере в условиях трансформации общественных процессов // Управленческое консультирование. 2017. № 6 (102). С. 103–110.
6. *Клюев А. В.* Социально-трудовой потенциал человека: перспективы реализации // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2017. Т. 12. № 1. С. 158–163.
7. *Клюев А. В.* Социальные источники пополнения трудовых ресурсов в условиях становления рыночных отношений в России // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5. № 2. С. 97–103.
8. *Конягина М. Н.* Недружественные поглощения как явление в условиях экономического кризиса // Финансовая политика России на современном этапе: сборник научных статей к юбилею М. В. Романовского. Санкт-Петербург, 2017. С. 139–147.
9. *Куклина Е. А., Федорков А. И.* Концептуальные основы развития экономики и инновационно-инвестиционное развитие промышленности России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 6. № 1. С. 7–17.
10. *Лашов Б. В.* Структурные и кадровые аспекты модернизации экономики России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 6. № 4. С. 110–115.
11. *Нещерет А. К., Холодов В. В.* Взаимодействие государства и бизнеса в кризисных условиях // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2. № 1. С. 128–136.
12. *Пронина Л. И.* Теневая экономика — средство для прогресса общества и развития экономики? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. Т. 2. № 9. С. 3–8.
13. *Советов П. М., Федорков А. И., Кабичкин С. Е.* Методологические аспекты оценки состояния и использования человеческого капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2 (20). С. 104–114.
14. *Старкова Н. О., Рзун И. Г., Коновалова С. Ю.* Динамика и структура заработной платы в РФ // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8–1 (61). С. 834–838.
15. *Ходачек В. М.* Конкуренция регионов как механизм социально-экономического развития: цели и результаты // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 140–151.
16. *Ходачек В. М.* Макроэкономические инструменты регулирования отраслевых и территориальных пропорций. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.
17. *Чеберко Е. Ф.* Тенденции развития социально-экономических отношений в условиях обострения глобальных кризисных явлений // Актуальные проблемы менеджмента: управление в регионах в условиях изменяющейся среды : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2016. С. 35–37.
18. *Чеберко Е. Ф., Вишнев М. Р.* Перспективы развития топливно-энергетического комплекса России в условиях санкций // Предпринимательская компетентность развития человече-

ского капитала в России : межвузовский сборник научных трудов. СПбИУиП; СПбГЭУ; СЗИУ РАНХиГС; СПбГУ. СПб., 2016. С. 36–43.
19. *Чистобаев А.И.* Управление развитием территории — сфера интересов органов власти и бизнеса // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5. № 3. С. 194–198.
20. *Чистобаев А.И., Федулова С.И.* Пространственное планирование как инструмент региональной политики России // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. С. 984–987.

Об авторах:
Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; elsukovmy@mail.ru
Амиров Равиль Рашидович, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); barsbold0607@mail.ru

References

1. Dreval I.V., Kashina M.A. Social efficiency of the state social and economic policy and problem of its providing // Scientific works of North-West institute of management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2013. V. 4. N 4. P. 37–49. (In rus)
2. Elsukov M.Yu. Territorial and branch structure of economy: approaches to studying and management // Scientific works of North-West Institute of management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2014. V. 5. N 3. P. 104–112. (In rus)
3. Zapesotsky A.S., Cheberko E.F. Transformation of the economic relations in the conditions of modern civilization crisis // Global world: system shifts, calls and contours of the future. XVII International Likhachev Scientific Conference. St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2017. P. 83–86. (In rus)
4. Zaporozhan A.Ya. Formation of innovative economy of Russia // Scientific works of North-West Institute of Management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2015. V. 6. N 2. P. 33–41. (In rus)
5. Klyuev A.V. Priorities in the Social Sphere in the Conditions of Transformation of Social Processes // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6 (102). P. 103–110. (In rus)
6. Klyuev A.V. Social and labor potential of the person: the prospects of realization // Health — a basis of human potential: problems and ways of their decision [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya]. 2017. V. 12. N 1. P. 158–163. (In rus)
7. Klyuev A.V. Social sources of replenishment of a workers in the conditions of formation of the market relations in Russia // Scientific works of North-West Institute of Management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2014. V. 5. N 2. P. 97–103. (In rus)
8. Konyagina M.N. Hostile acquisition as the phenomenon in the conditions of an economic crisis // Financial policy of Russia at the present stage. Collection of scientific articles to M.V. Romanovsky's anniversary. St. Petersburg, 2017. P. 139–147. (In rus)
9. Kuklina E.A., Fedorkov A.I. The conceptual framework of economic development and the innovation-investment development of industry of Russia // Bulletin of the Pushkin Leningrad State University [Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im.A.S. Pushkina]. 2012. V. 6. N 1. P. 7–17. (In rus)
10. Lashov B.V. Structural and personnel aspects of modernization of Russia's economy // Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. 2010. V. 6. N 4. P. 110–115. (In rus)
11. Neshcheret A.K., Holodov V.V. Interaction of the state and business in crisis conditions // Scientific works of North-West Institute of Management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2011. V. 2. N 1. P. 128–136. (In rus)
12. Pronina L.I. Shadow economy — means for progress of society and development of economy? // Economy and management: problems, decisions. 2015. V. 2. N 9. P. 3–8. (In rus)
13. Sovetov P.M., Fedorkov A.I., Kabichkin S.E. Methodological aspects of assessment of a state and use of the human capital // Economic and social changes: facts, tendencies, forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2012. N 2 (20). P. 104–114. (In rus)

14. Starkova N. O., Rzun I. G., Konovalova S. Yu. Dynamic and structure of the salary in the Russian Federation // Economy and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2015. N 8–1 (61). P. 834–838. (In rus)
15. Khodachek V. M. Competition of regions as mechanism of social and economic development: objectives and results // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 2. P. 140–151. (In rus)
16. Khodachek V. M. Macroeconomic instruments of regulation of branch and territorial proportions. SPb. : SZAGS publishing house, 2008. 164 p. (In rus)
17. Cheberko E. F. Tendencies of development of the social and economic relations in the conditions of aggravation of the global crisis phenomena // Current problems of management: management in regions in the conditions of the changing environment: materials of the Russian scientific and practical conference with the international participation. SPb., 2016. P. 35–37. (In rus)
18. Cheberko E. F., Vishnev M. R. The prospects of development of fuel and energy complex of Russia in the conditions of sanctions // Enterprise competence of development of the human capital of Russia: interuniversity collection of scientific works. SPb., 2016. P. 36–43. (In rus)
19. Chistobaev A. I. Management of development of the territory — the sphere of interests of authorities and business // Scientific works of North-West Institute of Management [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya]. 2014. V. 5. N 3. P. 194–198. (In rus)
20. Chistobaev A. I., Fedulova S. I. Spatial planning as tool of regional policy of Russia // Russia: tendencies and prospects of development: yearbook / ex. edition of V. I. Gerasimov. Moscow, 2017. P. 984–987. (In rus)

About the authors:

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Geography, Associate Professor; elsukovmy@mail.ru

Ravil R. Amirov, Master student of the Faculty of Economics and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); barsbold0607@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-101-108

Социопсихологические и гендерные факторы, повлиявшие на симпатии и антипатии избирателей к кандидатам в президенты Ю. Тимошенко и В. Януковича

(по материалам соцопроса в Харькове, Днепропетровске и городах Донбасса, 2010 г.)

Дегтярева О. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, olgaspb2008@mail.ru

РЕФЕРАТ

Одной из ключевых задач в рамках организации предвыборной кампании является определение ее стратегии. Избирательная стратегия — главный инструмент организации и проведения избирательной кампании. Это система скоординированных действий, направленных на изменение поведения избирателей и соперников в соответствии с целями кандидата. Характерной особенностью избирательных кампаний 2019 г. и 2010 г., по данным социологов Украины, является то, что они проходят в обстановке очень серьезного и постоянно растущего недоверия граждан к политической системе и политическим лидерам, ее олицетворяющим (в частности, лидера гонки Ю. Тимошенко). В условиях введения военного положения в 10 областях Украины, социологический опрос украинцев, проживающих вблизи зоны боевых действий, представляет особую ценность для понимания итогов президентской гонки 2019 г.

Ключевые слова: избирательная стратегия, предвыборная кампания, Украина, политическая реклама, электорат

Sociopsychological and Gender Factors Influenced the Likes and Dislikes of Voters Towards Presidential Candidates Y. Tymoshenko and V. Yanukovych (Based on the Survey Results in Kharkov, Dnepropetrovsk and Donbas Cities, 2010)

Olga V. Degtiareva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, olgaspb2008@mail.ru

ABSTRACT

One of the key tasks within the organization of the election campaign is to determine its strategy. Election strategy is the main tool for organizing and conducting an election campaign. This is a system of coordinated actions aimed at changing the behavior of voters and rivals in accordance with the goals of the candidate. A characteristic feature of the election campaigns of 2019 and 2010, according to the sociologists of Ukraine, is that they take place in an atmosphere of very serious and constantly growing people's distrust of the political system and political leaders, who personify it (in particular, race leader Y. Tymoshenko). In the context of the introduction of martial law in 10 regions of Ukraine, a sociological survey of Ukrainians living near the combat zone is of particular value for understanding the outcome of the 2019 presidential race.

Keywords: selective strategy, election campaign, Ukraine, political advertizing, electorate

Президентские выборы в Украине 2010 г. — не только важная часть общественной жизни, а и своеобразное увеличительное стекло, социокультурный вектор развития. В данном исследовании мы стремились определить факторы, которые оказали наи-

большее влияние на волеизъявление граждан, определили процентное соотношение поддержки каждого кандидата и отношение избирателей к выборам в целом.

Цель данного исследования — выявить факторы электоральных симпатий и антипатий избирателей на примере второго тура президентских выборов в Украине 2010 г. Определить социопсихологическую характеристику предвыборной компании, ее эффективность и погрешности. Перед собой мы ставили следующие задание:

- провести опрос избирателей разных возрастных и социальных групп. За кого Вы отдали свой голос? Что повлияло на Ваш выбор? Почему голосовали «против всех»? Почему не ходили на выборы?
- согласно результатам опроса составить сравнительные таблицы:
  1. Рейтинг факторов электоральных симпатий.
  2. Рейтинг факторов электоральных симпатий по кандидатам.
  3. Причины, по которым избиратели не поддержали ни одного кандидата.
  4. Факторы электоральных симпатий у граждан, имеющих/не имеющих высшее образование.
- выявить роль и влияние политической рекламы на ход предвыборной кампании и результаты президентских выборов в Украине 2010 г.;
- выделить основные требования к кандидатам со стороны избирателей, а также наиболее привлекательные качества кандидатов.

Объект исследования — избиратели (четыре категории: пенсионеры, студенты ПТУ, студенты вузов, люди среднего возраста) и результаты их опроса, на основании которых проводится дальнейшее исследование.

Предмет исследования: особенности психологического восприятия избирателями кандидатов, их предвыборных программ, политической рекламы, мотивации выбора кандидата избирателями, особенности электорального выбора разных социальных и возрастных групп.

Тема выборов для Украины особенно актуальна. У части электората она вызывает раздражение и негативные эмоции, часть относится с равнодушием, не вдается в подробности. Большая часть избирателей разочаровалась во власти. Некоторые избиратели если и идут на выборы, то истинной симпатии к кандидатам не имеют. За годы независимости граждане скопили столько невыполненных обещаний, что, избирая новую власть, даже не надеются на существенные изменения [1–9].

Молодое поколение, особенно люди без высшего образования, воспринимает выборы несерьезно и уверены, что за них все решили на высшем уровне. Часто они даже не владеют информацией о биографии и должностных назначениях кандидатов, не разбираются в политических терминах и тенденциях. Для них выборы — это фикция и «фэйк». Студенты вузов к выборам относятся серьезнее. Однако это еще поколение, которое не определилось в векторе своего движения. Они склонны к импульсивности и горячности. В разговоре с ними встречаются сомнения, неуверенность в своих решениях.

Для избирателей средних лет и пенсионеров выборы — это ответственная обязанность. В этом случае ощущается влияние СССР. Не все опрошенные нами граждане ходили на выборы, многие голосовали против всех. Но сам процесс выборов носил для них серьезный характер. Особенно это важно для пенсионеров. Они часто не доверяют кандидатам, но стремятся из двух зол выбрать меньшую. Их волнует судьба государства, они хотят лучшей власти, сильной политической воли.

Граждане средних лет проявили осведомленность и глубокое понимание в сфере политики. Они хорошо ориентировались в предвыборных программах кандидатов, в событиях украинской и международной политики. К выбору кандидата, за которого они хотели бы отдать свой голос, они подошли серьезно.

Интересно, что многие избиратели голосовали не за какого-то кандидата, а за его оппонента. То есть избиратели ориентировались не на определенные симпатии, а на антипатии, даже не задумываясь, кого тем самым приводят во власть. Непри-

язнь к определенным чертам и действиям кандидата оказывалась сильнее. Такие избиратели были категоричнее в своих решениях и суждениях.

Нами не выявлены принципиальные различия между избирателями с высшим образованием и без образования. Подход к выборам и приоритеты у них те же. Разница находится только в восприятии. Оказалось, что избиратели без высшего образования в целом относятся к выборам спокойнее. Электорат с высшим образованием воспринимает выборы как важную часть общественной жизни. Они стремятся быть в курсе последних событий, более эмоционально воспринимают политическую рекламу.

Во время предвыборной кампании 2009–2010 гг. граждане больше внимания уделяли телевизионным выступлениям кандидатов, дебатам и «грязным» предвыборным телевизионным роликам. Меньше внимания уделялось газетным материалам, исследованиям ведущих экспертов и политологов. В целом можно было наблюдать избыток политической информации, реципиент фильтровал ее, ограничивая доступ к источникам трансляции. После окончания первого тура выборов большая часть избирателей вздохнула с облегчением. Как выяснилось, политическая реклама сыграла далеко не решающую роль. Только малая часть избирателей указали этот фактор как один из решающих. Остальные игнорировали политическую рекламу. В чем же дело?

Эксперт Л. М. Хавкина отмечала, что «рекламные тексты помнят, но большая часть отмечает, что политическая реклама на них не повлияла. С другой стороны, существуют исследования, которые свидетельствуют о том, что около 70% тех избирателей, которые заявляли, что политическая реклама на них не повлияла, на самом деле оказались под ее влиянием, но этого не осознали». Другой аспект. Вся реклама кроме прагматичного (направленного на достижение цели) эффекта имеет еще и коммуникационный. То есть, благодаря наружной рекламе избиратели осознанно или неосознанно отмечали для себя какие кандидаты являются ведущими. Именно реклама помогает выделить главных конкурентов. Тех, кого видели в телевизионной рекламе и на билбордах, чаще слушали в соответствующих программах. Именно политическая реклама выступает первой ступенью, которая обеспечивает узнаваемость кандидатов, осознание кандидата как влиятельного или нет. Дальше реципиент искал подтверждения этому в политических выступлениях кандидатов, дебатах. Если говорить о президентских выборах 2010 г., то тут было много кандидатов и среди них не было четкого противостояния. Избиратели терялись среди интенсивной массы информации, поэтому влияние рекламы в этом случае было размытым. Естественно было противостояние между лидерами гонки Ю. Тимошенко и В. Януковичем, но этот фактор не был главным в их программах.

Наше исследование показало, что реклама В. Януковича запомнилась избирателям хуже, особенно студентам и людям среднего возраста. Это было частично связано с тем, что реклама была русскоязычная, а на синем фоне голубым цветом дублировалась надпись текста на украинском языке. Это была откровенная попытка обойти Закон о рекламе в Украине.

Политическая реклама Ю. Тимошенко запомнилась лучше. Особенно среди молодого поколения. Это было связано с музыкальным туром кандидата по городам Украины. В частности, запомнился слоган «Вона працює». Его пародировали, и обыгрывали конкуренты. Например, в рекламе других кандидатов можно было встретить фразу «Вона працює. На кого?». Так же была повестка в суд по причине того, что Ю. Тимошенко не имеет право использовать подобные фразы. После этого появился последний вариант: «Вона працює. Вона — це Україна». Это вызвало еще больший эффект.

В результате исследования было опрошено около 120 тыс. человек в Харькове, Днепропетровске, Новомосковском, Перещепине. Были заданы следующие вопросы: 1) за кого Вы отдали свой голос? 2) что повлияло на Ваш выбор? 3) Почему Вы голосовали «против всех» / почему Вы не ходили на выборы?

Интервью проводилось в форме свободной беседы, в непринужденных условиях. Результаты приводим в следующих таблицах.

Таблица 1 показывает, что на первом месте среди причин выбора того или иного кандидата — выбор в противовес другому кандидату, который неприятен избирателю. В этом случае избирают не лидера государства, а того, кто, по их мнению, не должен им стать.

В соответствии с предыдущим фактором избиратели Ю. Тимошенко отмечают также такие позитивные качества своего кандидата, как активность, деятельность, волевой стержень, разум, образованность. Не последнюю роль играл тот факт, что политика Ю. Тимошенко была направлена против олигархии, за сокращение внешнего долга государства, за активное развитие отношений с США и ЕС. При этом значительно меньше избиратели доверяют предыдущему опыту этого кандидата. Не главным фактором выступает проевропейская ориентация Юлии Владимировны. И меньше всего избирателей волнует ее внешность и имидж. В сравнении с другими факторами, медийный образ не является главным фактором в сравнении с другими.

Сторонники В. Януковича имеют большой уровень доверия к его предыдущему опыту нахождения в управленческом аппарате государства. Следующая группа факторов, которые повлияли на выбор в пользу этого кандидата, следующие: пророссийская ориентация, разум, осведомленность в своем деле, сильная политическая команда, происхождение (неосознанное доверие), внешний вид. Эта группа факторов на третьем месте, однако, имеет большое значение для избирателей. Согласно результатам опроса наименее рейтинговыми оказались: политическая реклама Виктора Федоровича, поддержка этого кандидата влиятельными лицами, его взаимосвязь с правительственным аппаратом на местах. У Ю. Тимошенко эти факторы не были выделены.

Из таблицы 2 мы видим следующее. Наибольший процент избирателей, которые не поддержали ни одного кандидата, — это граждане пенсионного возраста. Причины: недоверие к кандидатам, постоянное противостояние и скандалы кандидатов, допускали злоупотребление властью. На втором месте — студенты ПТУ. Причины те же. На третьем месте — студенты вузов. Они не доверяют кандидатам, так как их также не устраивает постоянное противостояние и конфликты между кандидатами. Люди среднего возраста не поддержали ни одного кандидата только по причине противостояния и конфликтов. Среди последней группы наименьший процент избирателей, которые проголосовали против всех.

Разница между категориями граждан, имеющих образование и не имеющих такового, наблюдается только в нескольких факторах. Люди с высшим образованием больше внимания уделяют образованности, осведомленности в своем деле, пророссийской ориентации Януковича, больше доверяют предыдущему опыту кандидата, нежели чем электорат без высшего образования. В противовес другому кандидату голосовало больше таких избирателей, которые имеют высшее образование. Граждане без высшего образования предоставили преимущество таким качествам, как активность, деятельность, волевой стержень кандидата, политика, которая направлена против олигархии. Эти категории избирателей не обратили внимания на такие факторы, как уменьшение внешнего долга во время пребывания кандидата у власти, про проевропейскую ориентацию, президент как достойное лицо страны и ее представитель. Однако именно избиратели без высшего образования подверглись наибольшему влиянию от политической рекламы.

Данные таблицы 4 указывают на то, что только одна возрастная категория не отдала свои голоса за В. Януковича в противовес Ю. Тимошенко. Это избиратели среднего возраста. Такие факторы, как влияние политической рекламы, поддержка кандидата влиятельными лицами, голосование по совету близкого родственника, установленные взаимоотношения с правительственным аппаратом на местах были выбраны наименьшим количеством избирателей всех возрастных категорий. Распространенными среди всех групп избирателей были такие причины: разум, образованность, осведомленность в своем деле кандидата и голосование в противовес другому кандидату.

Таблица 1

Рейтинг факторов электоральных симпатий по кандидатам
Table 1. The rating of factors of electoral sympathies on candidates

ВИКТОР ЯНУКОВИЧ	ЮЛИЯ ТИМОШЕНКО
1. В противовес Ю. Тимошенко	1. Активность, деятельность, волевой характер
2. Доверие к предыдущему опыту работы кандидата	2. Разум, образованность, осведомленность в своем деле
3. Пророссийская ориентация	3. В противовес В. Януковичу
4. Разум, образованность, осведомленность в своем деле	4. Политика, направленная против олигархии
5. Привлекательная внешность и имидж	5. Президент как достойное лицо страны
6. Сильная политическая команда	6. Сокращение внешнего долга во время премьерства
7. Происхождение «из народа»	7. Доверие предыдущему опыту работы кандидата
8. Вызывает доверие	8. Проевропейская ориентация
9. Влияние политической рекламы	9. Привлекательная внешность и мидж
10. Поддержка кандидата влиятельными лицами	
11. Налаженные отношения с правительственным аппаратом и властью на местах	
12. Голосовал по совету близкого человека/родственника	

Таблица 2

Причины, согласно которым избиратели не поддержали ни одного кандидата, %
Table 2. The reasons according to which voters did not support any candidate

Причина	Пенсионеры	Студенты ПТУ	Студенты вузов	Люди среднего возраста
Недоверие к кандидатам	16,67%	8,33%	8,33%	
Постоянное противостояние и конфликты кандидатов	16,67%	8,33%	16,68%	8,33%
Злоупотребления властью	8,33%	8,33%		

Характеристики избирателей согласно возрастным и социальным группам следующие. Самой ответственной, активной, политизированной и осведомленной частью избирателей оказались граждане пенсионного возраста. Не удивительно, ведь выборы в СССР традиционно носили праздничный характер. Эта установка осталась. Однако эти избиратели уже не надеются на компетентную власть. Многие из них закончили интервью следующими словами: «Вряд ли что-то изменится. Поживем — увидим». Активность и политизированность проявляется не в том, что они ответственно стояли в очереди на избирательных участках с 8 часов утра. Часть из них вообще не пошли на выборы. Некоторые по состоянию здоровья, большинство в знак протеста против бездеятельности и бесполезности органов власти. Однако, несмотря на это, они были не толерантны в своих высказываниях и поведении. Пенсионеры были осведомлены обо всех последних политических новостях, были информированы больше остальных категорий граждан. Для них были важны внешние данные кандидата, имидж, улыбка. Согласно внешним данным они делали выводы о деловых качествах кандидатов.

Таблица 3

Факторы электоральных симпатий у людей с наличием/отсутствием высшего образования, %

Table 3. Factors of electoral sympathies at people with existence/lack of the higher education

Фактор	Люди с высшим образованием	Люди без высшего образования
В противовес другому кандидату	16,25	6,25
Доверие предыдущему опыту работы кандидата	8,75	2,5
Пророссийская ориентация	5	1,25
Проевропейская ориентация	1,25	–
Разум, образованность, осведомленность в своем деле	11,25	7,5
Привлекательная внешность и имидж	2,5	2,5
Сильная политическая команда	2,5	–
Активность, деятельность, волевой стержень	5	7,5
Политика, направленная против олигархии	1,25	2,5
Президент как достойное лицо страны	2,5	–
Сокращение внешнего долга за время премьерства кандидата	2,5	–
Происхождение «из народа»	3,75	–
Вызывает доверие	2,5	–
Влияние политической рекламы	–	1,25
Поддержка кандидата влиятельными людьми	1,25	–
Налаженные отношения с правительственным аппаратом и властью на местах	1,25	–

Таблица 4

Рейтинг факторов электоральных симпатий, %

Table 4. Rating of factors of electoral sympathies

Фактор	Пенсионеры		Студенты ПТУ		Студенты вузов		Люди среднего возраста	
	Ю.Т.	В.Я.	Ю.Т.	В.Я.	Ю.Т.	В.Я.	Ю.Т.	В.Я.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
В противовес другому кандидату	2,46	1,23	1,23	2,46	3,69	6,335	4,92	–
Доверие предыдущему опыту работы кандидата	–	–	1,23	–	–	2,46	2,46	3,69
Пророссийская ориентация	–	1,23	–	–	–	1,23	–	3,69
Проевропейская ориентация	–	–	–	–	–	–	1,23	–
Разум, образованность, осведомленность в своем деле	1,23	1,23	1,23	3,69	4,92	–	4,92	1,23
Привлекательная внешность и имидж	1,23	3,69	–	–	–	–	–	–
Сильная политическая команда	–	–	–	–	–	2,46	–	1,23
Активность, деятельность, волевой стержень	2,46	–	6,34	–	–	–	3,69	–

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Политика, направленная против олигархии	–	–	3,69	–	1,23	–	–	–
Президент как достойное лицо страны	–	–	–	–	1,23	–	1,23	–
Сокращение внешнего долга за время премьерства кандидата	–	–	–	–	–	–	2,46	–
Происхождение «из народа»	–	2,46	–	1,23	–	–	–	–
Вызывает доверие	–	–	–	–	–	2,46	–	–
Влияние политической рекламы	–	–	–	1,23	–	–	–	–
Поддержка кандидата влиятельными людьми	–	–	–	–	–	–	–	1,23
Налаженные отношения с правительственным аппаратом и властью на местах	–	–	–	–	–	–	–	1,23
Голосовал так, как близкий человек/родственник	–	–	–	–	–	1,23	–	–

Люди среднего возраста во время опроса были спокойнее. Они также сомневались в том, что обещанные реформы будут реализованы. Однако для них было важно показать свое волеизъявление. Интересно, что только трое опрошенных проголосовали против всех кандидатов, и только один — не пошел на выборы. В других категориях равнодушных оказалось больше. Именно избирателями этой возрастной категории выделены следующие факторы: поддержка кандидата влиятельными лицами, налаженные отношения с представителями правительственного аппарата и властью на местах.

Студенты и выпускники ПТУ отнеслись к выборам менее ответственно. ОНи были слабо осведомлены о кандидатах, их политических программах, направлении политики и пр. Во время интервью наблюдалось равнодушие к теме выборов. Аргументирование носило поверхностный характер. Студенты вузов не полностью определились со своими политическими предпочтениями. Они стремились разобраться в политической жизни государства, принимали участие в акциях, однако были не уверены в своих предпочтениях. Некоторые говорили о влиянии на их выбор старшего поколения.

Таким образом, было проведено исследование причин электоральных симпатий и антипатий, проанализированы результаты опроса 120 респондентов, выявлены факторы, повлиявшие на выбор граждан, установлена роль политической рекламы в формировании политического сознания граждан и предвыборной компании кандидатов.

Актуальность исследования состоит в том, что полученные результаты позволяют определить психологию избирателей, факторы, влияющие на волеизъявление граждан Украины, проживающих в регионе, где введено военное положение.

Согласно полученным результатам можно сделать следующие выводы:

- электорат с каждым годом все больше теряет доверие к власти и кандидатам;
- избиратели не возлагают надежд на новую власть;
- выяснение личных отношений, постоянные конфликты между кандидатами являются раздражающим фактором;
- политическая реклама — первый шаг для узнаваемости кандидата, определение его рейтинга влияния;
- наличие или отсутствие высшего образования не дает значительного расхождения во взглядах и формировании политической мысли;

- отмечается избыток однотипной политической информации;
- большая часть опрошенных избирателей не подтверждает влияние политической рекламы как основополагающий фактор, однако 70% из них подверглись ее влиянию подсознательно;
- лица пенсионного и среднего возраста придавали процессу выборов более серьезное значение, чем молодежь;
- избиратели ориентировались на легкодоступные источники информации: новости, дебаты, телевизионную политическую рекламу и программы, пиар-технологии. Практически не уделялось внимание экспертному заключению;
- политическая агитация вызывала недовольство кандидатами и выборами вообще.

Литература

1. *Аксенов А., Гужва И.* Дети газа и стали // Эксперт. 2004. № 38. С. 56–66.
2. *Ачкасова В. А.* Связи с правительством (GR) как фактор устойчивости // Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия: коллективная монография / под ред. д. п. н., проф. Л. Е. Ильичевой. М. : ИНЭК, 2010.
3. *Бунтовский С.* Самоидентификация Донбасса // Проблемы региональной идентичности Донбасса. Донецк, 2011.
4. *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Психология массовой коммуникации. М. : Юрайт, 2015. 502 с.
5. *Гельман В. Я.* Украина: фрагментированное пространство. СПб. : Экономическая школа, 2007.
6. *Костенко Н.* Публичные императивы медиа: время выборов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 213–221.
7. *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России: монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отд. полит. науки. М., 2013. 421 с.
8. *«Джинсова»* свобода. Роль медіа у парламентській виборчій кампанії–2006 // Збірка статей «Телекритики». К. : Вістка, 2006. 224 с.
9. *Motyl A.* The Conceptual President: Leonid Kravchuk and the Politics of Surrealism / Colton T. Patterns in Post-Soviet Leadership. Boulder, 1995. P. 103–121.

Об авторе:

Дегтярёва Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук; olgaspb2008@mail.ru

References

1. Aksenov A., Guzhva I. Children of gas and steel // Expert. 2004. No. 38. P. 56–66. (In rus)
2. Achkasova V. A. CGovernment Relations (GR) as stability factor // State, business, society: interaction optimization problems: the collective monograph / under the editorship of the prof. L. E. Ilyicheva. M. : INEC, 2010. (In rus)
3. Buntovsky S. Self-identification of Donbass // Problems of regional identity of Donbass. Donetsk, 2011. (In rus)
4. Vinogradova S. M., Melnik G. S. Psychology of mass communication. M. : Urait, 2015. 502 p. (In rus)
5. Gelman V. Ya. Ukraine: the fragmented space. SPb. : Economic school, 2007. (In rus)
6. Kostenko N. Public imperatives of media: time of elections // Sociology: theory, methods, marketing [Sociologiya: teoriya, metody, marketing.]. 2006. No. 3. P. 213–221. (In rus)
7. Malinova O. Yu. Designing of meanings: a research of symbolical policy in modern Russia: monograph / RAS. INION. Center of social scientific and information researches. Department if political sciences. M., 2013. 421 p. (In rus)
8. Denim freedom. A role of a media at Parliament election campaign–2006 // Collectoin of articles “Telecritics”. K. : News, 2006. 224 p. (In ukr)
9. Motyl A. The Conceptual President: Leonid Kravchuk and the Politics of Surrealism / Colton T. Patterns in Post-Soviet Leadership. Boulder, 1995. P. 103–121.

About the author:

Olga V. Degtiareva, Senior lector of the Chair of of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology; olgaspb2008@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-109-118

Модель и метод календарного планирования логистических процессов перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса

Родионова Е. С.[1, *], *Сауренко Т. Н.*[2], *Анисимов В. Г.*[3], *Анисимов Е. Г.*[2]

[1]Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *wart1983@mail.ru
[2]Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[3]Санкт-Петербургский государственный технический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Разработаны модель и метод формирования оптимальных календарных планов организации логистических процессов функционирования перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса (АПК). Модель основана на представлении процедуры формирования оптимального календарного плана в виде задачи дискретного программирования. В основу метода оптимизации положена процедура ветвей и границ. Предлагаемые модель и метод являются базой для создания конкретных методик формирования оптимальных календарных планов организации логистических процессов функционирования предприятий АПК.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, предприятие, календарный план, оптимизация, модель, метод

Model and Method of Calendar Planning of Logistic Processes of Enterprises of Agricultural Complex

Evgenia S. Rodionova[a,*], *Tatyana N. Saurenko*[b], *Vladimir G. Anisimov*[c], *Evgeny G. Anisimov*[b]

[a]Saint-Petersburg named by V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy, Saint-Petersburg, Russian Federation; *wart1983@mail.ru
[b]Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
[c]Saint-Petersburg State Technical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

A model and method for the formation of optimal calendar plans for the organization of logistics processes for the functioning of enterprises of the agro-industrial complex have been developed. The model is based on the presentation of the procedure for the formation of an optimal calendar plan in the form of a discrete programming problem. The optimization method is based on the procedure of branches and boundaries. The proposed model and method are the basis for creating specific methods for the formation of optimal calendar plans for the organization of logistical processes of the functioning of the agro industrial complex.

Keywords: agro-industrial complex, enterprise, the schedule optimization, model, method

Особенностью функционирования существенной доли перерабатывающих предприятий АПК является то, что они удалены от источников сырья, энергии и потребителей конечной продукции. При этом существенная доля их продукции имеет ограниченные сроки годности. Это обусловливает необходимость согласования по времени логистических процессов производства, хранения и реализации продукции. Территориальная разнесенность и сложность логистической системы указанных предприятий, а также существенные издержки, обусловленные несогласованностью процессов производства, хранения и доведения продукции до потребителей, приводят к тому, что решения по согласованию логистических процессов их функционирования долж-

ны опираться не только на опыт и интуицию, но и на объективные обоснования. Инструментом объективного обоснования этих решений могут быть соответствующие математические модели и методы [2–8].

Широкий класс задач формирования вариантов рассматриваемых решений может быть формализован в виде модели календарного планирования при ограничениях на привлекаемые для выполнения логистических операций возобновляемые и невозобновляемые ресурсы. Под возобновляемыми ресурсами (исполнителями) при этом понимаются транспортные средства, привлекаемые работники, погрузочно-разгрузочное оборудование и тому подобное. К невозобновляемым относятся финансовые, энергетические, топливные и другие подобные ресурсы. Разработка такой модели и метода формирования оптимального календарного плана логистических процессов в АПК является целью статьи.

При построении модели состав и взаимосвязь логистических операций, отражающих соответствующие логистические процессы функционирования АПК, целесообразно отображать в виде сети:

$$Q = \{(i, j)\},\ i, j = 0, 1, 2, \ldots, m,\ i < j, \tag{1}$$

где i, j — номера узлов сети; $(m + 1)$ — количество узлов.

Каждой логистической операции в сети (1) ставится в соответствие дуга (i, j), соединяющая i-й и j-й узлы. Узел $i = 0$ соответствует событию начала выполнения комплекса логистических операций, представленного сетью (1). Узлы $i = 0, 1, 2, \ldots, m$ соответствуют событиям, состоящим в завершении всех логистических операций, описываемых входящими в каждый из них дугами. Общее количество операций (дуг) равно N.

Каждая логистическая операция (i, j) характеризуется необходимым количеством $n(i, j)$ возобновляемых ресурсов и продолжительностью $\tau(i, j)$.

Последовательность операций подчиняется логистическому правилу: операция, соответствующая выходящей из любого узла дуге, не может быть начата до завершения всех операций, соответствующих дугам, входящим в этот узел.

Множество исполнителей, привлекаемых к выполнению комплекса логистических операций, обозначим $R = \{1, 2, \ldots, k, \ldots, K\}$, где k — условный порядковый номер (идентификатор) исполнителя, K — количество исполнителей. Взаимозаменяемость исполнителей в формализованном виде представим матрицей:

$$\Delta = \|\delta_k(i, j)\|,\ k = 1, 2, \ldots, K,\ (i, j) \in Q, \tag{2}$$

где $\delta_k(i, j) = \begin{cases} 1, \text{ если } k\text{-й исполнитель может привлекаться к } (i, j) \text{ операции,} \\ 0 \text{ — в противном случае.} \end{cases}$ (3)

Затраты невозобновляемых ресурсов, связанные с привлечением исполнителей к выполнению логистических операций, представим в виде компонент вектора:

$$Z = \|z_k(i, j)\|,\ k = 1, 2, \ldots, K,\ (i, j) \in Q, \tag{4}$$

где $z_k(i, j)$ — затраты на привлечение k-го исполнителя к выполнению (i, j)-й операции в течение единицы времени.

Календарный план выполнения комплекса логистических операций определяется множеством

$$G = \{X_G(i, j),\ r_G(i, j) | (i, j) \in Q,\ r_G(i, j) \subset R\}, \tag{5}$$

где $X_G(i, j)$ — определяемый планом G момент времени, соответствующий началу (i, j)-й операции; $r_G(i, j)$ — множество исполнителей, привлекаемых к выполнению (i, j)-й логистической операции в соответствии с планом G.

Будем полагать, что прерывание каждой начатой операции $(i, j) \in Q$ не допускается, и состав $r_G(i, j)$ выделенных исполнителей не изменяется.

С учетом принятых обозначений, затраты $\Omega_Y(i, j)$ на выполнение операции (i, j) при реализации плана G определяются соотношением

$$\Omega_G(i,j) = \sum_{k \in r_G(i,j)} z_k(i,j)\tau(i,j). \tag{6}$$

Обозначим через Q_L множество всех путей сети (1), связывающих ее начальную и конечную вершины.

Время выполнения всего комплекса логистических операций при реализации плана (5) будет равно максимальной продолжительности T_L пути $L \in Q_L$ из начальной вершины $i = 0$ сети (1) в конечную $j = m$.

С учетом принятых обозначений модель формирования оптимального календарного плана (5) выполнения комплекса логистических операций (1) при ограничениях на количество исполнителей, их взаимозаменяемость и затраты на привлечение, может быть представлена следующей моделью дискретного программирования:

- определить календарный план

$$G^* = \left\{ X_G^*(i,j), r_G^*(i,j) \middle| (i,j) \in Q, r_G(i,j) \subseteq R \right\} \tag{7}$$

выполнения комплекса (1) логистических операций, обеспечивающий соблюдение условия

$$T^* = T(G^*) = \min_G \max_{L \in Q_L} T_L(G) \tag{8}$$

- при ограничениях

$$X_G(i,j) \geq \max_{l,i} \left\{ X_G(l,i) + \tau(l,i) \right\}, \quad (i,j) \in Q; \tag{9}$$

$$\sum_{(i,j) \in r_G(i,j)} \delta_k(i,j) = n(i,j); \tag{10}$$

$$\sum_{(i,j) \in F_G(t)} n(i,j) \leq K; \tag{11}$$

$$\sum_{k=1}^{K} \delta_k(i,j) \geq n(i,j); \tag{12}$$

$$\sum_{(i,j) \in Q} \Omega_G(i,j) \leq \Omega^*, \tag{13}$$

где $F_G = (t)$ — множество логистических операций комплекса (1), выполняемых в каждый момент времени t при реализации плана G; Ω^* — максимально допустимые затраты невосполняемых ресурсов при выполнении комплекса логистических операций сети (1).

В задаче (7)–(13) условие (8) формализует стремление минимизировать время выполнения комплекса логистических операций. Ограничение (9) отражает логи-

стическое правило, состоящее в том, что операции, выходящие из любого узла сети (1), могут начинаться только после завершения всех операций, входящих в этот узел. Ограничение (10) формализует требование выделения на каждую операцию установленного количества исполнителей. Ограничение (11) отражает естественное условие, состоящее в том, что количество исполнителей, одновременно привлекаемых к выполнению логистических операций, не может превышать их общего количества. Ограничение (12) формализует требование, состоящее в том, что количество и взаимозаменяемость исполнителей должны обеспечивать возможность выполнения каждой логистической операции сети (1). Ограничение (13) означает, что общие затраты невозобновляемых ресурсов при выполнении комплекса логистических операций сети (1) не могут превышать допустимого уровня.

Модель (7)–(13) относится к нелинейным моделям распределения дискретных неоднородных ресурсов на произвольной сети. Она является NP — сложной задачей дискретного программирования [10; 13]. Точные методы решения некоторых задач такого класса впервые предложены в [1; 9; 11; 12]. Однако при этом учитывались только возобновляемые ресурсы. Вместе с тем при формировании планов реализации реальных логистических процессов функционирования предприятий АПК, наряду с возобновляемыми, необходимо учитывать и необходимые невозобновляемые ресурсы. Ограниченность этих ресурсов формально отражает соотношение (13). Его введение приводит к необходимости соответствующей модернизации метода, предложенного в [1].

Для существования оптимального календарного плана в модели (7)–(13) необходимо и достаточно, чтобы:

а) состав и взаимозаменяемость исполнителей обеспечивали возможность выполнения всего комплекса логистических операций сети (1);

б) уровень Ω^* допустимых затрат невозобновляемых ресурсов позволял выполнить комплекс логистических операций сети (1).

В формализованном виде выполнение первого из этих требований заключается в выполнении ограничения (12). Оно означает, что в составе возобновляемых ресурсов имеются специалисты, транспортные средства, погрузочно-разгрузочное оборудование и т. п., позволяющие выполнить любую логистическую операцию сети (1).

Проверка выполнения второго требования основана на использовании множества

$$R^* = \{r_q(i, j) | (i, j) \in Q, q = 1, 2, \ldots\} \tag{14}$$

всех возможных вариантов привлечения возобновляемых ресурсов, необходимых для выполнения соответствующих логистических операций. С этим множеством связано множество

$$\Omega = \{\Omega^q(i, j), q = 1, 2, \ldots, (i, j) \in Q\} \tag{15}$$

затрат $\Omega^q(i, j)$ на выполнение логистических операций при соответствующих вариантах привлечения возобновляемых ресурсов. Элементы множества (15) определяются соотношением

$$\Omega^q(i, j) = \tau(i, j) \sum_{k \in r^q(i, j)} z_k(i, j). \tag{16}$$

С учетом (16) второе из требований, обеспечивающих существование оптимального календарного плана в модели (7)–(13), в формализованном виде представляется соотношением

$$\sum \min_q \Omega^q(i, j) \le \Omega^*, \quad q = 1, 2, \ldots . \tag{17}$$

Проверку выполнимости условий (12) и (17) целесообразно проводить еще до начала процедуры поиска оптимального календарного плана в модели (7)–(13). Если они не выполняются, то такой план не существует. Если же они выполняются, то формирование оптимального календарного плана выполнения логистических операций сети (1) может быть реализовано.

Это формирование опирается на следующие построения:

а) представление множества $V = \{S\}$ допустимых по ограничениям фрагментов S логистического плана G в виде дерева подмножеств (ветвление);

б) вычисление для ветвей дерева (выделенных подмножеств) нижней границы целевой функции (8);

в) поиск допустимых вариантов календарного плана;

г) проверка этих вариантов на оптимальность.

Особенность рассматриваемого в настоящей работе метода состоит в необходимости учета на каждом шаге ветвления дополнительного условия (13). Если оно нарушается, то дальнейшее продолжение рассматриваемой ветви дерева вариантов не представляется возможным и осуществляется переход к новой ветви.

Алгоритм метода оптимизации строится на основе дихотомической схемы ветвления дерева вариантов. При его реализации каждая вершина v_s S-й ветви дерева представляет собой элемент календарного плана выполнения логистических операций. Причем, если соответствующая этому элементу операция (i, j) начинается в момент времени $X_S(i, j)$ при $r_S(i, j)$-м варианте назначения возобновляемых ресурсов, то полагаем

$$v_S = \{X_S(i, j),\ r_S(i, j)\}. \tag{18}$$

Если же операция (i, j) не начинается в момент времени $X_S(i, j)$ при $r_S(i, j)$-м варианте их назначения, то полагаем

$$v_S = \varnothing. \tag{19}$$

Для каждой ветви дерева вариантов $S \in V$ величины $X_S(i, j)$, $(i, j) \in G$, (моменты начала операций) должны выбираться из соответствующей этой ветви возрастающей последовательности

$$t_S = \left\{t_S^n\right\}, \quad n = 1,\ 2,\ \ldots .$$

При этом $t_S^1 = 0$, а последующие моменты t_S^n, $n = 2, 3, \ldots$ определяются на основе соотношения

$$t_s^n = \min_{(i,j)\in F\left(t_s^{n-1}\right)} \left\{X_s(i,j) + \tau(i,j)\right\}, \tag{20}$$

где $F_S\left(t_S^{n-1}\right)$ — множество логистических операций (i, j), ранее включенных в S-ю ветвь дерева вариантов и незавершенных к моменту времени t_S^{n-1}, т. е.

$$F_S\left(t_S^{n-1}\right) = \left\{(i,j) \,\middle|\, (i,j)\in G,\ X_S(i,j) \le t_S^{n-1} \le X_S(i,j) + \tau(i,j)\right\}. \tag{21}$$

Таким образом, переменные t_S представляют моменты времени, в которые завершаются логистические операции, включенные в очередную ветвь дерева, и высвобождаются соответствующие возобновляемые ресурсы.

Условие $t_S^1 = 0$ означает, что все варианты календарного плана начинаются в момент времени $t = 0$.

Можно утверждать, что назначение сроков начала операций с нарушением последовательностей моментов времени t_s не позволяет сократить общее время выполнения рассматриваемого комплекса логистических операций сети (1).

Действительно, для любого плана G, содержащего фрагмент S, ранний срок начала любой операции $(i, j) \in S$ по определению принадлежит последовательности моментов времени t_s. Следовательно, и поздние сроки начала операций, лежащих на критических для плана G путях, также принадлежат этой последовательности. Для логистических операций, не относящихся к критическим путям, возможны вариации сроков их начала в пределах соответствующих резервов времени. При этом, поскольку границы этих резервов также принадлежат рассматриваемой последовательности, вариации внутри границ не изменят общее время выполнения комплекса логистических операций. Следовательно, сроки начала и окончания операций оптимального по критерию (8) календарного плана выполнения логистических операций (7) должны принадлежать последовательности t_s, соответствующей этому плану.

С целью реализации дихотомической схемы ветвления дерева вариантов введем в рассмотрение связанное с (14) множество

$$D = \{d_q | q = 1,\ 2,\ \ldots\}, \tag{22}$$

в котором $d_q = 1$, если для выполнения (i, j)-й операции используется вариант $r^q(i, j)$ назначения ресурсов, или $d_q = 0$ в противном случае.

В этом случае порядковый номер q элемента $d_q = 1$ в множестве D характеризует выполняемую логистическую операцию, вариант назначения возобновляемых и затраты невозобновляемых ресурсов.

С учетом (22) ветвление дерева вариантов в интересах составления оптимального плана (7) состоит в выборе для каждого очередного момента t_S^n допустимых переменных $d_q \in D$ и установлении их значений, т. е. имеет место соотношение (18) $\left(\nu_S = \left\{t_S^n,\ d_q = 1\right\}\right)$, если соответствующая переменной d_q логистическая операция $(i, j) \in G$ начинается в момент времени $X_S(i,j) = t_S^n$ при $r^q(i, j)$-м варианте назначения ресурсов, или (19) $\left(\nu_S = \left\{t_S^n, d_q = 0\right\}\right)$, если указанная операция при рассматриваемом варианте назначения ресурсов в момент t_S^n не начинается.

Множество P_S^n элементов $d_q \in D$, которые могут включаться в S-й фрагмент календарного плана (7) в момент времени t_S^n, содержит переменные $d_q \in D$, соответствующие не включенным ранее в рассматриваемую ветвь S логистическим операциям $(i, j) \in G$, удовлетворяющие условиям:

$$X(l,i) + \tau(l,i) \le t_S^n,\ (l,i) \in G\,; \tag{23}$$

$$r^q(i,j) \subseteq R_S^n\,; \tag{24}$$

$$\Omega^* - \sum_{d_m \in D_S\left(t_S^{n-1}\right)} d_m \Omega_m + \Omega_q \ge 0, \quad q = 1, 2, \ldots, \tag{25}$$

где R_S^n — множество незадействованных ресурсов для фрагмента S календарного плана в момент времени t_S^n; $D_s\left(t_S^{n-1}\right)$ — множество переменных d_q, включенных в ветвь S дерева вариантов к моменту времени t_S^{n-1}.

Условие (23) выделяет логистические операции, для которых к моменту t_S^n выполнены все предшествующие. Условие (24) выделяет операции, для которых имеются необходимые возобновляемые ресурсы. Условие (25) — выделяет операции, обеспеченные оставшимися невозобновляемыми ресурсами.

В качестве оценки W_S значения нижней границы для целевой функции (8) в каждом фрагменте S календарного плана целесообразно принять максимальную длительность пути из начальной вершины логистической сети Q в конечную, опреде-

ляемую без учета ограничений (11), (13) для операций, не включенных в S. При этом если на очередном шаге ветвления, соответствующем моменту t_s^n, устанавливается $d_q = 1$, то для определения $W_S(d_q = 1)$ полагается следующее:

а) логистические операции $(l, i) \in Q$, ранее вошедшие в S-й фрагмент плана (т. е. операции, для которых $x_S(l, i) < t_S n$, начинаются в соответствующие моменты $x_S(l, i)$ и завершаются в моменты $x_S(l, i) + \tau(l, i)$;

б) для логистической операции $(l, i) \in Q$, соответствующей переменной $d_q = P_S^n$, включаемой на рассматриваемом шаге ветвления в S-ю ветвь дерева вариантов — $X_S(i, j) = t_S^n$;

в) для операций $(e, h) \in Q$, соответствующих переменным $d_u \in P_S^n$, $u \neq q$, которые по ограничению (9) в момент t_S^n не могут быть включены в календарный план одновременно с (l, i), время начала равно t_S^{n+1}, а длительность определяется соотношением $t_S^{n+1} + \tau(e, h)$.

Если же на рассматриваемом шаге ветвления устанавливается $d_q = 0$, то для определения $W_S(d_q = 0)$ дополнительно полагается следующее:

а) логистические операции $(l, i) \in Q$, ранее вошедшие в S-й фрагмент календарного плана (т. е. операции, для которых $X_S(l, i) < t_S^n$), начинаются в соответствующие моменты $X_S(l, i)$ и завершаются в моменты $X_S(l, i) + \tau(l, i)$;

б) операция (i, j), соответствующая переменной $d_q \in P_S^n$, начинается в момент времени t_S^{n+1} и завершается в момент $t_S^{n+1} + \tau(l, i)$;

в) остальные операции $(e, h) \in G$, соответствующие переменным $d_u \in P_S^n$, $u \neq q$, начинаются в момент t_S^n и завершаются в моменты $t_S^n + \tau\ (e, h)$.

Сходимость метода оптимизации существенно зависит от способа выбора очередной логистической операции и варианта назначения для нее возобновляемых ресурсов. Формально способ состоит в выборе переменных $d_q \in P_s^n$ включаемых в S-ю ветвь дерева вариантов в момент времени t_s^n. В предлагаемом методе оптимизации выбор переменной d_q на очередном шаге ветвления осуществляется в два этапа. На первом этапе выбирается логистическая операция, а на втором — вариант назначения ресурсов. Правило выбора очередной операции задается следующей последовательностью предпочтений:

$$\min T_j^{(n)} \to \max \tau(i, j) \to \min i \to \min j,$$

т. е. первой в план включается операция с меньшим поздним сроком окончания $T_j^{(n)}$. Если же таких операций несколько, то из них выбирается операция максимальной длительности. Если и таких операций несколько — то операция с наименьшими номерами i, j. Поздние сроки окончания при этом определяются с учетом рассматриваемого фрагмента S календарного плана.

Вариант $r(i, j)$ назначения возобновляемых ресурсов для выбранной работы (i, j) определяется из условия минимума величины

$$\sum_{k \in r(i, j)} \sum_{(l, h) \notin S} \delta_k(l, h),$$

т. е. назначаются наименее универсальные для оставшихся операций $(l, h) \notin S$ ресурсы.

Выбранная таким образом логистическая операция (i, j) и вариант $r(i, j)$ назначения возобновляемых ресурсов однозначно определяют очередную переменную $d_q \in P_S^n$, включаемую в S-ю ветвь дерева вариантов календарного плана в момент t_s^n.

Последовательность анализа ветвей дерева организуется по правилу «иди вправо». При этом в случае автоматизированной обработки данных и решения задачи в памяти ЭВМ достаточно хранить только текущий фрагмент плана, наименьшее значение целевой функции из полученных ранее и соответствующий ему допустимый вариант плана.

Рассмотренный способ выбора логистических операций и возобновляемых ресурсов в сочетании с указанным правилом составляет приближенный алгоритм построения календарного плана, позволяющий получить первый допустимый план для модели (7)–(13). Число шагов этого алгоритма равно количеству N логистических операций в сети (1).

Каждая анализируемая ветвь S заканчивается, если в нее вошли все N логистических операций, т. е. получен очередной допустимый календарный план G, или если

$$W_s \geq T^0(1 - \mu),\ 0 \leq \mu \leq 1, \tag{26}$$

где T^0 — наименьшее значение (рекорд) целевой функции для полученных ранее допустимых календарных планов; μ — задаваемое допустимое отклонение целевой функции от оптимального, определяющее требуемую точность оптимизации.

Выполнение условия (26) означает, что на рассматриваемой ветви дерева вариантов улучшить ранее полученный наилучший результат («рекорд») более чем на $100\mu\%$ нельзя и ее продолжение в рамках заданной точности оптимизации не имеет смысла.

Анализ вариантов плана заканчивается, если условие (26) выполняется для всех оставшихся ветвей дерева вариантов. При установленном правиле просмотра ветвей, выполнению этого условия соответствует второй возврат в корневую вершину дерева. Последний рекорд при этом является искомым значением целевой функции (8), а соответствующий ему допустимый план выполнения комплекса логистических операций сети (1) — оптимальным календарным планом G^*.

В целом предлагаемые модель и метод обеспечивают возможность получения как точного, так и приближенных решений. Они могут быть сравнительно просто интегрированы в конкретные системы поддержки принятия решений, поскольку требования к показателю эффективности и ограничения модели (7)–(13) носят достаточно общий характер, что позволяет создавать на их основе большой спектр конкретных методик формирования оптимальных календарных планов организации логистических процессов функционирования рассматриваемых нами перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса.

Литература

1. *Алгоритм* ветвей и границ для одного класса задач теории расписаний / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов // Журнал вычислительной математики и математической физики. 1992. Т. 32. № 12. С. 2000–2005.
2. *Математические* модели и методы управления инновационными проектами / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов, Д. Б. Босов. М. : Aegis-Print, 2009. 188 с.
3. *Методы* и модели оптимизации в управлении развитием сложных технических систем / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов [и др.]. СПб. : Политехника, 2004. 279 с.
4. *Многоуровневая* задача стандартизации технических комплексов / В. М. Крикун, С. А. Васильковский // Стандарты и качество. 1992. № 1. С. 30–32.
5. *Модели* распределения средств поражения в динамике боя / О. Г. Алексеев [и др.]. Ленинград : Министерство обороны СССР, 1989. 109 с.
6. *Моделирование* оптимизационных задач поддержки принятия решений в инновационном менеджменте / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов, В. Е. Новиков, В. А. Останин // Вестник Российской таможенной академии. 2016. № 1 (34). С. 90–98.
7. *Модель* для формирования оптимальных адаптивных решений при планировании инвестиционных процессов / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов, Т. Н. Сауренко // Экономика и предпринимательство. 2013. № 10 (39). С. 640–642.
8. *Модель* поддержки принятия решений при формировании инновационной стратегии предприятия / Е. Г. Анисимов, В. Г. Анисимов, С. Л. Блау, В. Е. Новиков, А. В. Тебекин // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 3. С. 53–59.

9. *Оптимизационная* модель распределения возобновляемых ресурсов при управлении экономическими системами / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов // Вестник Российской таможенной академии. 2007. № 1. С. 49–54.
10. *Применение* цепей Маркова к оценке вычислительной сложности симплексного метода / А. О. Алексеев [и др.] // Известия Академии наук СССР. Техническая кибернетика. 1988. № 3. С. 59–63.
11. *Сетевые* модели и методы ресурсно-временной оптимизации в управлении инновационными проектами / В. Г. Анисимов, Е. Г. Анисимов, Д. Б. Босов. М. : МПГУ, 2006. 117 с.
12. *A resource-and-time* method to optimize the performance of several interrelated operations / V. Anisimov, E. Anisimov, M. Sonkin // International Journal of Applied Engineering Research. 2015. Т. 10. N 17. С. 38127–38132.
13. *The* model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, T. N. Saurenko, M. A. Sonkin // Journal of Physics: Conference Series. 2017. Т. 803. N 1. С. 012006.

Об авторах:

Родионова Евгения Сергеевна, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; wart1983@mail.ru

Сауренко Татьяна Николаевна, заведующий кафедрой таможенного дела Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Tanya@saurenko.ru

Анисимов Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджменте Санкт-Петербургского государственного технического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор; an-33@yandex.ru

Анисимов Евгений Георгиевич, профессор кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация), доктор технических наук, доктор военных наук, профессор; an-33@rambler.ru

References

1. An algorithm of branches and borders for one class of tasks of the theory of schedules / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov // Journal of calculus mathematics and mathematical physics [Zhurnal vychislitel'noi matematiki i matematicheskoi fiziki]. 1992. V. 32. N 12. P. 2000–2005. (In rus)
2. Mathematical models and methods of management of innovative projects / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, D. B. Bosov. M. : Aegis-Print, 2009. 188 p. (In rus)
3. Methods and models of optimization in management of complex technical systems development / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov [etc.]. SPb. : Polyticnique, 2004. 279 p. (In rus)
4. Multilevel problem of standardization of technical complexes / V. M. Krikun, S. A. Vasilkovsky // Standards and quality [Standarty i kachestvo]. 1992. N 1. P. 30–32. (In rus)
5. Distribution models of weapons of destruction in dynamics of fight / O. G. Alekseev [etc.]. Leningrad : Ministry of Defence USSR, 1989. 109 p. (In rus)
6. Modeling Optimization Tasks to Support Decision-Making Process in Innovation Management / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, V. E. Novikov, V. A. Ostanin // The Russian Customs Academy Messenger [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2016. N 1 (34). P. 90–98. (In rus)
7. Model for formation of optimal adaptive solutions when planning investment processes / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, T. N. Saurenko // Economy and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2013. N 10 (39). P. 640–642. (In rus)
8. Model of support of decision-making when forming innovative strategy of the enterprise / E. G. Anisimov, V. G. Anisimov, S. L. Blau, V. E. Novikov, A. V. Tebekin // Rural economics of Russia [Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii]. 2016. N 3. P. 53–59. (In rus)
9. An optimizing distribution model of renewable resources at management of economic systems / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov // The Russian Customs Academy Messenger [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2007. N 1. P. 49–54. (In rus)
10. Application of Markov chains to assessment of computing complexity of a simplex method / A. O. Alekseev [etc.] // News of Academy of Sciences of the USSR. Technical cybernetics [Izvestiya Akademii nauk SSSR. Tekhnicheskaya kibernetika]. 1988. N 3. P. 59–63. (In rus)

11. Network models and methods of resource and time optimization in management of innovative projects / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, D. B. Bosov. M. : MSPU, 2006. 117 p. (In rus)
12. A resource-and-time method to optimize the performance of several interrelated operations / V. Anisimov, E. Anisimov, M. Sonkin // International Journal of Applied Engineering Research. 2015. T. 10. N 17. C. 38127–38132.
13. The model and the planning method of volume and variety assessment of innovative products in an industrial enterprise / V. G. Anisimov, E. G. Anisimov, T. N. Saurenko, M. A. Sonkin // Journal of Physics: Conference Series. 2017. T. 803. N 1. C. 012006.

About the authors:

Evgenia S. Rodionova, Associate Professor of the Chair of International Economic Relations of Saint-Petersburg named by V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; wart1983@mail.ru

Tatyana N. Saurenko, Head of the Chair of Customs Affairs of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); Tanya@saurenko.ru

Vladimir G. Anisimov, Professor of the Chair of Information Systems In Economy and Management of Saint-Petersburg State Technical University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Engineering), Professor; an-33@yandex.ru

Evgeny G. Anisimov, Professor of the Chair of Customs Affairs of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Engineering, Military Sciences), Professor; an-33@rambler.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-119-131

Факторы инвестиционной привлекательности регионов России

Щербакова Д. В.[1], *Медведь А. А.*[2, *]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

[2]Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *annmedved@mail.ru

РЕФЕРАТ

Национальный и международный капитал ищет благоприятные условия для сохранения и преумножения, соответственно, институциональные факторы инвестиционной привлекательности регионов России имеют определяющее значение для обеспечения его привлечения. Постепенно наблюдается тенденция ухода от формально-финансовых оценок инвестиционных проектов в пользу более глубокого институционально-экономического анализа. В связи с этим возрастает роль информационно-аналитических агентств, специализирующихся на определении уровня инвестиционной привлекательности стран и регионов.

Цель. В статье поставлена цель проанализировать факторы инвестиционной привлекательности регионов РФ для выявления причин недостаточности капиталовложений, также авторы оценивают динамику институциональных факторов инвестиционной привлекательности российских регионов и предлагают рекомендации по улучшению ситуации.

Методы. За основу анализа были взяты рейтинги, разработанные компанией Эксперт РА как наиболее авторитетной в этой сфере организации российской юрисдикции. Используются методы анализа данных, логический метод, метод агрегирования.

Результаты. В результате проведенного исследования выяснилось, что в экономике России наблюдается существенный разрыв регионов по показателю инвестиционной активности, что противоречит принципу единого экономического пространства страны. При этом по всем составляющим инвестиционного риска рейтинги регионов достаточно стабильны по расположению субъектов федерации. Особенностью рейтингов, зафиксированной в течение длительного времени наблюдений, является стабильность с наличием явных регионов-лидеров. Данная ситуация отражает малодинамичную подвижность инвестиционного пространства страны. Также традиционным как для регионов — доноров, так и для регионов — реципиентов, является эксплуатация ранее созданных инвестиционных условий ведения хозяйственной деятельности. Таким образом, предпринимаемые усилия региональных властей по привлечению инвесторов оказываются недостаточными или неэффективными.

Выводы. В работе определяются причины инвестиционного регионального разрыва на основе анализа институциональных факторов. Даются рекомендации по направлениям работы в целях улучшения инвестиционного климата регионов РФ с точки зрения институциализации.

Ключевые слова: институты, инвестиционная активность, институциональные факторы, региональное развитие, региональные власти

Factors of Investment Attractiveness of Russian Regions

Daria V. Shcherbakova[1], *Anna A. Medved*[2,*]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

[2]Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; *annmedved@mail.ru

ABSTRACT

Purpose. National and international strategic capital is looking for favorable conditions for preservation and enhancement, respectively, institutional factors of investment attractiveness of Russia's re-

gions are crucial for ensuring sustained economic growth and prosperity. Gradually, there is a tendency to avoid formal financial assessments of investment projects in favor of a deeper institutional and economic analysis. In this regard, the role of information and analytical agencies specializing in determining the level of investment attractiveness of countries and regions is growing. The article analyzes the factors of the investment attractiveness of the regions of the Russian Federation in order to identify the reasons for the insufficiency of capital investments. The main goal, therefore, is to assess the dynamics of institutional factors of the investment attractiveness of Russian regions and develop recommendations for improving the situation.

Methods. The ratings, developed by Expert RA as the most authoritative organization in this area of Russian jurisdiction, were taken as a basis for the analysis. When writing a work, we use data analysis methods, a logical method, an aggregation method.

Results. As a result of the study, it was found that the problem under investigation is that in the Russian economy there is a significant gap in the regions in terms of investment activity, which contradicts the principle of the single economic space of the country. At the same time, for all components of investment risk, the ratings of the regions are fairly stable by the location of the subjects of the federation. A feature of the ratings, fixed for a long time of observations, is stability with the presence of explicit regions-leaders. This situation reflects the low dynamic mobility of the country's investment space. Also traditional for both donor regions and recipient regions is the operation of previously created investment conditions for conducting economic activities. In this way, the efforts of the regional authorities to attract investors are often inadequate or ineffective.

Conclusions. In the paper the possible reasons for the investment regional gap are analyzed on the basis of the analysis of institutional factors are determined. Recommendations are given on the areas of work in order to improve the investment climate in the regions of the Russian Federation from the point of view of institutionalization.

Keywords: institutions, investment activity, institutional factors, regional development, regional authorities

1. Введение

Региональное развитие РФ выходит постепенно на первый план среди стратегических задач экономической политики. Вопросы привлечения инвестиций в регионы страны становятся приоритетной задачей руководства всех уровней власти. Исторически разбалансированность регионального инвестирования России характеризуется увеличенным отклонением у регионов, имеющих наибольший объем инвестиций, прослеживается значительное несоответствие в степени инвестирования «состоятельных» и «малоимущих» регионов, которое в целях единства экономического пространства страны следовало бы устранить [5]. Следует отметить, что это проблема не только экономики РФ, но и многих других стран и регионов мира [9–25]. Власти субъектов РФ часто сталкиваются с большими трудностями при создании условий для стимулирования инвестиционной активности на уровне региона. Необходимо учитывать исторические особенности, влияние определенных традиций хозяйствования, наличие ресурсов. Региональная инвестиционная политика, таким образом, представляет собой «искусство возможного» и отличается значительной дифференциацией [6].

Капитал — как национальный, так и международный — ищет благоприятные условия для сохранения и преумножения. Соответственно, институциональные факторы инвестиционной привлекательности регионов России имеют определяющее значение для обеспечения их экономического роста за счет привлечения инвестиций. Воздействие институциональных факторов особенно чувствительно при постоянно меняющейся внешней среде любого инвестиционного проекта, что уже находит отражение в практике их оценивания — например, набирает популярность идея использования так называемых «реальных опционов», т. е. возможности гибко реагировать на волатильность экзогенной среды, не теряя доходности или даже увеличивая ее [8].

Таким образом, постепенно наблюдается тенденция ухода от формально-финансовых оценок в пользу более глубокого институционально-экономического анализа. В связи с этим возрастает и роль информационно-аналитических агентств, специализирующихся на определении уровня инвестиционной привлекательности стран и регионов. При этом до недавнего времени в практике определения инвестиционной привлекательности потенциальных объектов капиталовложений абсолютное господство принадлежало зарубежным аналитическим компаниям [4]. На сегодняшний день ситуация меняется в сторону «импортозамещения» и в этой важнейшей сфере национальной экономики. На рынке РФ лидирующие позиции с недавних пор занимает агентство «Эксперт РА». В частности, известность получили рейтинги регионов России согласно интегральному показателю двух составляющих — инвестиционного риска и инвестиционного потенциала.

2. Материалы и методы

Основой для составления рейтинга агентства «Эксперт РА» служат данные таких ведомств, как Росстат, ЕМИСС, Минфин РФ, Казначейство РФ, Банк России, МВД, Минприроды, Минкомсвязь, база данных «Консультант плюс», данные сайтов российских и зарубежных рейтинговых агентств, экономических зон и других институтов развития. Инвестиционный риск представляет собой качественно-количественную характеристику, отражающую некоммерческие риски среды, с которыми сталкиваются предпринимательские структуры заданного субъекта, а также показывающие общее состояние бизнеса в регионе. По сути, инвестиционный риск отражает вероятность потери от «недополучения» дохода и/или утраты капитала от неопределенности условий инвестирования.

Таблицы инвестиционных рисков российских регионов на 2017 г. содержат информацию по 85 субъектам РФ. Десятку лидеров (наименьшего риска) представляют Московская область, Ленинградская область, Липецкая область, Краснодарский край, Тамбовская область, Республика Татарстан, Белгородская область, Воронежская область, Санкт-Петербург и Курская область. Москва по данному показателю на 2017 г. заняла только 13-е место, уступив многолетнее присутствие в десятке лидеров другим регионам. Замыкают таблицу Чукотский автономный округ, Чеченская республика, республики Дагестан, Тыва, Ингушетия[1]. Ранг региона по каждому типу риска высчитывается согласно значению индекса — относительному отклонению от среднероссийского уровня риска, взятого за единицу. Интегральный индекс инвестиционного риска каждого региона рассчитывается как средневзвешенная сумма частных инвестиционных рисков данного региона. Значение ранга «1» по инвестиционному риску получает регион, имеющий наименьший риск. Инвестиционный риск характеризуется группой показателей, в числе которых: экономический риск, социальный, финансовый, управленческий, экологический и криминальный риски.

Экономический риск отражает базовые тенденции экономического развития региона через показатели развития промышленности, сельского хозяйства и торговли, износа основных фондов и доли убыточных предприятий. Наилучший показатель по экономическому риску с точки зрения его минимизации представляют Краснодарский край, республика Татарстан и Ростовская область. Санкт-Петербург по этому показателю занимает лишь 15-ю позицию, уступив Ленинградской области два ранга рейтинга. При этом стоит отметить тот факт, что за период с 2014 г. область только улучшала данный показатель, а город сначала значительно потерял в позициях, затем начался процесс восстановления (табл. 1, 2). Ситуация «качелей»

[1] Официальный сайт агентства Эксперт РА [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 20.10.2018).

свойственна для всех показателей риска Санкт-Петербурга, кроме экологического, где наблюдается достаточное постоянство. Такое же постоянство, только с точки зрения уменьшения рискованности, в динамике показывает Ленинградская область по всем частным видам риска.

В 2017 г. Ленинградская область была признана лучшим регионом России с точки зрения инвестиционного климата, что, в конечном итоге, сказывается на положительной динамике экономического и финансового рисков региона.

Таблица 1

Инвестиционный риск Санкт-Петербурга 2014–2017 гг.
Table 1. Investment risk of St. Petersburg, 2014–2017.

Год	Ранг риска	Средневзвешенный индекс риска	Изменение индекса риска к предыдущему году, увеличение +, снижение –	Ранги составляющих инвестиционного риска					
				Социальный	Экономический	Финансовый	Криминальный	Экологический	Управленческий
2014	4	0,169	–0,002	2	11	1	45	48	55
2015	7	0,177	0,008	5	17	1	37	48	44
2016	12	0,195	0,018	11	18	5	40	47	57
2017	9	0,151	–0,044	2	15	6	59	48	38

Источник: Официальный сайт агентства Эксперт РА [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru (дата обращения: 20.10.2018).

Таблица 2

Инвестиционный риск Ленинградской области 2014–2017 гг.
Table 2. Investment risk of the Leningrad Region, 2014–2017.

Год	Ранг риска	Средневзвешенный индекс риска	Изменение индекса риска к предыдущему году, увеличение +, снижение –	Ранги составляющих инвестиционного риска					
				Социальный	Экономический	Финансовый	Криминальный	Экологический	Управленческий
2014	5	0,170	0,007	17	21	5	21	46	8
2015	4	0,170	0,000	16	20	3	15	50	5
2016	4	0,148	–0,022	13	12	3	11	48	4
2017	2	0,132	–0,016	11	13	1	12	49	2

Источник: Официальный сайт агентства Эксперт РА.

Финансовый риск призван отразить общий уровень финансовой надежности потенциальных контрагентов в регионе. В том числе, оценивается финансовое состояние региональных бюджетов по уровню долга, способности собственными средствами справляться с текущими расходами. Этот показатель оценивает конкурентоспособность предприятий и уровень просроченной кредиторской задолженности. Лидеры здесь: Ленинградская, Тюменская области, Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Санкт-Петербург, Московская область. Стоит отметить достижения органов управления Ленинградской области, которые вывели в лидеры свой регион, оставив позади добывающие регионы и столицу страны. Высокий профессионализм региональных властей Ленинградской области положительно отразился и на соответствующей составляющей инвестиционного риска — управленческом риске, по которому регион занимает второе место после Ямало-Ненецкого автономного округа.

Управленческий риск или уровень управления в регионе оценивается на базе трех основных критериев, которые возможно отследить посредством статистики:

- умение региональной администрации «притягивать» необходимый для последующего развития экономики объем инвестиций, расцениваемый посредством соотношения прямых инвестиционных вложений и валового регионального продукта;
- качество управления региональным бюджетом, в том числе: качество бюджетного планирования, качество исполнения бюджета, финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями, качество управления государственной собственностью и прозрачность бюджетного процесса;
- умение региональной администрации обеспечить жителей минимальным уровнем необходимых социальных услуг через косвенный индикатор уровня младенческой смертности в регионе.

В качестве дополнительных стресс-факторов выступает наличие серьезных информационных поводов о коррупционных делах против представителей органов исполнительной власти субъекта и отправлении в отставку губернатора с формулировкой «об утрате доверия».

Помимо упомянутых выше Ямало-Ненецкого АО и Ленинградской области, лидерами по «благоприятности» управленческого риска являются Тамбовская область, Краснодарский край, Воронежская область. Достаточно высокий риск у Санкт-Петербурга (38) и Москвы (64). При этом в Санкт-Петербурге за последний год произошел скачок в сторону снижения «рисковости» на 19 рангов. Здесь отражается и стабильность выполнения всех взятых властью на себя обязательств, и то, что острая кризисная фаза пройдена, у рычагов управления городом стоит сложившаяся команда, а инвесторы предпочитают, прежде всего, стабильность.

Социальный риск отображает уровень социальной напряженности региона. Оценка социального риска происходит на основании показателей безработицы, доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, этнических особенностей региона. По данным за 2017 г. лидерами являются Москва, Санкт-Петербург, Московская, Белгородская и Липецкая области. Ленинградская область показывает стабильный рост по данному показателю (11-й ранг), имея один из самых низких уровней безработицы по всем регионам. Проблемой остается низкий уровень заработных плат населения региона. Несмотря на высокую социальную напряженность 2016 г., когда Санкт-Петербург потерял 8 рангов по данному показателю, в 2017 г. властям удалось справиться со сложившейся ситуацией, бизнес стал оживляться, наладились выплаты по просроченным заработным платам, что стало следствием выхода покупательной способности населения из кризисной «комы».

Составляющая криминального риска отображает уровень преступности в субъекте РФ с учетом тяжести совершенных преступлений, включая экономические преступле-

ния и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. По криминальному риску представители из числа лидеров представлены другими регионами, нежели по предыдущим составляющим инвестиционного риска. Здесь наилучшие показатели у Пензенской области, республики Марий Эл, Брянской, Белгородской областей и республики Крым. Ленинградская область успешно борется с преступностью в регионе, почти вдвое повысив ранг (21/12) в период с 2014 по 2017 гг., успешно предупредив возможный рост числа преступлений в кризисное для страны время.

Сложная криминогенная обстановка, свойственная крупным субъектам, особенно городам-миллионникам, отрицательно сказывается на ранге криминальности. Так, Санкт-Петербург имеет ранг 59, а Москва — 56. Стабильно высокие регионы по уровню преступности — Дагестан, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Магаданская область, замыкающие таблицу по криминальному риску.

Экологический риск призван отразить вероятность инвестиционных потерь, связанную с уровнем загрязнения атмосферы от различных видов источников, сбросом неочищенных стоков в поверхностные воды, а также уровнем радиационного фона региона. Традиционно промышленные лидеры страны оказываются аутсайдерами по данному показателю. Ведущими регионами по экологическому риску на 2017 г. являются республика Крым, Севастополь, Калининградская, Курская области и Карачаево-Черкесская республика. Санкт-Петербург и Ленинградская область имеют 48 и 49 ранг соответственно. Несколько лучше дела обстоят со столичными регионами: Москва — 26 и Московская область — 32.

Анализируя результаты прошлых лет (2014–2017 гг.), стоит отметить, что по всем составляющим инвестиционного риска рейтинги регионов достаточно стабильны по расположению субъектов. Экономическая практика, сложившаяся еще в период перестройки, с активной эксплуатацией естественных ресурсов, применением имеющейся инфраструктуры, малоэффективной политики управления финансовыми потоками при обеспечении инвестиционной деятельности в основной массе регионов, нецелостностью механизмов воплощения множества федеральных проектов, вызывает устойчивую стабильность, где опаснее всего стабильность нижней части рейтинга, представленной регионами Северного Кавказа и Центральной Сибири.

При этом низкий инвестиционный риск, то есть лидерство в рейтинге по риску не гарантирует лидерства по потенциалу. По итогам 2017 г. третье место по риску занимает Липецкая область. По потенциалу же она имеет только 40-й ранг. Пятерку по риску замыкает Тамбовская область, по потенциалу — 48-й ранг. Ленинградская область, имея второй ранг по риску, по потенциалу лишь 23-й. Также может быть и обратная картина. Так, более рисковый Санкт-Петербург (9-й ранг) в рейтинге потенциала занимает третье место.

Для комплексной оценки инвестиционной привлекательности региона вторым комплексным показателем становится показатель инвестиционного потенциала. Инвестиционный потенциал — это количественная характеристика, в которой отражены насыщенность региона факторами производства, потребительский спрос населения и другие показатели, которые влияют на объем потенциального инвестирования в экономику региона.

3. Результаты

Рейтинг инвестиционного потенциала 2017 г. представлен пятеркой лидеров: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Свердловская область. Замыкают список Еврейская автономная область, республики Тыва, Калмыкия, Алтай и Ненецкий автономный округ.

В первую двадцатку рейтинга инвестиционного потенциала входят регионы с большой долей предприятий машиностроения, высокой диверсификацией отраслей эко-

номики, конкурентоспособной производимой продукцией, развитой отраслью высоких технологий, наукой, культурой, образованием.

Особенностью рейтинга, зафиксированной в течение длительного времени наблюдений (табл. 3, 4), является его стабильность с наличием явных регионов-лидеров. Пятнадцать из двадцати регионов, открывающих список в 2017 г., сохранили свои позиции по сравнению с прошлым годом (колебание составило +1 балл). Данная ситуация отражает малодинамичную подвижность инвестиционного пространства страны. Традиционной, как для регионов — доноров, так и для регионов — реципиентов, является эксплуатация ранее созданных инвестиционных условий ведения хозяйственной деятельности.

Инвестиционный потенциал как комплексный показатель состоит из девяти частных: природно-ресурсного, трудового, производственного, потребительского, инфраструктурного, финансового, институционального, инновационного и туристического, каждый из которых также характеризуется целой группой показателей.

Трудовой потенциал представлен размером рынка трудовых ресурсов (долей населения трудоспособного возраста) и уровнем образования населения (долей занятых по уровням образования). Наиболее благоприятными для реализации трудового потенциала населения являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и Республика Татарстан. Ленинградская же область занимает лишь 23-ю позицию в рейтинге, что объясняется высокой долей низкоквалифицированных рабочих кадров при высоком уровне занятости населения. Аутсайдеры списка — Ненецкий, Чукотский автономные округа и Еврейская АО.

Потребительский потенциал как совокупная покупательская способность населения региона оценивается на основе объема доходов населения и покупательской активности. Лидеры полностью повторяют список лидеров по общему потенциалу. Ленинградская область имеет только 26-й ранг, как регион с достаточно низким

Таблица 3

Инвестиционный потенциал Санкт-Петербурга 2014–2017 гг.
Table 3. Investment potential of St. Petersburg, 2014–2017.

Год	Ранг потенциала	Доля в общероссийском потенциале	Изменение доли к предыдущему году	Ранги составляющих инвестиционного потенциала								
				Трудовой	Потребительский	Производственный	Финансовый	Институциональный	Инновационный	Инфраструктурный	Природно-ресурсный	Туристический
2014	3	4,780	–0,685	3	3	2	3	2	3	6	83	4
2015	3	4,683	–0,096	3	3	2	3	2	3	5	85	4
2016	3	4,652	–0,031	3	3	2	3	2	3	6	85	5
2017	3	4,949	0,297	3	3	2	3	2	3	6	85	4

Источник: Официальный сайт агентства Эксперт РА.

Таблица 4

Инвестиционный потенциал Ленинградской области 2014–2017 гг.
Table 4. Investment potential of the Leningrad Region, 2014–2017

Год	Ранг потенциала	Доля в общероссийском потенциале	Изменение доли к предыдущему году	Ранги составляющих инвестиционного потенциала								
				Трудовой	Потребительский	Производственный	Финансовый	Институциональный	Инновационный	Инфраструктурный	Природно-ресурсный	Туристический
2014	26	1,121	0,034	26	29	21	27	28	26	7	47	19
2015	27	1,105	–0,017	29	29	22	30	29	26	7	48	19
2016	22	1,145	0,040	28	28	18	24	26	26	7	48	21
2017	23	1,158	0,013	27	26	20	23	24	27	10	48	26

Источник: Официальный сайт агентства Эксперт РА.

уровнем заработной платы (вследствие преимущественно низкоквалифицированного труда), а значит, и низкой покупательной способностью.

Совокупный результат хозяйственной деятельности в регионе отражается через показатель производственного потенциала. Он включает в себя объемы промышленного производства, аграрного комплекса, строительства, оборот торговли и платных услуг населению. Лидируют Москва и Санкт-Петербург. В целом, результат более чем предсказуемый. Ленинградская область не может похвастаться высоким рангом по производственному потенциалу (20-е место). Регион показывает постепенный рост в течение всего периода рейтинговых расчетов агентства, но до лидеров ему еще далеко.

Финансовый потенциал характеризует «условный объем денежной массы» в регионе посредством определения количества денежной массы, находящейся в распоряжении бизнес-структур (сальдированный финансовый результат работы компаний), власти (доходы бюджета) и населения. По финансовому потенциалу на верхних строчках рейтинга Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и республика Татарстан. Аутсайдеры — Алтай, Еврейская АО, Калмыкия. Финансовый потенциал Ленинградской области оценен экспертами как 23. Отчасти это объясняется концентрацией денежных потоков в Санкт-Петербурге, низкими доходами населения, невысокой наполняемостью бюджета большинства районов в составе региона.

Составляющая институционального потенциала содержит данные оценки развитости страховых и финансовых институтов (количество участников и объем услуг), помимо этого в показатель включена косвенная оценка условий для развития малого, среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей и иностранного бизнеса через их представленность в регионе и изменение расчетных показателей. Лидерские позиции закреплены за теми же регионами, аутсайдеры списка — Ненецкий и Чукотский автономные округа, республики Ингушетия, Тыва, Алтай. По институциональному потенциалу Ленинградская область располагается в третьем десятке рейтинга, имея только 24-й ранг. Повлиять на эту ситуацию можно только с помощью властных рычагов, таких как создание специальных предпринимательских зон для ведения бизнеса на льготных условиях и т. п.

Оценка инновационного потенциала происходит через показатели количества работников в научно-исследовательской сфере, объема финансирования научных исследований и разработок, инновационной активности, измеряемой количеством заявок на патенты и объемов разработанных передовых для России технологий. Сами данные, которые ложатся в основу этих расчетов, предполагают концентрацию в том или ином регионе высших образовательных учреждений, исследовательских институтов, инновационных инкубаторов. Поэтому лидеры рейтинга все те же, аутсайдеры — Чукотский АО, Алтай и Ингушетия. Ленинградская область занимает лишь 27-е место, что связано с концентрацией научной и образовательной мощи в центре региона, но другом субъекте страны — Санкт-Петербурге.

Транспортно-географическое положение региона имеет важное значение. Заключенное в инфраструктурный потенциал, наряду с положением относительно экономического центра страны, главных магистралей, портов, авиаузлов и пограничных переходов, а также в совокупности с инфраструктурной обеспеченностью транспортной сетью и связью дают еще один комплексный показатель для оценки инвестиционного потенциала региона. По инфраструктурному потенциалу, как заведомо предопределенному по географическим основаниям показателю, а также по наличию стратегических программ развития инфраструктуры региона, картина по стране отлична от предыдущих описанных компонент. Лидерами списка являются Москва, Калининградская, Московская, Белгородская области, Краснодарский край, на развитие инфраструктуры которого огромное влияние имела подготовка к зимним Олимпийским играм 2014, Санкт-Петербург, Новосибирская, Курская, Липецкая и Ленинградская (потерявшая за последний год три позиции) области. Замыкают рейтинг Ненецкий АО, Республики Тыва, Саха (Якутия), Калмыкия и Томская область.

Самый объективный и предопределенный показатель в составе инвестиционного потенциала — природно-ресурсный потенциал. Он отражает средневзвешенную обеспеченность балансовыми запасами основных типов природных ресурсов, включая балансовые запасы нефти, газа, углей, драгоценных металлов и камней, запасы руд цветных и черных металлов, нерудных ископаемых, сельскохозяйственные угодья, запас древесины и т. д. Наиболее благоприятная ситуации сложилась в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецком АО, Кемеровской и Белгородской областях. На нижних ступенях расположились Санкт-Петербург, Москва, Республики Ингушетия, Адыгея и Ивановская область. Природно-ресурсный потенциал Ленинградской области в силу отсутствия базовых месторождений и климатической специфики региона имеет 48-й ранг. Развитию данного показателя может служить продуманная стратегия агропромышленного развития региона, развитие полного цикла от посадки лесных массивов, заготовки древесины до ее конечной переработки.

Девятой составляющей инвестиционного потенциала является туристический потенциал, отражающий наличие мест, притягательных для туристов, будь то культурное наследие или природная самобытность, развитость индустрии гостеприимства региона и непосредственно сам туристический поток. Наиболее популярными направлениями туризма в ряду российских регионов стали Москва, Краснодарский край, Московская область, Санкт-Петербург, Республика Крым, Татарстан, Свердловская область, республика Башкортостан, Приморский и Красноярский края. Аутсайдеры рейтинга Ненецкий АО, Еврейская ОА, республика Калмыкия, Магаданская область, Чеченская республика. Туристический потенциал Ленинградской области (26-й ранг) имеет ряд недостатков, ведущий из которых — неразвитая система размещения туристов. Эту нагрузку взял на себя Санкт-Петербург.

К институциональным факторам инвестиционной привлекательности региона относятся: макроэкономические факторы, факторы регионального развития, нор-

мативно-правовые факторы, организационные, социально-экологические факторы. Комплексное воздействие всей совокупности институциональных факторов формирует институциональную привлекательность региона, увязывая воедино субъектов инвестиционной деятельности: инвесторов, посредников, получателей и органы власти. Благодаря соединению воедино факторов инвестиционного риска и потенциала региона, возможно прогнозное моделирование воздействия тех или иных институциональных факторов на развитие составляющих инвестиционной привлекательности выбранного субъекта анализа.

Таблица 5

Основные институциональные факторы инвестиционной привлекательности региона [7]

Table 5. Major institutional factors of investment attractiveness of the region

Макроэкономические	Региональные	Нормативно-правовые	Организационные	Социально-экономические
Тип экономической модели, степень государственного вмешательства	Качество регионального управления	Общая адекватность и непротиворечивость законодательства	Общее качество корпоративного менеджмента	Структура и качество подготовки трудовых ресурсов
Институт национальной валюты, ее конвертируемость	Политика местных властей относительно инвесторов	Уровень защиты собственности и вложений	Система карьерного роста, «социальные лифты»	Пенсионное и социальное обеспечение
Уровень развития банковской системы	Зависимость регионального бюджета от федеральных трансфертов	Соответствие национального законодательства международным правовым актам	Наличие образовательных программ переподготовки	Условия развития человеческого потенциала

4. Обсуждение

Корреляционный анализ выявляет достаточно мощную взаимосвязь уровня сформированности институциональной среды и совокупного объема вложений в региональную экономику. Более значительный их объем приходит в регионы с достаточно развитым инвестиционным потенциалом и относительно невысоким инвестиционным риском, в регионы с плохим инвестиционным климатом идет малый объем инвестиций. При этом, некоторое запаздывание при принятии инвестиционных решений есть, но оно незначительное, таким образом, регион, занявшись улучшением инвестиционного климата, может рассчитывать на достаточно значительный рост капиталовложений уже в ближайшей перспективе [3]. На высокую значимость институциональных факторов указывают большинство отечественных и зарубежных исследователей, например, Балацкий Е. В. [1], Грасмик К. И. и Шкодинский С. В. [2], Маслихина В. Ю. [3], Ситнова И. А. и Лисица А. В. [7], Warner A. [25], Sachs J. & Warner A. [22]. Наше исследование также утверждает примат институциональных факторов.

5. Заключение

Институциональные факторы играют важную роль в деле привлечения капитала в регионы РФ. Помимо работы над институциализацией инвестиционного процесса, региональным властям следует уделять внимание также прямому информационному стимулированию притока капиталовложений в регион — организации форумов, конференций, формированию благоприятного бренда региона как комфортного для инвесторов в средствах массовой информации и даже социальных сетях. Информационная составляющая часто является определяющей при принятии решений о капиталовложениях. Соответственно, чем больше позитивной информации получит потенциальный инвестор, тем больше вероятности у положительного решения о вложении средств.

Также необходимо создавать организационные структуры, непосредственно занимающиеся проблемами инвесторов. Присутствие инвестора на территории, как правило, предполагает осуществление зачастую невозвратных вложений, поэтому власть должна осуществлять ему непосредственную поддержку. В России доминирующим институтом по стимулированию притока капиталовложений в регион являются так называемые корпорации развития. Эти структуры, помимо разработки программ развития территорий и создания условий для инвестиций, занимаются непосредственным созданием «точек роста», финансированием инфраструктурных проектов и т. п. [2]. Важную роль также играют мероприятия, направленные непосредственно на привлечение инвесторов — форумы местные и «выездные», пресс-туры, комплексный брендинг, введение должности «инвестиционного омбудсмена» и т. п., хотя в РФ довольно часто эти полезные мероприятия становятся формальными или извращается весь их смысл [1].

Тем не менее необходимость деятельной поддержки инвесторов все больше находит понимания у региональных властей, и тенденция в плане увеличения количества подобного рода событий со временем может способствовать выходу их на новый качественный уровень.

Литература

1. *Балацкий Е. В.* Новые инвестиционные институты России // TerraEconomicus. 2013. Т. 11. № 3. С. 12–19.
2. *Грасмик К. И., Шкодинский С. В.* Корпорация развития как институт привлечения прямых иностранных инвестиций в регион // Государственный аудит. 2015. № 4. С. 41–49.
3. *Маслихина В. Ю.* Институциональная среда как фактор неравномерного развития российских регионов // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 82–86.
4. *Медведь А. А.* Институты в качестве факторов инвестиционного процесса: монография. М. : Инфра-М, 2018.
5. *Мусаев М. К., Шамилев С. Р.* Неравномерность распределения инвестиций по регионам РФ [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=14946 (дата обращения: 19.02.2018).
6. *Плахова Л. В.* Развитие организационных форм и инструментов привлечения инвестиций в регион // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 9 (48). С. 95–96.
7. *Ситнова И. А., Лисица А. В.* Институциональные факторы и условия обеспечения инвестиционной привлекательности регионов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 5 (334). Экономика. Вып. 43. С. 74–86.
8. *Телехов И. И.* Проблемы применения реальных опционов при анализе инвестиционных проектов // Российское предпринимательство. 2013. № 6 (228). С. 143–148.
9. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 117, N 4 (Nov., 2002). P. 1231–1294.
10. *Acemoglu D., Johnson S.* Unbundling institutions // Journal of Political Economy. 2005. N 113. P. 949–995.

11. *Aoki M.* Endogenizing institutions and institutional changes // Journal of Institutional Economics. 2007. N 3. P. 1–31.
12. *Bardhan P.* Decentralization of governance and development // Journal of Economic Perspectives. 2002. N 16. P. 185–205.
13. *Besley T., Mueller H*. Institutions, Volatility, and Investment // Journal of the European Economic Association. 2018. Vol. 16. Is. 3. P. 604–649.
14. *Blanchard O., Shleifer A*. Federalism with and without political centralization: China versus Russia // IMF Staff Papers. N 48. 2001. P. 171–197.
15. *Djankov S., Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A*. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. 2002. N 117. P. 1–37.
16. *Easterly W., Levine R.* Tropics, germs, and crops: how endowments influence economic development // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50(1). P. 3–39.
17. *Glaeser E., Porta R., Lopez-de-Silanez F., A. Shleifer*. Do institutions cause growth? // Journal of Economic Growth. N 9. 2004. P. 271–303.
18. *Hall J., Sobel R*. Institutions, entrepreneurship, and regional differences in economic growth // American Journal of Entrepreneurship. 2008. № 1. P. 69–96.
19. *Pyle W.* Organized business, political competition and property rights: Evidence from the Russian Federation // Journal of Law, Economics and Organization. 2011. N 27. P. 2–31.
20. *Reuter O. J., Robertson G. B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // Journal of Politics. 2012. N 74. P. 1023–1037.
21. *Rochlitz M.* Corporate raiding and the role of the state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2014. N 30. P. 89–114.
22. *Sachs J., Warner A.* Fundamental Sources of Long Run Growth // American Economic Review. 1997. Vol. 87. Is. 2. P. 184–188.
23. *Vinokurov S., Medved A. A., Mierin L. A.* Economic News and Household Decisions // Contemporary Economics. 2018. Vol. 12. Is. 1. P. 57–68.
24. *Voigt S.* How (not) to measure institutions // Journal of Institutional Economics. N 9. 2013. P. 1–26.
25. *Warner A.* Institutions, Geography, Regions, Countries and the Mobility Bias / Andrew Warner // CID Working Paper. N 91. April, 2002. 19 p.

Об авторах:

Щербакова Дарья Васильевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; daria.ranepa@gmail.com

Медведь Анна Алексеевна, доцент кафедры национальной экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; annmedved@mail.ru

References

1. Balatsky E. V. New investment institutes of Russia // Terra Economicus. 2013. V. 11. N 3. P. 12–19.
2. Grasmik K. I., Shkodinsky S. V. Corporation of development as institute of attraction of direct foreign investments to the region // State audit [Gosudarstvennyi audit]. 2015. N 4. P. 41–49. (In rus)
3. Maslikhina V. Yu. Institutional environment as factor of uneven development of Russian regions // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2016. N 12. P. 82–86. (In rus)
4. Medved A. A. Institutes as factors of investment process: monograph. M. : Infra-M, 2018. (In rus)
5. Musayev M. K., Shamilev S. R. Unevenness of distribution of investments on regions of the Russian Federation [An electronic resource] // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]. 2014. N 5. URL: http: //science-education.ru/ru/article/view?id=14946 (date of the address: 19.02.2018). (In rus)
6. Plakhova L. V. Development of organizational forms and instruments of attraction of investments into the region // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2007. N 9 (48). P. 95–96. (In rus)

7. Sitnova I. A., Lisitsa A. V. Institutional factors and conditions of ensuring investment attractiveness of regions of Russia // Bulletin of the Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 5 (334). Economy. Issue 43. P. 74–86. (In rus)
8. Telekhov I. I. Problems of application of real options in the analysis of investment projects // Russian business [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2013. N 6 (228). P. 143–148. (In rus)
9. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J*. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 117, N 4 (Nov., 2002). P. 1231–1294.
10. *Acemoglu D., Johnson S*. Unbundling institutions // Journal of Political Economy. 2005. N 113. P. 949–995.
11. *Aoki M*. Endogenizing institutions and institutional changes // Journal of Institutional Economics. 2007. N 3. P. 1–31.
12. *Bardhan P*. Decentralization of governance and development // Journal of Economic Perspectives. 2002. N 16. P. 185–205.
13. *Besley T., Mueller H*. Institutions, Volatility, and Investment // Journal of the European Economic Association. 2018. Vol. 16. Is. 3. P. 604–649.
14. *Blanchard O., Shleifer A*. Federalism with and without political centralization: China versus Russia // IMF Staff Papers. N 48. 2001. P. 171–197.
15. *Djankov S., Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A*. The regulation of entry // Quarterly Journal of Economics. 2002. N 117. P. 1–37.
16. *Easterly W., Levine R.* Tropics, germs, and crops: how endowments influence economic development // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50(1). P. 3–39.
17. *Glaeser E., Porta R., Lopez-de-Silanez F., A. Shleifer*. Do institutions cause growth? // Journal of Economic Growth. N 9. 2004. P. 271–303.
18. *Hall J., Sobel R*. Institutions, entrepreneurship, and regional differences in economic growth // American Journal of Entrepreneurship. 2008. № 1. P. 69–96.
19. *Pyle W*. Organized business, political competition and property rights: Evidence from the Russian Federation // Journal of Law, Economics and Organization. 2011. N 27. P. 2–31.
20. *Reuter O. J., Robertson G. B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // Journal of Politics. 2012. N 74. P. 1023–1037.
21. *Rochlitz M*. Corporate raiding and the role of the state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2014. N 30. P. 89–114.
22. *Sachs J., Warner A.* Fundamental Sources of Long Run Growth // American Economic Review. 1997. Vol. 87. Is. 2. P. 184–188.
23. *Vinokurov S., Medved A. A., Mierin L. A.* Economic News and Household Decisions // Contemporary Economics. 2018. Vol. 12. Is. 1. P. 57–68.
24. *Voigt S*. How (not) to measure institutions // Journal of Institutional Economics. N 9. 2013. P. 1–26.
25. *Warner A*. Institutions, Geography, Regions, Countries and the Mobility Bias / Andrew Warner // CID Working Paper. N 91. April, 2002. 19 p.

About the authors:

Daria V. Shcherbakova, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; daria.ranepa@gmail.com

Anna A. Medved, Associate Professor of the Chair of National Economy of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation) PhD in Economics, Associate Professor; annmedved@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-132-138

Национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России

Исаев А. П.[1, *], *Васильева Т. В.*[1]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *isaev-ap@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Малые предприятия мобильной коммерции в силу своей гибкости и мобильности способны адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды и формировать новые направления деятельности в соответствии с вызовами времени. Мобильная коммерция является продолжением электронной коммерции, переводом электронной коммерции в мобильные формы. Формы реализации мобильной коммерции многообразны. Технологии мобильной коммерции позволяют перенести информационный поток на мобильные телефоны пользователей, предоставляя им полную свободу в перемещениях. В статье рассмотрены объекты мобильной коммерции и проведена классификация субъектов мобильной коммерции. Выявлены национальные особенности предпринимательства на рынке мобильной коммерции России.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, мобильная коммерция, цифровая экономика, мобильные пользователи, интернет-среда

National Peculiarities of Business in the Market of Mobile Commerce of Russia

Alexey P. Isaev[a, *], *Tatyana V. Vasilyeva*[a]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *isaev-ap@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

Small mobile commerce businesses, due to their flexibility and mobility, are able to adapt to the changing environmental conditions and form new lines of business in accordance with the challenges of the time. Mobile commerce is a continuation of e-commerce, the translation of e-commerce into mobile forms. Forms of realization of the essence of mobile commerce are diverse. Mobile commerce allows people to transfer the entire information flow to users' mobile phones, giving users complete freedom of movement. The article describes the objects and carried out the classification of the subjects of mobile commerce. National peculiarities of entrepreneurship in the Russian mobile commerce market are revealed.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneurial activity, mobile commerce, national characteristics, digital economy, patriotism, mobile users, Internet, Internet environment

Малые предприятия мобильной коммерции в силу своей гибкости способны быстро адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды и формировать новые направления деятельности в соответствии с вызовами времени. Деятельность предпринимателей на рынке мобильной коммерции помогает в решении важных задач на макроэкономическом уровне и на уровне микроэкономики. Оплата товаров и услуг в рамках проектов мобильной коммерции приводит к увеличению безналичного оборота в стране, росту экономической активности, более равномерному развитию территорий и другим благоприятным социально-экономическим последствиям.

Мировой рынок мобильной коммерции составляет 34% мирового рынка электронной коммерции и сохраняет тенденцию к росту. Для России характерны общеми-

ровые тенденции развития данного рынка, его доля в настоящее время составляет 20% российского рынка электронной коммерции [1, с. 6].

Развитие мобильной коммерции началось в 1980-е годы. Корпорация Toshiba в апреле 1985 г. открыла продажу T1100, который стал первым IBM-совместимым ноутбуком в мире. Инициатором проекта стал А. Нисида. В продажу T1100 вышел за 2090 долл. Руководство Toshiba оформило финансирование проекта под обещание А. Нисида, что через год объем продаж составит не менее 10 тыс. экземпляров. Достижение поставленной цели оказалось возможным уже к концу 1985 г. [1, с. 16].

Первые автоматы по продаже напитков с помощью SMS-информирования появились на улицах Хельсинки в 1997 г. Это были два автомата по продаже напитков «Кока-Кола». Первые услуги мобильного банкинга появились примерно в это же время для клиентов «Merita bank of Finland». Финский сотовый оператор «Radionlinja» в 1998 г. создал сервис по продаже рингтонов, открыв, таким образом, возможность продажи цифрового контента с помощью мобильного телефона. В следующем году компания «Smart» на Филиппинах создала и запустила национальную платформу мобильных платежей «Smart Money». В Японии первая мобильная платформа была запущена компанией «NTT DoCoMo» и получила название «i-Mode». Во Франции осенью 1999 г. компания «France Telecom» открыла защищенную систему электронной коммерции «Iti Achat» на основе мобильной связи, что позволило абонентам системы GSM осуществлять покупки с помощью мобильного телефона. В телефонный аппарат стандарта GSM был встроен специальный механизм, который гарантировал защиту данной системы.

Российская история мобильной коммерции начинается с 2000-х гг. Сервис SMS-информирования оператор «Билайн» запустил в 2003 г., что позволило превратить мобильной телефон в инструмент оплаты услуг и контроля финансовых расходов. В настоящее время в мире используется более миллиарда мобильных электронных устройств, которые становятся более распространенным способом доступа в интернет, чем персональные компьютеры.

Мобильная коммерция (m-commerce) — это направление мобильного бизнеса, коммерческая деятельность с использованием мобильных электронных устройств [1, с. 15]. По сути, мобильная коммерция является продолжением электронной коммерции, переводом электронной коммерции в мобильные формы. Благодаря электронной коммерции стало возможным создавать электронные витрины и работать не выходя из дома. Мобильная коммерция открыла для людей полную свободу в перемещениях по всему миру без утери связи с коммерческой деятельностью.

Мобильная коммерция выступает одним из направлений мобильного бизнеса. Мобильный бизнес (m-business) — это преобразования основных бизнес-процессов компании путем внедрения мобильных технологий, нацеленное на повышение эффективности деятельности. То есть мобильным бизнесом является любая деловая активность, использующая возможности мобильных устройств для преобразования внутренних и внешних связей компании [Там же].

Основными объектами мобильной коммерции выступают мобильные устройства, телекоммуникационные сети, материально-вещественные товары, услуги, а также цифровые товары, передачу которых возможно осуществить с помощью мобильного устройства, подключенного к интернету посредством телекоммуникационных сетей, что представлено на рис. 1. Далее рассмотрим эти элементы более детально.

1. К мобильным устройствам принято относить мобильные телефоны, смартфоны и коммуникаторы, планшеты (нетбуки в данную категорию не входят). Мобильные устройства можно активно использовать «на ходу»: в магазине, метро, дороге.

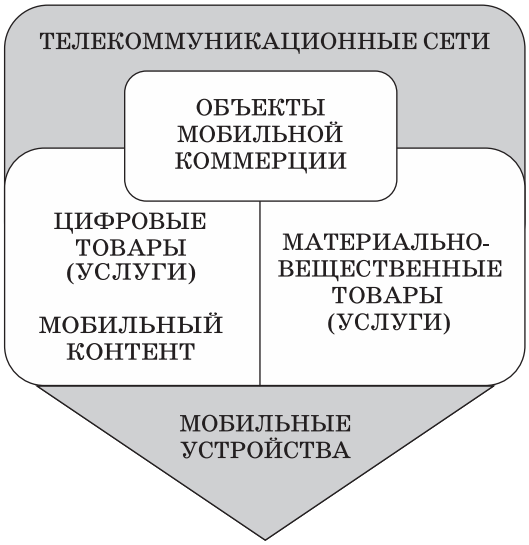


Рис. 1. Объекты мобильной коммерции [2]
Fig. 1. Objects of mobile commerce

2. Цифровые товары (цифровой контент). Компания «J`son&Partners Consultin»[1] дает следующее определение цифровым товарам (цифровому контенту): многообразие информационно-развлекательных материалов, которые распространяются в цифровом виде по каналам связи для использования на специализированных цифровых устройствах. Понятие «цифровой контент» относится к производству контента в цифровом формате, распространению мультимедийных продуктов, потреблению пользователями контента, произведенного и переданного в цифровом формате.
3. Материально-вещественные товары представлены в мобильной коммерции традиционными физическими объектами, представленными на веб-сайтах интернет-компаний. Любой владелец мобильного устройства, подключенного к интернету, имеет возможность просмотра характеристик вещественного товара на веб-сайте, заказа и оплаты понравившегося товара (услуги), используя мобильные технологии.
4. Телекоммуникационные сети. Широта распространения телекоммуникационных сетей и следование инновационным стандартам сотовой связи оказывают колоссальное воздействие на развитие и распространение технологий мобильной коммерции в региональном аспекте (табл. 1).

Основными субъектами мобильной коммерции выступают домашние хозяйства (отдельные лица и семьи как потребители товаров и услуг — мобильные пользователи), интернет-компании, различные институциональные образования (финансовые и нефинансовые институты), государство (органы государственного управления, государственные учреждения), а также международные организации, которые своей деятельностью оказывают влияние на развитие рынка мобильной коммерции (табл. 2).

Россия — многонациональное государство, не имеющее аналогов в мире по своему национально-государственному устройству. В России проживают более 100 больших и малых народов. Особенности национального характера необходимо

[1] Рынок цифрового контента в России и в мире [Электронный ресурс]. URL: http://web.json.ru/poleznye_materialy/free_market_watches/analytics/2013_digital_content_2010 (дата обращения: 25.08.2018).

Таблица 1

Ключевые показатели развития телекоммуникаций в мире [1, с. 27]
Table 1. Key indicators of development of telecommunications in the world

	Мир	Развитые страны	Развивающиеся страны	Африка	Арабские страны	Азия	СНГ	Европа	Америка
Абоненты, млн	5282	1436	3856	333	282	2649	364	741	880
Проникновение, %	76,2	116,1	67,6	41,4	79,4	67,8	131,5	120,0	94,1
Мобильный широкополосный интернет, млн	940	631	309	29	34	278	72	286	226
Проникновение, %	13,6	51,1	5,4	3,6	9,7	7,1	25,9	46,3	24,2

Таблица 2

Классификация субъектов рынка мобильной коммерции по уровню взаимодействия
Table 2. Classification of subjects of the market of mobile commerce by interaction level

Уровень взаимодействия	Субъекты мобильной коммерции
Мегоуровень	Международные организации
Макроуровень	Государство
Мезоуровень	Институциональные образования
Микроуровень	Интернет-компании
Уровень домохозяйства	Индивидуальные лица и семьи — мобильные пользователи

учитывать при ведении предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России [3; 5]. На Западе мобильная коммерция постепенно развивалась как направление электронной коммерции, заменяя электронные витрины и каталоги. В России формирование рынка мобильной коммерции происходит при полном отсутствии потребительской культуры мобильных покупок и коммерческого опыта в данной области предпринимательской деятельности. Особенности национального характера мобильных пользователей России отражены на рис. 2.

Мобильный рынок только начал свое развитие, так как именно сейчас в России начинает расти доля смартфонов и планшетов в общих продажах, также начинает расти проникновение мобильного интернета, к чему располагает развертывание сетей LTE, а также охват все больших территорий сетью 3G. В результате проведенного анализа были выявлены формы проявления национальных особенностей предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции России, что отражено в табл. 3. Дадим выявленным особенностям развернутую характеристику:

1. Меньшее количество смартфонов, чем на западном рынке. Это главная особенность российского рынка мобильной коммерции. Россияне немного больше времени проводят в социальных сетях, они чаще пользуются мобильным интернетом в общественном транспорте [6]. При этом, россияне реже, чем американцы или японцы, делятся контентом, созданным с помощью мобильного телефона (фото, видео) в социальных сетях. На это оказывает влияние тот факт, что в среднем

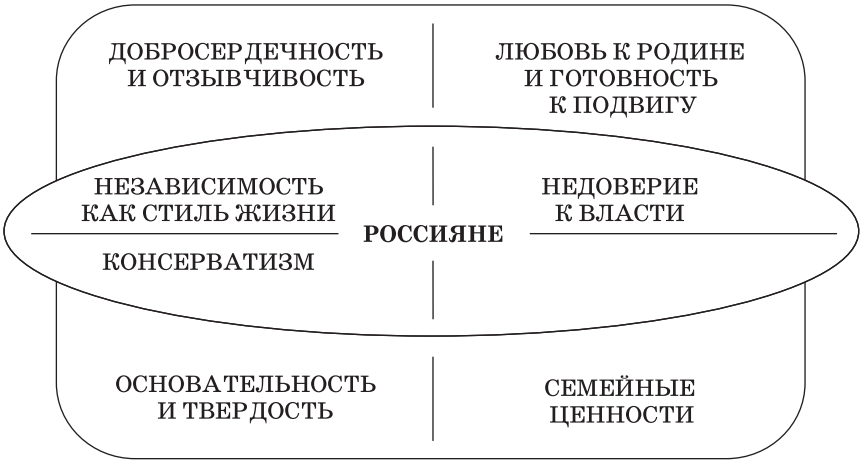


Рис. 2. Особенности национального характера мобильных пользователей России
Fig. 2. Features of national character of mobile users of Russia

Таблица 3

Формы проявления национальных особенностей предпринимательства на рынке мобильной коммерции

Table 3. Forms of manifestation of national peculiarities of business in the market of mobile commerce

Характеристика рынка	США, ЕС, БРИКС	Россия
Формирование рынка	Замещение существующих форм электронной торговли в условиях сформированной потребительской культуры мобильных покупок	Отсутствие сформированной потребительской культуры электронных покупок и коммерческого опыта в мобильной коммерции как современной области предпринимательской деятельности
Количество мобильных устройств	Большое число смартфонов и планшетов	Гораздо меньшее число смартфонов и планшетов
Мобильная версия веб-сайта	Упрощенный механизм создания	Сложный механизм создания, высокая стоимость реализации
Источники мобильного трафика	Дом, офис	Социальные сети, общественный транспорт
Стадия освоения мобильного интернета	Зрелая	Начальная

россиянин впервые выходит в интернет или начинает пользоваться мобильным интернетом позже, чем это начинают делать в других странах. Например, Япония и Южная Корея давно закрепили за собой звание стран с самым глубоким проникновением передовых технологий. Когда российские операторы только начинали освоение рынка, а большинство сотовых сетей в стране относились к первому поколению, вся Япония была связана сетями третьего поколения (3G). Наряду с видеозвонками, очень популярными в Азии, люди пользовались скоростным мобильным интернетом, которого в России в то время не было.

2. Отсутствие потребительской культуры мобильных покупок. В России рынок мобильной коммерции только зарождается и в настоящее время идет формирование национальной культуры мобильных покупок и рынка мобильной коммерции в целом.
3. Развитие интернета. В России развитие интернета происходило не так стремительно, как, например, в Швеции и Германии, для которых характерен очень быстрый рост интернета в конце 90-х гг. XX в., когда к Сети подключалось 11–12% населения [4]. Стремительный рост показателей постепенно перешел в стадию умеренного роста, когда определяющими факторами выступали смена поколений и обучение пожилых людей. Этот период продолжается и сейчас, когда за год пользователями становятся 2–3% населения. Каждая страна имеет свои особенности развития интернета. Например, для Португалии характерен медленный рост числа интернет-пользователей, к нему не подключалось более 5% населения. Это страна с высокой долей аграрного сектора и сравнительно невысокой долей лиц с высшим образованием. Для России также характерен плавный, но продолжительный рост, что вызвано неоднородностью уровня жизни и географической протяженностью нашей страны.
4. Недостаточное внимание сектору малого предпринимательства. Основу экономики России традиционно составляет бизнес крупных компаний, особенно компаний нефтегазового сектора. В такой ситуации, в силу определенной слабости инфраструктуры, предприятия среднего и малого бизнеса имеют меньше возможностей для развития, хотя во многих странах Запада именно они являются основой национальной экономики.

Диверсифицированная, сбалансированная и устойчивая экономика нуждается в активной деятельности малых предприятий, работающих в различных отраслях. Конкурентными преимуществами данных компаний выступают мобильность и легкость изменений под влиянием рынка, способность привносить в действующий бизнес инновации и генерировать новые идеи. Можно выделить ряд предприятий малого бизнеса в России, становление и развитие которых произошло только благодаря интернету: Gorodigr, Nevosoft, Gameguru. Данные компании формируют предпочтения интернет-пользователей, а также участвуют в создании интернет-среды для других бизнесов, связанных с интернетом.

Подводя итог, отметим, что вопросы поиска новых форм и способов развития малого предпринимательства как одного из условий обновления экономики страны не теряют актуальности. Такой новой формой может выступить мобильная коммерция. Использование инструментов мобильной коммерции позволяет покупателям экономить время и денежные средства, способствует формированию навыков и компетенций в области информационно-коммуникационных технологий, приводит к развитию потребительской культуры дистанционных покупок. Индивидуальные предприниматели получают широкие возможности для организации и управления бизнес-процессами, благодаря глобальному характеру интернета и свободе в перемещениях в пространстве, имея в распоряжении мобильное устройство, подключенное к интернету.

Мобильный интернет представляет собой глобальную, децентрализованную информационную среду. Это — идеальный инструмент для ведения предпринимательской деятельности с использованием новых информационных технологий. Анализируя российский опыт предпринимательской деятельности на рынке мобильной коммерции, авторы приходят к выводу, что развитие рынка мобильной коммерции в России находится на начальной стадии. Становление потребительской культуры дистанционных покупок в России происходит при низком уровне развития инфраструктуры, а население страны имеет малый опыт мобильных покупок и высокий уровень недоверия новым технологиям.

Литература

1. *Васильева Т. В.* Мобильная коммерция: прошлое, настоящее, будущее : монография. СПб. : Изд-во ИМЦ «НВШ–СПб», 2017.
2. *Васильева Т. В.* Мобильная коммерция: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2014. № 3. С. 105–111.
3. *Виногродский Б. Б., Сизов В. С.* Национальная культура как основа успешного бизнеса (на примере китайской экономики) // Новая экономика / под ред. Е. Ф. Авдокушина, В. С. Сизова ; Вятский соц.-экон. ин-т. М. : Магистр, 2009. С. 349–358.
4. *Лебедев П., Делицын Л.* Будущее Рунета // Интернет в цифрах. 2011. № 2. С. 14–16.
5. *Предприниматель* и инвестор в сети интернет: практика взаимодействия / под ред. В. В. Коссова. М. : Магистр, 2009.
6. *Разговоры* мужчин о мобильном вебе, яблоках и смерти «пластика» // Интернет в цифрах. 2011. № 2. С. 24–30.

Об авторах:

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Васильева Татьяна Владимировна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; 15351538@mail.ru

References

1. Vasilyeva T. V. Mobile commerce: past, present, future: monograph. SPb. : Publishing house of IMC “NHS-SPb”, 2017. 145 p. (In rus)
2. Vasilyeva T. V. Mobile commerce: past, present, future // Questions of modern science and practice. Vernadsky University [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo]. 2014. N 3. P. 105–111. (In rus)
3. Vinogrodsky B. B., Sizov V. S. National culture as a basis of successful business (on the example of the Chinese economy) // New economy / under the editorship of E. F. Avdokushin, V. S. Sizov; Vyatka Social-Economic Institute. M. : Master, 2009. P. 349–358. (In rus)
4. Lebedev P., Delitsyn L. The future of RuNet // Internet in figures [Internet v tsifrakh]. 2011. N 2. P. 14–16. (In rus)
5. The businessman and the investor in the Internet: practice of interaction / under the editorship of V. V. Kossov. M. : Master, 2009. 95 p. (In rus)
6. A talk of men on a mobile web, apples and death of “plastic” // Internet in figures [Internet v tsifrakh]. 2011. N 2. P. 24–30. (In rus)

About the authors:

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Tatyana V. Vasilyeva, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; 15351538@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-139-144

Третейский суд как альтернативный способ разрешения споров в сфере бизнеса: история и современность

Барабанов А. А.[1, *], *Кайнов В. И.*[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *tony.barabanov@list.ru
[2]Российский государственный университет правосудия (Северо-Западный филиал), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ
В статье рассматриваются проблемы деятельности третейских судов на примере Древнего Рима и в их современном состоянии. Для нашей страны третейские суды — сравнительно новая система урегулирования экономических споров. В настоящее время деятельность третейских судов подвержена критике со стороны бизнес-сообщества и требует дальнейшего совершенствования. Одним из основных преимуществ передачи в третейский суд возникшего спора является его более быстрое рассмотрение. Тем не менее, в настоящее время количество обращений в третейские суды недостаточно. Главной причиной этого обстоятельства является невысокий авторитет института третейских судов, а также низкая осведомленность граждан о преимуществах третейского разбирательства. Превращение третейского суда в полноценный институт защиты прав и законных интересов представителей деловых кругов является приоритетной задачей для общества и государства.

Ключевые слова: третейское разбирательство, бизнес-сообщество, суд, частное лицо, экономический спор

Referees Court as an Alternative Way of Settlement of Disputes in the Sphere of Business: History and Present

Anton A. Barabanov[a, *], *Vladimir I. Kaynov*[b]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *tony.barabanov@list.ru
[b]Russian State University of Justice (North-West Branch), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT
In the article, problems of activity of the referees courts on the example of Ancient Rome and its current state are considered. For our country the referees courts — rather new system of solving of economic disputes. Now activity of the referees courts is subject to criticism from business community and demands further improvement. One of the main advantages of transfer to the referees court of the arisen dispute is its faster consideration. Nevertheless, now the number of appeals to the referees courts are not enough. The low authority of institute of the referees courts and low awareness of citizens on advantages of referees trial is the main reason of this circumstance. Transformation of the referees court into full-fledged institute of protection of the rights and legitimate interests of representatives of a business community is a priority task for society and the state.

Keywords: referees trial, business community, court, individual, economic dispute

С учетом построения в современной России правового, демократического государства, развития предпринимательства, необходимо учитывать историко-правовой опыт в сфере гражданско-правовой защиты прав частных лиц. И таким актуальным

опытом, несомненно, является функционирование в Древнем Риме третейского судопроизводства.

Важную роль в сфере гражданско-правовой защиты прав частного лица в Древнем Риме играло третейское судопроизводство. Одним из понятий римского процессуального права было понятие «compromissum». Прежде всего, оно означало неформальное соглашение (пакт) между двумя сторонами о том, чтобы решение по имущественному спору между ними вынес третейский судья (арбитр), а не государственный судья [1].

Приведем одну из ссылок о рассмотрении дела третейским судьей, которая принадлежит Яволену. Он пишет, что если в силу легата кому-либо предоставлено право на проход или проезд через чужое поле (право сервитута) без всякого определенного указания о том, где именно должен быть проход или проезд, «... то это должно быть определено, и на место, впервые назначенное для прохода, и должен быть установлен сервитут, — другие же части поля являются свободными. Таким образом, должен быть назначен третейский судья, который и должен определить путь...» [2].

Третейское разбирательство имело ряд особенностей: сам термин «compromissum», обозначающий такое разбирательство, говорил о том, третейское решение носило примирительный характер, позволяло тяжущимся сторонам удовлетворить личные или имущественные интересы с наименьшими издержками для себя. Юрисдикция третейских лиц была ограниченной. Если по рассматриваемому делу было возможно вынести решение о лишении виновной стороны свободы, то третейский судья не мог быть принужден вынести судебное решение, так как такое дело должно было рассматриваться на более высоком уровне.

Важно отметить, что спорящие стороны были обязаны подчиниться вынесенному им решению. Игнорирование третейского решения порождало требование о наложении штрафа. Вместе с тем, наличие у решения третейского судьи принудительной силы не должно было привести к появлению конкурирующей судебной власти. Принудительность судебного решения третейского судьи была обусловлена рядом существенных ограничений. Третейский судья не мог, например, приговорить одного из тяжущихся к денежной выплате, совершенно не затронув, при этом, интересы другой стороны. Такое решение не могло бы считаться компромиссным, примирительным. Юрист Юлиан говорил в связи с этим, что нельзя обязывать третейского судью выносить решение, если одна сторона обещала уплатить штраф, а другая нет; либо если соглашением сторон уплата штрафа была поставлена в зависимость от определенного условия, например «если корабль придет из Азии, то столько-то тысяч будет дано» — третейский судья не может быть принужден вынести решение раньше, чем наступит соответствующее этому решению условие. Никто, в частности претор, не имел право принуждать кого-либо к тому, чтобы он принял на себя обязанности третейского судьи, так как, по выражению Ульпиана, это дело свободное, не возникающее в силу обязательства и поставленное вне принудительной юрисдикции.

Претор имел право вмешаться в дело, связанное с третейским разбирательством. Это могло иметь место, если лицо, которое согласилось на то, чтобы его выбрали третейским судьей, повело себя в дальнейшем ненадлежащим образом, например, отказалось выносить решение по делу. Ведь если в ходе обсуждения, — указывает Ульпиан, — были обнаружены тайны совершенной сделки и третейский судья из корыстных соображений отказывается принять самоочевидное решение то «... весьма справедливо, чтобы претор вменил себе в долг вмешаться, чтобы он выполнил взятую на себя обязанность...». При этом, «...если третейский судья пытается скрыться, то претор должен его отыскивать, а если третейский судья долго не явится, то на него должен быть наложен штраф...» (Ульпиан) [3].

Не могли быть избраны в качестве третейского судьи:

- государственные судьи, арбитры и рекуператоры;
- рабы, а также лица, чья правоспособность ограничена по иным причинам. Так, не могли быть выбраны в качестве третейских судей лица, которым не исполнилось 20 лет (их решения не подлежали исполнению). Если же третейским судьей выбирался человек, в возрасте от 20 до 25 лет, то его судейство могло быть разрешено, однако предполагалось допустимой помощь со стороны более опытных лиц;
- лица, находящиеся под опекой и попечительством;
- лица, небеспристрастность, а также моральная нечистоплотность, склонность к подкупу которых были очевидны (известны).

Не мог быть принужден даже высшим магистратом к исполнению обязанности вынести решение в качестве третейского судьи тот человек, от услуги которого тяжущиеся, его таковым избравшиеся, отказались в ходе третейского разбирательства. Если они вновь вернутся к нему, то их просьба вынести решение по поводу тяжбы не может и не должна быть им удовлетворена, так как они ранее нанесли ему оскорбление своим недоверием. Во всяком случае, претор не имел власти принудить третейского исполнить свою обязанность при таком обстоятельстве.

При третейском разбирательстве мог использоваться либо единоличный третейский судья, либо третейский суд, в виде коллегии арбитров. Ульпиан по этому поводу пишет следующее: «... является обычным, что в качестве третейских судей выбираются два лица, и если они не придут к соглашению, то претор должен принудить третейских судей выбрать третье определенное лицо, авторитету которого должно быть оказано повиновение». Если же «...по соглашению сторон третейское разбирательство возложено на трех лиц, то достаточно, если двое придут к соглашению, но если при этом будет присутствовать и третий; при отсутствии же его, хотя бы двое пришли к соглашению, третейское решение не имеет силы...» (Цельс). У Юлиана есть пример, который может быть использован при определении того, как может быть применено решение третейских судей, если каждый из них обладает собственным мнением по тому делу, которое они рассматривают. «Разбирается вопрос, — пишет он, — если из трех третейских судей один присудил к уплате пятнадцати, другой — десяти, третий — пяти, то какое решение должно быть выполнено?». На этот вопрос он отвечает так: следует уплатить пять, так как все согласились на эту сумму [4].

Наконец, довольно важным является и такое высказывание Ульпиана: «Существует мнение, что из соглашения сторон о передаче спора на разрешение третейского суда возникает не эксцепция, а требование о взыскании штрафа». Он имел в виду ситуацию, когда лицо, заключившее соглашение об обращении к третейскому судье, обратилось затем, вопреки этому соглашению, с иском в государственный суд. Современная концепция третейского решения (его окончательность, высокий уровень обязывания и др.) связана с мнением такого рода [2].

В настоящее время третейские суды относятся к альтернативным способам урегулирования экономических споров. Современные третейские суды сочетают в себе как черты традиционного судебного разбирательства, так и характерные признаки примирительных процедур. В процессе построения в России экономики постиндустриального типа третейский суд может стать востребованным и эффективным способом урегулирования конфликтов.

Существует мнение, что ряд ключевых проблем, связанных с деятельностью третейских судов, обусловлен несовершенством нормативно-правовой базы. Тем не менее, совершенно очевидно, что эти проблемы имеют не только правовую, но и социально-экономическую природу. Например, низкая осведомленность граждан о деятельности третейских судов, их невысокий авторитет, являются также след-

ствием того, что данный институт функционирует в нашей стране незначительный по историческим меркам период времени. Третейские суды, как показывает мировой опыт, востребованы в условиях развитой рыночной экономики, которой еще совсем недавно в нашей стране не существовало в принципе [6].

Согласно позиции Н. М. Удаловой, даже при наличии совершенной нормативной базы, количество обращений в третейские суды значительно не увеличится по причине низкой осведомленности лиц о сущности и возможностях третейских судов. Автор полагает, что сделать третейский суд полноценным институтом защиты прав и законных интересов возможно лишь при условии его популяризации [8, с. 61–62].

Проблема усугублялась и тем, что третейские суды самостоятельно не смогли повысить уровень своей институциональной зрелости. Соответственно, для повышения их роли в обществе потребовалось вмешательство со стороны государства. В 2002 г. был принят Федеральный закон № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»[1]. Пути повышения статуса третейских судов стали предметом дискуссии.

В 2012 г. на проблему развития института третейских судов обратил внимание Президент РФ В. В. Путин. В Послании Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. было подчеркнуто, что для того, чтобы сделать бизнес патриотичным, необходимо обеспечить эффективные гарантии защиты собственности и выполнения договоров, сделать привлекательной российскую юрисдикцию[2]. Помимо прочего, Президент заявил о необходимости реформирования системы третейских судов, повышения ее авторитета. Очевидной стала необходимость разработки и принятия нового закона, который бы учитывал изменения, произошедшие за 10 лет с момента принятия ФЗ № 102.

В 2015 г. в существующий закон был внесен ряд поправок. В том же году был принят новый Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» № 382-ФЗ[3]. Еще на стадии законопроекта к его разработке привлекались представители бизнес-сообщества в лице Торгово-промышленной палаты РФ и Российского союза промышленников и предпринимателей. Согласно позиции В. Д. Постанюка необходимо было привлечь и других акторов деловой среды, помимо вышеуказанных организаций [5].

Серьезным преимуществом третейских судов для предпринимательского сообщества, помимо скорости разбора дела, является конфиденциальность третейского разбирательства. Слушание дел проводится в закрытом режиме. В настоящее время взят курс на повышение прозрачности деятельности судов с помощью сети интернет, что, с одной стороны, отвечает современным тенденциям к транспарентности информации, с другой — также может снизить их популярность в деловой среде, высоко ценящей конфиденциальность [5].

На сегодняшний день законодательство позволяет образовывать третейские суды как для решения конкретного спора, так и на постоянной основе. Существенным является тот факт, что третейский суд может самостоятельно принять постановление о своей компетенции. Инициатором создания может выступать торговая палата, организатор торговли, общественное объединение предпри-

---

[1] Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 102-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831/ (дата обращения: 03.09.2018).

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravinfo.ru/dn_2012_50.shtml (дата обращения: 05.09.2018).

[3] Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ (дата обращения: 04.09.2018).

нимателей и потребителей, иная организация, а также объединение таких организаций.

Представляется, что проблема ответственности арбитров в случае, если сторона третейского разбирательства понесет убытки по причине ненадлежащего исполнения им своих обязательств решена не в полной мере. Законодательство регламентирует, что «...правилами постоянно действующего арбитражного учреждения может быть предусмотрена возможность снижения гонорара арбитра в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих функций»[1]. Но правила могут и не предусматривать этой нормы. Соответственно интересы предпринимателей могут пострадать, даже после всех внесенных в законодательство изменений.

Проблема беспристрастности третейских судов изначально являлась дискуссионной, до конца она не решена и в настоящее время, тем не менее, сейчас третейские суды могут быть образованы только при некоммерческих организациях. Примечательно, что подобное новшество было предложено представителями бизнес-сообщества. Суд, функционировавший при коммерческой организации, не мог быть абсолютно беспристрастным, когда компания, являвшаяся одной из сторон, одновременно была и учредителем суда.

В настоящее время создан достаточно эффективный механизм решения вопроса компетентности третейского суда в каждом отдельном случае. Возможно как единоличное, так и коллегиальное разбирательство дел. При всех существующих на сегодняшний день проблемах, следует отметить, что механизм деятельности третейских судов достаточно эффективен. Достигнутый за короткий срок уровень институционального развития третейских судов позволяет предполагать, что существующие недостатки их деятельности могут быть устранены в обозримом будущем.

Литература

1. *Гавриленко В.А.* Третейское разбирательство споров : учеб. пособие / В.А. Гавриленко; Федер. агентство по образованию, Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород : Издательско-полиграфический центр Новгородского государственного университета, 2007.
2. *Кайнов В.И.* Римская юриспруденция : учеб. пособие. СПб., 2012.
3. *Кайнов В.И.* Римское право : учебник и практикум. М. : Юрайт, 2017.
4. *Кайнов В.И., Сафаров Р.А.* Римское частное право: учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2017.
5. *Постанюк В.Д.* Третейское разбирательство: проблемы и перспективы // Новая бухгалтерия. 2015. № 10 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eg-online.ru/article/294882/ (дата обращения: 05.09.2018).
6. *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб. : АНО «Редакция журнала „Третейский суд“» ; М. : Статут, 2015.
7. *Скворцов О.Ю.* Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы. Тенденции. Перспективы. М. : Волтерс Клувер, 2005.
8. *Удалова Н.М.* Третейский суд как альтернативный метод разрешения споров в сфере бизнеса: активизация деятельности // Тезисы Международной научной конференции «Бизнес. Общество. Человек», Москва, 30–31 октября 2013 г. М. : НИУ Высшая школа экономики, 2013.

Об авторах:

Барабанов Антон Анатольевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; tony.barabanov@list.ru

[1] Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/ (дата обращения: 04.09.2018).

Кайнов Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор; kaynov_v@mail.ru

References

1. Gavrilenko V. A. Referees trial of disputes: tutorial / V. A. Gavrilenko. Veliky Novgorod: Publishing and printing center of the Novgorod State University, 2007. 166 p. (In rus)
2. Kaynov V. I. Roman law : tutorial. St. Petersburg, 2012. (In rus)
3. Kaynov V. I. Roman law : textbook and practical work. M. : Urait, 2017. (In rus)
4. Kaynov V. I., Safarov R. A. Roman private law: tutorial. Rostov-on-Don : Phoenix, 2017. (In rus)
5. Postanyuk V. D. Referees trial: problems and prospects // New account [Novaya bukhgalteriya]. 2015. N 10 [An electronic resource]. URL: https://www.eg-online.ru/article/294882/ (date of the address: 9/5/2018). (In rus)
6. Sevastyanov G. V. Legal nature of referees trial as institute of alternative settlement of disputes (private procedural law). SPb. : Editorial Office of the Journal Arbitration; M. : Statute, 2015. (In rus)
7. Skvortsov O. Yu. Referees trial of enterprise disputes in Russia: problems. Tendencies. Prospects. Moscow : Volters Kluver, 2005. 691 p. (In rus)
8. Udalova N. M. Referees court as an alternative method of settlement of disputes in the sphere of business: activity expansion // Theses of the International scientific conference “Business. Society. Person” [Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Biznes. Obshchestvo. Chelovek»], Moscow, on October 30–31, 2013. M. : National Research University Higher School of Economics, 2013. 176 p. (In rus)

About the authors:

Anton A. Barabanov, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; tony.barabanov@list.ru

Vladimir I. Kaynov, Head of the Chair of State and Legal Disciplines of Russian State University of Justice (North-West Branch, Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; kaynov_v@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-145-155

Социализация земельной ренты как способ реконструкции социальной структуры в интересах обеспечения экономической эффективности

Антончева О. А.[1], *Апанасенко Т. Е.*[2]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru
[2]Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Переход земли в такую форму собственности, в которой она служила бы к выгоде того, кто непосредственно трудится на ней, был одним из лозунгов революции. Однако вопрос о том, какой должна быть эта форма собственности, чтобы обеспечить возложенные на нее задачи, оставался открытым даже в теории, подобно вопросу о совместимости государства и безэксплуатационного общества, формах реализации прямого народовластия или возможности перераспределения прибавочного продукта в пользу представителей наемного труда без создания такого института, который ничем иным, кроме как коллективным эксплуататором, быть не может.

Передача земли в частную собственность непосредственным производителям привела бы через некоторое время к имущественному расслоению и вторичному обезземеливанию определенной их части, что противоречило эгалитарной программе революции. Национализация земли создала того самого коллективного эксплуататора в лице государства, аккумулировавшего прибавочную стоимость, но не спешившего перераспределить ее в пользу обрабатывающих землю, что в конечном итоге привело только к ужесточению их эксплуатации.

Претворение потенциально капитализируемого объекта в общественное достояние всегда представляет собой проблему, поскольку никто еще не изобрел механизм такого претворения в условиях существования прибавочного продукта. Однако в более частном вопросе — претворения земли в общественное достояние путем социализации только земельной ренты — советский социализм частично преуспел. В частности, речь идет о дифференциальной земельной ренте. Существование абсолютной земельной ренты при социализме ставилась под сомнение из-за неполного отождествления социалистической монополии и монополии классической политэкономии как источника абсолютной ренты; неотличимости ренты от прибыли на капитал в условиях отсутствия ограничений перетока капитала между секторами экономики, делающего невозможным существование абсолютной ренты в терминах Парето.

Утратив такое свое завоевание, как социализация дифференциальной земельной ренты с падением социализма, эгалитарный процесс вынужден искать другие варианты, уже в условиях частной собственности на землю. Мы поищем их, основываясь на взглядах Генри Джорджа с его предложением заменить налоги земельной рентой, уплачиваемой государству. Тем самым социализация земельной ренты из инструмента устранения эксплуатации преобразуется в инструмент экономической эффективности.

Ключевые слова: земельная рента, капитализируемый объект, общественное достояние, абсолютная рента, дифференциальная рента

Socialization of a Land Rent as a Way of Reconstruction of Social Structure for the Benefit of Ensuring Cost Efficiency

Olga A. Antoncheva[a], *Tatiana E. Apanasenko*[b]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru
[b]Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT
The revolution proclaimed, inter alia, to transfer the ownership of land to those who worked on it for their own benefit. Still, even in theory, it was yet to be defined what kind of ownership was needed to meet its primary objective.

It is always troublesome, when a capitalizable object is transformed into a public asset because in the context of the surplus product situation, no mechanism of such transformation has ever been developed. Nevertheless, soviet socialism achieved some progress in a more specific issue of transforming land into a public asset via socialized land rent, in particular, via a differential land rent. In the socialist time, an absolute land rent was challenged by the non-match between socialist monopoly and monopoly in terms of classical political economy as a source of absolute rent; lack of clear distinction between rent and profit on capital where there are no restrictions on capital overflow between economy sectors thus, rendering absolute rent literally non-existent in Pareto terms.

Since the end of socialism, the egalitarian process has lost its gain of a socialized differential land rent and had to look for other options, this time in the new situation of private land ownership. This brings us to the works of Henry Georges where he suggests replacing taxes by land rent. Thereby socialization of a land rent from the instrument of elimination of social inequality will be transformed to the tool of economic efficiency.

Keywords: land rent, capitalizable object, public asset, differential land rent, absolute land rent

Введение

Существующие на данный момент пути повышения эффективности российской экономики во многом исчерпали себя: цены на нефть экстраординарно возросли за счет несистемного фактора — неожиданно авантюрной политики США по отношению к Ирану, одному из крупнейших нефтяных поставщиков, а темпы роста российской экономики проигрывают даже наиболее развитым странам, за исключением стран с нулевой инфляцией и отрицательной ставкой процента[1]. И хотя экстраординарный рост цен на нефть еще не достиг своего предела, едва ли ставка на данный фактор способна сработать в перспективе в условиях твердого намерения США составить мощную конкуренцию на мировом рынке поставщикам энергоносителей. Поэтому предлагаем рассмотреть такой достаточно нетрадиционный инструмент повышения эффективности национальной экономики, как замена налогов земельной рентой, переведенной в категорию общественного достояния.

Проблема социализации земельной ренты занимала общественные умы, но в большей степени с точки зрения преобразования общества в сторону эгалитаризации и социальной справедливости, поисков формы решения задачи перераспределения незаработанного дохода в пользу тех, кто этот доход создает. Эта задача, впрочем, до сих пор не решена даже в теории: сделать общественным достоянием потенциально капитализируемый объект в условиях существования прибавочного продукта чрезвычайно трудно. Любой механизм перераспределения прибавочного продукта от социальной группы, присваивающей его, в пользу его производителей или в пользу общества в целом требует создания института, который не может освободиться от функций эксплуататора, хотя бы в силу того, что он наделен властью распоряжаться прибавочным продуктом. Этот институт может функционировать в интересах производителей (может быть поставлен политическими механизмами под контроль

[1] Ср. темпы роста ВВП на июнь 2018 г.: России 0,9%, Еврозоны 0,4%, США 3,5%; на сентябрь 2018 г.: Японии 0,1%, Великобритании 0,4%; инфляции на сентябрь 2018 г.: России 3,4%, Еврозоны 2,1%, США 2,3%, Японии 1,2%, Великобритании 2,4%; ставки процента на октябрь 2018 г.: России 7,5%, Еврозоны 0%, США 2,25%, Японии 0,1%, Великобритании 2,4% (https://ru/tradingeconomics.com. дата обращения: 28.10.2018).

производителей; разработать такие политические механизмы тоже пока не удалось), но в момент изъятия прибавочного продукта он все равно выполняет функцию эксплуататора; то, в пользу кого прибавочный продукт будет перераспределен, начинает зависеть от субъективных факторов, не детерминированных экономической системой, позиционирующей себя в качестве безэксплуатационной.

Если данная проблема не была решена в теории, тем более ее решение не могло быть получено на практике. Советское государство стало собственником средств производства и заняло место частных собственников-эксплуататоров в качестве коллективного эксплуататора. И хотя в целом это государство было наделено волей действовать в интересах трудящихся, нельзя сказать, что степень эксплуатации последних понизилась, по крайней мере, этого нельзя сказать относительно отдельных исторических периодов. С точки же зрения экономического развития, как коллективный собственник государство было менее эффективным по сравнению с частным собственником, поскольку исключало задействование механизма частной заинтересованности в повышении отдачи от факторов производства, что в итоге и привело к краху социализма.

Советский социализм, таким образом, не сумел уничтожить эксплуатацию в целом за счет создания механизма социализации собственности. Но он сумел изобрести частное решение этого вопроса: в советском государстве была социализирована земельная рента (дифференциальная), которая является наиболее яркой формой присвоения незаработанного дохода. Это было немалым завоеванием эгалитарного процесса, но с падением социализма данное завоевание было утрачено. Тем не менее, в рамках советской системы был создан вполне реальный механизм перераспределения дифференциальной земельной ренты в пользу общества.

Побочным продуктом исследования путей социализации земельной ренты была идея замены всех налогов изъятием земельной ренты в пользу государства. Теоретически неожиданным эффектом такого изъятия оказывается рост экономической эффективности по понятным причинам, даже в условиях абстрагирования от проблем социальной справедливости. Социализировать земельную ренту так, как это было сделано в советском государстве, в условиях частной собственности на землю невозможно. Однако это возможно сделать иным способом. Отсюда цель настоящей работы: проанализировать возможности социализации земельной ренты в условиях частной собственности на землю с целью именно повышения экономической эффективности, предварительно развеяв мистику категории земельной ренты и доказав, что социализация земельной ренты в условиях советского социализма имела место.

Степень разработанности проблемы

Задачу создания механизма социализации земельной ренты ставили перед собой К. Маркс, В. И. Ленин (в условиях общественной собственности на землю) и Г. Джордж, В. Лексис (в условиях частной собственности на землю). В первом случае задача не была решена окончательно, предполагалось, что обобществление собственности на землю решит вопрос автоматически, и конкретный механизм социализации земельной ренты был разработан уже на практике. Подробно этот механизм анализировал О. А. Николайчук [9; 10]. Во втором случае вопрос был решен частично, но радикальное его решение (уничтожение самой возможности присвоения незаработанного дохода) и не предполагалось: был создан механизм преобразования незаработанного дохода в такую форму, которая при определенных ракурсах могла трактоваться как общественное достояние.

Цель, аналогичную заявленной в настоящей работе, ставили перед собой в сво-

их исследованиях джорджисты эпохи Перестройки [20; 21; 22], а также их последователи [2; 6], или же исследователи, хотя явно и не солидаризирующиеся с доктриной Джорджа, но в той или иной форме стремящиеся к общественному изъятию ренты в форме тех или иных налогов [18; 23; 24; 25]. Однако, они не связывали предлагаемую ими форму социализации земельной ренты с элиминацией эксплуатации, видя в первой лишь способ повышения экономической эффективности и конкурентоспособности российской экономики.

Эволюция категории земельной ренты

Категория земельной ренты привлекала к себе внимание с XVIII в.: для физиократов (Ф. Кенэ и А. Тюрго) рента или доход земельных собственников эквивалентна чистому продукту — разнице между ценой продукта и затратами на его производство.

Развил представление о природе дохода землевладельцев Адам Смит [17, с. 205–234]. Один из вариантов теории Смита трактует ренту не как фактор, определяющий цену, а как фактор, определяемый ценой, т. е. род дифференцированной надбавки. Высокая или низкая заработная плата или прибыль на капитал является причиной высокой или низкой цены продукта; больший или меньший размер ренты является результатом последней. Этот вариант понимания земельной ренты, скорее, является источником теории Рикардо. О таком понимании категории ренты со стороны Рикардо писал Х. Джонсон [31].

Давид Рикардо [12, с. 432–445] выводил рентные отношения исключительно из отношений собственности и факта ограниченности ресурсов. Если свободной земли больше, чем собственников, то рента не возникает. Все имеют одинаковое вознаграждение за вложенные в сельскохозяйственное производство труд и капитал. По мере сокращения свободных земель лучшего качества, приобретения в собственность и худших, при равных затратах труда и капитала и цене, устанавливаемой соответственно затратам на худших землях, владельцы лучших участков получат излишек над ценой, который и образует ренту.

При превышении спроса на земледельческие продукты можно вместо перехода к худшим участкам увеличивать затраты труда и капитала на уже обрабатываемой площади. Но, согласно закону уменьшения доходности, приращение дальнейших долей капитала и труда дает все меньшую отдачу. А потому те участки, которые окажутся в более благоприятном положении, т. е. не потребуют дополнительных затрат, будут давать ренту.

Из всего этого следует, что владельцы ренты заинтересованы в сокращении производительности труда и составляют реакционный класс. (Не все историки экономической мысли согласны с тем, что Рикардо имел в виду именно это, есть такие, которые считают, что Рикардо не разделял мальтузианскую точку зрения о тенденции нормы прибыли к понижению [27], а без этого нельзя утверждать, что владельцы ренты заинтересованы в сокращении производительности труда, но все же большинство не оспаривает данный тезис [34; 35]). Это положение верно для времени Рикардо, но не универсально. Рикардо, как и все классики, исходил из посылки, что земли сельскохозяйственного назначения не имеют альтернативного использования. Следует иметь в виду, что даже у Маркса очень много времени ушло на поиски доказательства того, что любой собственник заинтересован не в снижении, а в повышении производительности труда, поскольку цена определяется не наихудшими, а средними затратами, для чего нужно предположить свободу альтернативного перемещения капитала.

Согласно Рикардо, рента — это плата за существующие в ограниченном количестве естественные преимущества для тех, кто владеет их источником. Теория дифференциальной земельной ренты, ни в чем не противоречащая теории Рикар-

до и обогатившая ее фактором не только плодородия земель, но и пространственного преимущества, была сформулирована в модели изолированного государства Тюнена [39].

Позднее теория дифференциальной земельной ренты Рикардо была экстраполирована на отношения, не связанные с землей — социологом А. Шеффле, определяющим ренту как любой доход, получаемый в силу особых преимуществ, и А. Маршаллом, связавшим ренту с установлением рыночных цен [8, с. 42–51].

Что касается направления исследований, заданного Шеффле, то рента в данном понимании — как доход или выигрыш, образующийся вследствие любых преимуществ, источником которых является дающая эти преимущества позиция, — впоследствии стала предметом интердисциплинарных исследований, в том числе политических [3; 4; 5; 13–16]. Однако нас интересует все же перераспределение ренты, понимаемой не в переносном, а буквальном смысле как экономический доход, хотя Маршалл трактовал ренту также в духе Шеффле — как следствие любых преимуществ вообще, но ограниченных рамками экономики. Исследование ренты в данном ключе также имеет свои традиции [32; 38; 40].

Согласно Маршаллу, устойчивое равновесие существует, когда цена равна издержкам, а спрос равен предложению. Но когда такое равновесие недостижимо, излишек цены над издержками образует ренту редкости.

Поскольку настоящая работа преследует цель, скорее, выявить эксплуататорскую сущность ренты и ответить на вопрос, не разумнее ли было бы — и каким образом — передать ренту обществу, для нас более важна проблема абсолютной ренты, а не маршаллианская маскировка капиталистического порядка капиталистической системой (по удачному выражению Р. Хайлбронера [19]).

Существует проблема абсолютной ренты в учении Рикардо, и законченная теория абсолютной ренты у сен-симонистов и К. Родбертуса [33], но это все поглощает теория Маркса [7, с. 669–885].

У Рикардо абсолютная рента теоретически возможна за счет монополистических цен на сельскохозяйственные продукты, когда свободных земель больше нет, а дальнейшее приложение капитала к земле больше не дает выгоды, однако практически такое положение вещей представлялось Рикардо делом космически отдаленного будущего. У Маркса же такая ситуация уже присутствует в настоящем в силу земельной собственности: не могут же собственники худших и лишенных инвестиций земель допустить отсутствие ренты, несмотря на наличие еще худших свободных земель и неисчерпанности возможностей повышения производительности труда на уже занятых землях, поэтому, в случае абсолютной ренты, земельная собственность является причиной повышения рыночной цены сельскохозяйственной продукции над ценой производства до того уровня, чтобы образовалась рента. Механизм образования абсолютной ренты — дефицит предложения свободных земель, создаваемый властью земельного собственника не отдавать в обработку землю, не приносящую ренту.

Социалистический путь социализации земельной ренты

Согласно Ленину, простое уничтожение частной собственности на землю и означает социализацию земли. «При отмене частной собственности на землю ренту получит государство», — писал Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» [6, с. 274], полагая, что вопрос решается автоматически, хотя факт огосударствления земли еще не означает социализации земельной ренты. В действительности, с ликвидацией частной собственности на землю в нашей стране сложилась следующая картина. Государство стало монопольным собственником земли. Там, где существовала государственная собственность, государство

не только регулировало, но и непосредственно управляло экономикой. Оно централизованно распределяло инвестиционные ресурсы и оборотные средства, устанавливало производственные задания, что фиксировало отраслевую и региональную структуру экономики, и брало на себя распределение продукции через закупки ее государственными органами по централизованно установленным ценам.

Когда не существовало собственности, отграниченной от другой собственности, как источника ренты, ничто, кроме государственной воли, не мешало перетоку капиталов из одного сектора в другой, абсолютная рента возникнуть не могла. Дифференциальная же рента социализировалась следующим образом. Система государственного планирования сельскохозяйственного производства и распределения продукции логически требовала равной выгодности производства в различных природно-климатических зонах. Планирующему центру приходилось не просто устанавливать закупочные цены, но, для обеспечения равной выгодности производства, дифференцировать эти цены по природно-климатическим зонам страны: одно и то же зерно в северных регионах покупалось государством по более высокой цене, чем на юге. Так сложилась система дифференцированных закупочных цен.

Нетрудно понять, что чем больше устанавливалось ценовых зон, тем более закупочная цена приближалась к индивидуальным издержкам сельскохозяйственных производителей, и рента, получающаяся из природных преимуществ, которыми обладали одни сельскохозяйственные производители, ликвидировалась у них и передавалась в распоряжение тех сельскохозяйственных производителей, которые не имели природных преимуществ.

Социализация земельной ренты в условиях частной собственности на землю

Утратив такое свое завоевание, как социализация дифференциальной земельной ренты, с падением социализма, эгалитарный процесс вынужден искать другие варианты, уже в условиях частной собственности на землю. Рассмотрим путь, предложенный Генри Джорджем [29; 30; 37]. В своей книге «Прогресс и бедность» (1879 г.) [30] он предложил конфискацию всех рентных доходов в духе физиократов. Это был бы «единый налог», так как он позволил бы отменить все другие налоги: поступлений единого налога хватило бы на покрытие всех расходов государства. Единый земельный налог — единственный среди других налогов, который не может быть «переложен», потому что, по определению, рента и так находится на максимально высоком уровне.

Теория Джорджа во все эпохи натыкалась на яростную критику. С одной стороны, это объяснимо пресловутыми «классовыми интересами» (об абсолютно несправедливой критике Джорджа, связанной с искажением его взглядов и прямым уходом от поднимаемых им проблем, писали С. Корд и другие [28; 26]), с другой, конечно, в теории Джорджа при большом желании действительно можно найти множество уязвимых мест. Отчасти чисто классовая критика Джорджа основана на ложном впечатлении, будто он выступал в пользу национализации земли. На самом деле он только предложил обложить налогом чистую земельную ренту за вычетом доходов от улучшения качества земельных участков. «С технической стороны осуществить замысел Джорджа нисколько не труднее, чем провести различие между доходом и капиталом при взимании прогрессивного подоходного налога» [1, с. 78].

Практическое влияние Джорджа можно найти в законодательстве местного самоуправления США, Австралии и Новой Зеландии. В английском Акте о планировании малых городов и деревень от 1947 г. был использован принцип налогообложения приростов будущих доходов от всех земельных участков. Свою программу имели

российские джорджисты эпохи перестройки [20; 21; 22] и их последователи [2; 6]. Проблема передачи потенциально капитализируемого объекта в общественное достояние, так или иначе, ставится все время [36]. Таким образом, как бы ни критиковали теорию Джорджа, его путь социализации земельной ренты можно воплотить на практике.

Выводы

1. Для анализа возможностей социализации земельной ренты в условиях частной собственности на землю с целью повышения именно экономической эффективности мы примем определение Рикардо: рента — это плата за существующие в ограниченном количестве естественные преимущества для тех, кто владеет их источником. Данное применимо как к концепции ренты, как незаработанного дохода, так и к отрицающим эксплуатацию теориям эквивалентного обмена факторов производства и дохода на них; легко экстраполируется на несельскохозяйственные земельные отношения, связанные с добычей полезных ископаемых и с экономикой городской недвижимости, а также на отношения, не связанные с землей.
2. Социализация земельной ренты в условиях советского варианта социализма осуществлялась с помощью механизма установления ценовых зон, приближающихся к индивидуальным издержкам предприятия.
3. Механизм, используемый советской системой в условиях невозможности централизованного ценообразования, следует модифицировать в направлении изъятия ренты в качестве замены налогов с экономического субъекта. Достаточно очевидно, какой резерв для повышения экономической эффективности представляет собой отмена налогов. Побочным эффектом данного инструмента повышения экономической эффективности будет, опять же, очевидно, реконструкция социальной структуры общества в направлении большей эгалитаризации и социальной справедливости, поскольку дифференциальная земельная рента является доходом, получаемым экономическим субъектом без заслуг перед экономическим процессом, как бы ренту ни определять. Несмотря на выкладки теоретиков о возможности определения величины дифференциальной земельной ренты с целью ее изъятия, и даже при наличии прецедентов законодательства некоторых стран и субъектов местного самоуправления, пути расчета земельной ренты разнообразны и не так очевидны, соответственно, не очевиден ответ на вопрос, покроют ли рентные доходы потребности государственного бюджета, какие именно налоги способны они заменить и в какой степени. Решить данную задачу представляется возможным сравнением вариантов экспериментальным путем.

Литература

1. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М. : Дело ЛТД, 1994.
2. *Кириллина М. В.* Социализация земельной ренты как фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики // Социальное государство: вызовы XXI века: труды XIII Чаяновских чтений / отв. ред. Н. И. Архипова. М. : Российский государственный социальный университет, 2013. С. 314–319.
3. *Латков А. В.* Рентоориентированное поведение политических акторов в государствах Восточной Европы: теоретические аспекты // Человек и власть в современной России: Межвузовский научный сборник. 2006. Вып. 8. С. 112–119.
4. *Латков А. В., Барашов Н. Г.* Центро-периферийные отношения в экономико-политическом развитии России // Российско-европейское партнерство в контексте международных отношений: материалы международных научно-практических конференций (Саратов, 15 октября 2003 г., 10 ноября 2004 г.). Саратов: СГСЭУ, 2005. С. 52–57.

5. *Латков А. В., Погребинская Е. А.* Особенности изъятия административной ренты на разных уровнях экономики // Теория и практика межуровневого взаимодействия хозяйственных систем: материалы международной научно-практической конференции (Саратов, 27–28 мая 2004 г.). Саратов: СГСЭУ, 2004. С. 56–58.
6. *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов / Соч. 5-е изд. Т. 16. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 193–413.
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1978. Т. III. Кн. III. Ч. II. I–IV, 509–1084 с.
8. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 3-х т. / пер. с англ. М. : Издательская группа «Прогресс», 1993. Т. 3.
9. *Николайчук О. А.* Современные аграрные отношения и проблемы земельной ренты. Псков : Псковский педагогический институт им. С. М. Кирова, 2001. 156 с.
10. *Николайчук О.* Способы изъятия земельной ренты // АПК: экономика, управление. 2004. № 2. С. 63–71.
11. *Рахматов Х. Б.* Регулирование земельных отношений с учетом взаимосвязи формы собственности, земельной ренты и системы налогообложения доходов сельхозпроизводителей // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2015. Т. 1. № 1 (48). С. 112–119.
12. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения / Антология экономической классики. М. : МП «Эконов» ; Ключ, 1993. 475 с.
13. *Саталкина Н. Л.* Рента как экономическая основа российской экономики // Вестник научных конференций. 2016. № 2–2 (6). С. 103–106.
14. *Саталкина Н. Л.* Рентные отношения в процессе экономической трансформации субъектов хозяйственного социума // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 414–417.
15. *Саталкина Н. Л.* Система экономических взаимодействий рентных отношений в условиях трансформации хозяйственного социума: дис. ... канд. экон. наук. Кострома, 2008. 106 с.
16. *Саталкина Н. Л.* Статусная рента как форма несистемных экономических отношений // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г. Тамбов, 2014. С. 140–141.
17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Антология экономической классики. М. : МП «Эконов» ; Ключ, 1993. 475 с.
18. *Тляшок З. Х., Тляшок Т. Р.* Природная рента как источник национального благосостояния // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сборник научных трудов по материалам XIII региональной научной конференции. Майкоп, 2016. С. 236–240.
19. *Хайлбронер Р. Л.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 41–55.
20. *Харрисон Ф.* Налоговая реформа и экономика города. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград» ; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
21. *Чистякова Т., Харрисон Ф.* Земельная рента — стратегическое оружие России. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград» ; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
22. *Чистякова Т., Харрисон Ф., Смит Ф.* Изменение системы налогообложения и демонополизация промышленности. СПб. : Научно-исследовательский центр «Экоград»; Лондон : Ассоциация научных исследований в области экономических и общественных наук, 1993.
23. *Яруллин Р. Р.* О земельной ренте как основе государственных финансов // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2006. № 2. С. 45–46.
24. *Яруллин Р. Р., Цыкало А. П.* Налог на добавленную стоимость как инструмент взимания земельной ренты // Достижения аграрной науки — производству // Материалы 110-й научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов университета. Уфа : Издательство Башкирского государственного аграрного университета, 2004. С. 204–206.
25. *Яхина Р. Р.* Земельный налог как форма отчуждения земельной ренты // Достижения молодых ученых — аграрному производству // Материалы республиканской научно-практической конференции молодых ученых и аспирантов. Уфа : Издательство Башкирского государственного аграрного университета, 2004. С. 292–294.
26. *Andelson R.* (ed.). Critics of Henry George. A Centenary Appraisal of Their Strictures on Progress and Poverty. Rutherford, n. J.: Fairleigh dickenson University Press, 1979.

27. *Barkai H.* Ricardo's Second Thoughts on Rent as a Relative Share // Southern Economic Journal. 1966. Vol. 32. N 3. P. 285–293.
28. *Cord S. B.* Henry George: Dreamer or realist? (1965). N.Y. : Robert Schalkenbach Foundation, 1984. 272 p.
29. *George H.* A Single Tax on Land Values. In: Gherity J. A. (ed.). Economic Thought: A Historical Anthology. L., 1965.
30. *George H.* Progress and Poverty. L., 1955.
31. *Johnson H. G.* An Error in Ricardo's Exposition of his Theory of Rent // The Quarterly Journal of Economics. 1 November 1948. Vol. 62. Issue 5. P. 792–793.
32. *Krueger A. O.* The Political Economy of the Rent Seeking Society // American Economic Review. 1973. N 3 June. P. 291–303.
33. *Rodbertus J. K.* Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grund rente und Begrundung einer neunen Renten theorie. Berlin, 1851.
34. *Samuelson P. A.* A Modern Treatment of the Ricardian Economy I. The Pricing of Goods and of Labor and Land Services // The Quarterly Journal of Economics. 1 February 1959. Vol. 73. Issue 1. P. 1–35.
35. *Samuelson P. A.* A Modern Treatment of the Ricardian Economy: II. Capital and Interest Aspects of the Pricing Process // The Quarterly Journal of Economics. 1 May 1959. Vol. 73. Issue 2. P. 217–231.
36. *Shutaeva E. A., Pobirchenko V. V., Kakutich E. Y.* Socialisation as a factor of the world economy development in the conditions of globalisation // Экономика и предпринимательство. 2016. N 1–1 (66). С. 465–469.
37. *Teilhac E.* Pioneers of American Economic Thought in the Nineteenth Century (translated by E. A. Johnson). N.Y. : Macmillan, 1936.
38. *Tullock G.* The Economics of Special Privilege and Rent Seeking. Boston : Kluwer Academic Publishers, 1989.
39. *Thünen J. H.* Der isolierte Staat in Bezielung auf Landwirtshaft und Nationalekonomie. Berlin, 1875.
40. *Worcester D. A. Jr.* A reconsideration of the theory of rent // American Economic Review. June 1946. N 36 (3). P. 258–277.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Blaug M. Economic theory in retrospect. M. : Business LTD., 1994. (In rus)
2. Kirillina M. V. Socialization of a land rent as factor of improving competitiveness of national economy // Social state: calls of the 21st century. Works of XIII Chayanov readings / ex. edition of N. I. Arkhipov. M. : Russian State Social University, 2013. P. 314–319. (In rus)
3. Latkov A. V. Rent-oriented behavior of political actors in the states of Eastern Europe: theoretical aspects // Person and the power in modern Russia: Interuniversity scientific collection. 2006. Issue 8. P. 112–119. (In rus)
4. Latkov A. V., Barashov N. G. Centre-peripheral relations in economic and political development of Russia // Russian-European partnership in a context of the international relations: Materials of the international scientific and practical conferences (Saratov, on October 15, 2003, on November 10, 2004). Saratov : SSSEU, 2005. P. 52–57. (In rus)
5. Latkov A. V., Pogrebinskaya E. A. Features of withdrawal of an administrative rent at the different levels of economy // Theory and practice of inter-level interaction of economic systems: materials of the international scientific and practical conference (Saratov, on May 27–28, 2004). Saratov: SSSEU, 2004. P. 56–58. (In rus)
6. Lenin V. I. The agrarian program of social democracy in the first Russian revolution of 1905–1907 / Works. 5th edition. V. 16. M. : State publishing house of political literature, 1961. P. 193–413. (In rus)

7. Marx K. Capital. Criticism of political economy. M. : Politizdat, 1978. V. III. Book III. Part II. I–IV, 509–1084 p. (In rus)
8. Marshall A. Principles of economic science. In 3 v. / translation from English. M. : Publishing group Progress, 1993. V. 3. (In rus)
9. Nikolaychuk O. A. Modern agrarian relations and problems of a land rent. Pskov: Pskov pedagogic Institute of S. M. Kirov, 2001. 156 p. (In rus)
10. Nikolaychuk O. Ways of withdrawal of a land rent // Agrarian and industrial complex: economy, management [APK: ekonomika, upravlenie]. 2004. N 2. P. 63–71. (In rus)
11. Rakhmatov H. B. Regulation of the land relations taking into account interrelation of form of ownership, a land rent and the system of taxation of income of agricultural producers // Messenger of the university [Vestnik universiteta] (Russian-Tajik (Slavic) University). 2015. V. 1. N 1 (48). P. 112–119. (In rus)
12. Ricardo D. Beginnings of political economy and taxation // Anthology of economic classics. M. : Econov ; Key, 1993. 475 p. (In rus)
13. Satalkina N. L. Rent as economic fundamentals of the Russian economy // Messenger of scientific conferences [Vestnik nauchnykh konferentsii]. 2016. N 2–2 (6). P. 103–106. (In rus)
14. Satalkina N. L. The rent relations in the course of economic transformation of subjects of economic society // Messenger of the Tambov University. Series: Humanities [Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2008. N 11 (67). P. 414–417. (In rus)
15. Satalkina N. L. The system of economic interactions of the rent relations in the conditions of transformation of economic society: dissertation. Kostroma, 2008. 106 p. (In rus)
16. Satalkina N. L. A status rent as a form of the non-systemic economic relations // Science and education in the 21st century. The collection of scientific works on materials of the International scientific and practical conference on October 31, 2014 Tambov, 2014. P. 140–141. (In rus)
17. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Anthology of economic classics. M. : Econov ; Key, 1993. 475 p. (In rus)
18. Tlyashok Z. H., Tlyashok T. R. Natural rent as source of national welfare // Modern science: theoretical and practical look. The collection of scientific works on materials XIII of a regional scientific conference. Maykop, 2016. P. 236–240. (In rus)
19. Heilbroner R. L. Economics as Universal Science // THESIS: theory and history of economic and social institutes and systems [THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem]. 1993. Issue 1. P. 41–55. (In rus)
20. Harrison F. Tax reform and city economy. SPb. : Research center Ecograd; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
21. Chistyakova T., Harrison F. A land rent — strategic weapon of Russia. SPb. : Research center Ecograd ; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
22. Chistyakova T., Harrison F., Smith F. Change of a system of taxation and demonopolization of the industry. SPb. : Research center Ecograd ; London: Association of scientific research in the field of economic and social sciences, 1993. (In rus)
23. Yarullin R. R. About a land rent as a basis of public finances // Bulletin of the Bashkir State Agricultural University [Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta]. 2006. N 2. P. 45–46. (In rus)
24. Yarullin R. R., Tsykalo A. P. A value added tax as the instrument of collection of a land rent // Achievement of agrarian science — to production. Materials of the 110th scientific and practical conference of teachers, employees and graduate students of the university. Ufa : Publishing house of the Bashkir State Agricultural University, 2004. P. 204–206. (In rus)
25. Yakhina R. R. Land tax as a form of alienation of a land rent // Achievement of young scientists — to agrarian production. Materials of a republican scientific and practical conference of young scientists and graduate students. Ufa : Publishing house of the Bashkir State Agricultural University, 2004. P. 292–294. (In rus)
26. Andelson R. (ed.). Critics of Henry George. A Centenary Appraisal of Their Strictures on Progress and Poverty. Rutherford, n. J.: Fairleigh dickenson University Press, 1979.
27. Barkai H. Ricardo's Second Thoughts on Rent as a Relative Share // Southern Economic Journal. 1966. Vol. 32. N 3. P. 285–293.
28. Cord S. B. Henry George: Dreamer or realist? (1965). N. Y. : Robert Schalkenbach Foundation, 1984. 272 p.
29. George H. A Single Tax on Land Values. In: Gherity J. A. (ed.). Economic Thought: A Historical Anthology. L., 1965.

30. George H. Progress and Poverty. L., 1955.
31. Johnson H. G. An Error in Ricardo's Exposition of his Theory of Rent // The Quarterly Journal of Economics. 1 November 1948. Vol. 62. Issue 5. P. 792–793.
32. Krueger A. O. The Political Economy of the Rent Seeking Society // American Economic Review. 1973. N 3 June. P. 291–303.
33. Rodbertus J. K. Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grund rente und Begrundung einer neunen Renten theorie. Berlin, 1851.
34. Samuelson P. A. A Modern Treatment of the Ricardian Economy I. The Pricing of Goods and of Labor and Land Services // The Quarterly Journal of Economics. 1 February 1959. Vol. 73. Issue 1. P. 1–35.
35. Samuelson P. A. A Modern Treatment of the Ricardian Economy: II. Capital and Interest Aspects of the Pricing Process // The Quarterly Journal of Economics. 1 May 1959. Vol. 73. Issue 2. P. 217–231.
36. Shutaeva E. A., Pobirchenko V. V., Kakutich E. Y. Socialisation as a factor of the world economy development in the conditions of globalisation // Экономика и предпринимательство. 2016. N 1–1 (66). С. 465–469.
37. Teilhac E. Pioneers of American Economic Thought in the Nineteenth Century (translated by E. A. Johnson). N. Y. : Macmillan, 1936.
38. Tullock G. The Economics of Special Privilege and Rent Seeking. Boston : Kluwer Academic Publishers, 1989.
39. Thünen J. H. Der isolierte Staat in Bezielung auf Landwirtshaft und Nationalekonomie. Berlin, 1875.
40. Worcester D. A. Jr. A reconsideration of the theory of rent // American Economic Review. June 1946. N 36 (3). P. 258–277.

About the author:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Public Relations and Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@sziu.ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanassenko2008@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-156-165

Пенсионная реформа: взгляд из регионов

*Гущ В. В., Прошина Е. М.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elena_proshina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются недостатки пенсионной реформы, разработанной и предложенной Правительством РФ в июле 2018 г., не учитывающей региональную специфику, в том числе асимметричное развитие (экономическое, социальное и демографическое) национальных республик и регионов РФ.

Ключевые слова: региональная политика, пенсионная реформа, неравномерность развития регионов РФ

Pension Reform: View from the Regions

*Vladimir V. Gushch, Elena M. Proshina**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *elena_proshina@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the shortcomings of the pension reform developed and proposed by the Government of the Russian Federation in July 2018, which does not take into account regional specifics, including the asymmetric development (economic, social and demographic) of the national republics and regions of the Russian Federation.

Keywords: regional policy, pension reform, uneven development of Russian regions

В вопросах государственной внутренней политики, на данном этапе развития политического процесса, федеральный центр руководствуется мультикультурным управленческим трендом, в основе которого заложен принцип единой политической нации, сформулированный академиком В. А. Тишковым [2; 3]. Данный подход, по мнению руководства РФ, позволит стабилизировать обстановку в национальных республиках. На практике это приводит к дисбалансу в экономической, социальной, культурной и других сферах жизни российского общества. Одни боятся быть ассимилированы, другие — потерять свое автохтонное территориальное право.

Перед тем как приступить к анализу пенсионной реформы, предложенной Правительством РФ в июле 2018 г. с внесенными в нее поправками Президента РФ В. В. Путина от 29 августа, следует обратить внимание на такие аспекты, как неравномерное, асимметричное развитие российских регионов и неоднородную социально-экономическую и демографическую ситуацию в них [1; 5]. Одни регионы РФ являются «донорами», другие — живут на дотации из федерального центра.

Наиболее отчетливо дисбаланс прослеживается в дотациях, выделяемых регионам из федерального центра. Так, например, лидером данного рейтинга является республика Дагестан. Данный субъект РФ безвозмездно получил на свое развитие в 2018 г. 59 млрд руб.[1], в то время как Нижегородская область приблизительно с такой же

[1] Расчет распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности между субъектами Российской Федерации на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов [Электронный

численностью населения получила всего 3,9 млрд руб.[1] из федерального бюджета, несмотря на то, что в Нижегородской области разразился колоссальный демографический кризис. Пятую строчку рейтинга занимает республика Чечня, с 27 млрд руб.[2] дотаций. Такой асимметричный подход в области финансирования регионов вызывает озабоченность у многих авторитетных региональных политиков. Так, например, президент республики Татарстан Р. Миниханов в очередной раз акцентирует внимание федерального центра на то, что «регионы доноры оказались не в лучшей ситуации — есть желание за счет регионов доноров подправить ситуацию у себя»[3]. Следует констатировать, что республика Татарстан в 2018 г. вообще не получила дотаций из федерального центра[4].

Для наглядности возникшего дисбаланса в вопросах дотационной поддержки регионов сравним Чеченскую Республику и Тверскую область. Данные регионы выбраны не случайно: численность населения, проживающего в этих регионах, приблизительно одинакова (по данным Госкомстата среднегодовая численность населения за 2016 г. составила — 1404,5 тыс. чел. в Чечне[5] и 1300,8 в Тверской области[6]); площади этих регионов соответственно составляют 15,6 и 84,2 тыс. км^2 [7]; оба региона являются дотационными. Учитывая объективные данные, приведенные выше, следовало бы предположить, что субсидиарная поддержка этих регионов должна находиться приблизительно на одном уровне. Однако Тверская область в 2018 г. получила из федерального центра всего 4,08 млрд руб.[8], что в 6,75 раз меньше, чем Республика Чечня.

Сравним состояние социальной инфраструктуры этих регионов, приведем некоторые статистические данные. Так, например, многие крупные населенные пункты транзитной Тверской области не газифицированы. Весь регион газифицирован лишь на 64%[9], в то время как внетранзитная Республика Чечня газифицирована на 98%[10].

Также следует отметить количество и качество отремонтированных дорог в рассматриваемых регионах. По экспертным оценкам ОНФ, лидером рейтинга по ка-

---

ресурс] // Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=119735 (дата обращения: 26.09.2018).

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Степанова А. Главные события недели в Татарии (10–16 сентября 2018 года) [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: https://regnum.ru/news/2483282.html (дата обращения: 25.09.2018).

[4] Расчет распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности между субъектами Российской Федерации на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов // Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=119735 (дата обращения: 26.09.2018).

[5] Среднегодовая численность населения субъектов РФ, 2016 г. [Электронный ресурс] // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_myp_reg.php (дата обращения: 25.09.2018).

[6] Там же.

[7] Площадь территории Российской Федерации по субъектам Российской Федерации на 1 января 2017 года [Электронный ресурс] // Справочные таблицы «InfoTables.ru». URL: http://infotables.ru/strany-i-goroda/909-ploshchad-territorij-rf (дата обращения: 25.09.2018).

[8] Расчет распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности между субъектами Российской Федерации на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов // Информация официального сайта Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=119735 (дата обращения: 26.09.2018).

[9] Газификация населенных пунктов Тверской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Тверской области. URL: https://тверскаяобласть.рф/ekonomika-regiona/zhilishchno-kommunalnoe-khozyaystvo/gaz-nas/?print=y&special=y (дата обращения: 26.09.2018).

[10] В Чечне достигнут самый высокий уровень газификации в России [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 22 февраля 2018. URL: https://regnum.ru/news/2383603.html (дата обращения: 25.09.2018).

питальному ремонту дорожного покрытия в РФ является Республика Чечня[1], а Тверская область с ее 160 км[2] отремонтированных региональных дорог даже не вошла в данный рейтинг, несмотря на то, что площадь ее территории в 5,4 раза больше, чем у Чеченской Республики. Для более полной картины можно привести такой пример: жители г. Нелидово Тверской области жалуются на то, что в их населенном пункте по дорогам передвигаться практически невозможно, что подтверждается данными экспертов ОНФ[3].

Можно дополнительно привести данные по количеству жителей, проживающих в ветхом и аварийном жилье. По этим показателям Тверская область в очередной раз занимает лидирующие позиции в антирейтинге — по официальным данным 2920 человек нуждаются в переселении, а общая площадь аварийного и ветхого жилья составляет 49 332,81 м^2 [4]. Таким образом, очевидно, что по объективным признакам Тверская область нуждается в большей финансовой поддержке.

Приступая к теме нашего исследования, можно с уверенностью утверждать, что пенсионная реформа, в том виде, как она представлена Правительством РФ, даже с учетом поправок Президента РФ, в первую очередь, окажет негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в депрессивных, недофинансированных регионах, сосредоточенных в Центральной России и в Зауралье.

На первый взгляд, после корректировки, данное политическое решение поддерживает определенное социальное равновесие и отвечает демографическим вызовам. Поправки, внесенные Президентом РФ, учитывают демографические и гендерные аспекты, а также традиционные ценности, связанные с уважительным отношением к женщине в российском обществе. Так, многодетные матери имеют «право досрочного выхода на пенсию; если у женщины трое детей, то она сможет выйти на пенсию на три года раньше срока. Если четверо детей — на четыре года раньше. А для женщин, у которых 5 и более детей, все должно остаться как сейчас»[5].

Повторим, однако, что даже вышеперечисленные поправки не позволят избежать усиления дисбаланса и демографического кризиса в ряде регионов России. Выделим ключевые проблемные точки, которые, по нашему мнению, нуждаются в оперативной корректировке.

Согласно статистическим данным, как и ожидалось, *средняя продолжительность жизни* в целом по Российской Федерации возросла, но это весьма усредненный показатель, не отражающий региональную специфику, которую требуется учитывать в подходе к распределению дотаций. Как отмечает заместитель директора института демографии НИУ ВШЭ Сергей Захаров, «даже нынешняя пенсионная система,

---

[1]По итогам проекта ОНФ «Карта убитых дорог» Чечня вошла в число лучших регионов по принятию мер по ремонту дорог [Электронный ресурс] // Газета «Вести республики» — 19 декабря 2017. URL: http://vesti95.ru/2017/12 (дата обращения: 26.09.2018).

[2]В Тверской области определили финансирование каждого из объектов программы ремонта местных дорог в 2018 году [Электронный ресурс] // Тверской автотранспортный союз. 26.03.2018. URL: www.tvertas.ru/news/v-tverskoy-oblasti-opredelili-finansirovanie-kazhdogo-iz-obektov-programmy-remonta-mestnyh (дата обращения: 26.09.2018).

[3]ОНФ в Тверской области составили рейтинг «убитых» дорог региона [Электронный ресурс] // ИА «ТИО» — 14 Июля 2017. URL: https://tvernews.ru/news/223120/ (дата обращения: 26.09.2018).

[4]Об утверждении региональной программы «Адресная программа Тверской области по переселению граждан из аварийного жилищного фонда на 2013–2018 годы» (с изменениями на 21 марта 2018 г.) [Электронный ресурс] // Постановление Правительства Тверской области от 25 июня 2013 года № 272-Пп. URL: http://docs.cntd.ru/document/499307933 (дата обращения: 26.09.2018).

[5] Шаповалова А. Какие поправки Путина приняла Госдума [Электронный ресурс] // ИА «Life». 26.09.2018. URL: https://life.ru/kakiie_popravki_putina_priniala_ghosduma (дата обращения: 26.09.2018).

в демографическом смысле, не является всеобщей. По данным за 2016 г., из числа мужчин, достигших 20 лет, только 70% доживает до 60 лет»[1].

Отметим, что в 2018 г. средняя продолжительность жизни по Российской Федерации, представленная Росстатом, — 72,1 год[2]. Правительство РФ, опираясь на этот не вполне объективный показатель, проводит политику, идущую вразрез даже с официальной статистикой, и пытается ускорить легитимизацию и принятие пенсионной реформы. Однако, по данным Росстата, *ожидаемая средняя продолжительность жизни* от региона к региону может отличаться более чем на десять лет. Например, самая высокая продолжительность жизни отмечается в Республике Ингушетия, там население в среднем доживает до 80 лет[3], а самая низкая — 58 лет в Республике Тыва[4].

В табл. 1 представлены некоторые субъекты федерации, в которых мужчинам не удастся выйти на пенсию по причине их физической смерти.

Следует подчеркнуть, что некоторые из приведенных выше субъектов федерации являются регионами «донорами»: Калужская, Ленинградская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Ярославская области; Республика Татарстан; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и др. Население этих регионов исправно платит ежемесячные отчисления в Пенсионный фонд РФ. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в результате непродуманной пенсионной реформы жители этих субъектов будут безвозмездно финансировать кавказское, московское и петербургское долголетие, так как самая высокая *ожидаемая средняя продолжительность жизни* отмечается именно в этих регионах. «Десятка лидеров» по продолжительности жизни среди субъектов РФ приведена в табл. 2.

Естественно, что такое положение не отражает интересов депрессивных регионов, и без того финансируемых по остаточному признаку. Со всей очевидностью можно утверждать, что принятая в таком виде пенсионная реформа окончательно подорвет демографический баланс в Российской Федерации.

Следующий аспект пенсионной реформы, на который необходимо обратить внимание: учитывая президентские поправки, многодетные матери смогут раньше выходить на пенсию, в отличие от женщин, родивших одного или двух детей. Вроде бы все справедливо, однако и тут есть свои не явные ошибки. По данным Общественной палаты РФ самый высокий темп прироста населения, а следовательно, и рождаемости наблюдается в регионах СКФО, а именно в тройке лидеров — Чечня, Ингушетия, Дагестан[5]. В этих регионах прирост населения осуществляется в основном за счет рождаемости, так как по многим причинам указанные регионы не являются привлекательными для мигрантов. Аутсайдерами данного рейтинга являются: Ленинградская, Псковская, Магаданская, Смоленская, Орловская, Брянская, Волгоградская, Тульская, Тамбовская области, а также Республика Мордовия[6]. Следует отметить, что в 65 субъ-

---

[1] Ученый о пенсионной реформе: «мы на грани падения в бездну» [Электронный ресурс] // ИА «Саратов Бизнес Консалтинг». 18 июня 2018. URL: https://news.sarbc.ru/main/2018/06/18/218396.html (дата обращения: 07.10.2018).

[2] Россия: предварительные демографические итоги 2017 года (часть II) [Электронный ресурс] // Институт демографии Национального исследовательского университета «ВШЭ». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0761/barom02.php (дата обращения: 25.09.2018).

[3] Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2015 год (Обн. 2018) [Электронный ресурс] // Страны-города.рф — ресурс о странах и городах. 12.04.2018. URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf (дата обращения: 27.09.2018).

[4] Там же.

[5] Самая высокая рождаемость в Туве, Чечне и Ингушетии — ОП РФ [Электронный ресурс] // ИА Regnum.14.02.2017. URL: https://regnum.ru/news/2238790.html (дата обращения: 27.09.2018).

[6] Там же.

Таблица 1

Регионы, в которых *ожидаемая средняя продолжительность жизни* **у мужчин ниже 65 лет**

Table 1. Regions in which the expected average life expectancy at men is lower than 65 years

Субъект РФ	Оба пола	Муж.	Жен.	Ж — М
1	2	3	4	5
Ярославская область	70,98	64,95	76,69	11,74
Курская область	70,80	64,81	76,78	11,97
Архангельская область	70,71	64,85	76,60	11,75
Ивановская область	70,62	64,71	76,14	11,43
Калининградская обл.	70,58	65,50	75,40	9,90
Ульяновская область	70,46	64,50	76,45	11,95
Удмуртская Республика	70,46	64,24	76,64	12,40
Алтайский край	70,44	64,97	75,84	10,87
Омская область	70,41	64,56	76,17	11,61
Вологодская область	70,40	64,38	76,47	12,09
Костромская область	70,38	64,94	75,68	10,74
Орловская область	70,38	63,96	76,83	12,87
Брянская область	70,36	64,32	76,37	12,05
Самарская область	70,35	64,34	76,28	11,94
Республика Саха (Якутия)	70,29	64,94	75,84	10,90
Мурманская область	70,24	64,48	75,72	11,24
Нижегородская область	70,17	64,05	76,14	12,09
Республика Башкортостан	70,08	64,31	76,03	11,72
Тульская область	70,06	64,01	76,01	12,00
Челябинская область	69,90	63,94	75,75	11,81
Свердловская область	69,83	63,75	75,83	12,08
Владимирская область	69,82	63,86	75,59	11,73
Республика Марий Эл	69,80	63,52	76,36	12,84
Смоленская область	69,74	64,08	75,34	11,26
Красноярский край	69,69	64,01	75,34	11,33
Оренбургская область	69,63	63,87	75,47	11,60
Республика Коми	69,40	63,26	75,66	12,40
Приморский край	69,21	64,04	74,58	10,54
Республика Карелия	69,16	62,86	75,50	12,64
Республика Бурятия	69,15	63,73	74,54	10,81
Тверская область	69,10	63,33	74,85	11,52
Пермский край	69,09	63,08	75,09	12,01
Курганская область	69,03	62,82	75,51	12,69
Хабаровский край	68,72	63,21	74,36	11,15
Новгородская область	68,70	62,47	74,93	12,46

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Республика Хакасия	68,68	63,40	73,83	10,43
Камчатский край	68,56	63,26	74,41	11,15
Псковская область	68,48	62,78	74,27	11,49
Республика Алтай	68,44	62,82	74,19	11,37
Кемеровская область	68,31	62,32	74,32	12,00
Магаданская область	68,11	63,17	73,42	10,25
Сахалинская область	67,99	62,35	74,07	11,72
Иркутская область	67,37	61,31	73,48	12,17
Забайкальский край	67,34	61,92	73,03	11,11
Амурская область	67,27	61,64	73,26	11,62
Еврейская автономная область	65,04	59,12	71,47	12,35
Чукотский автономный округ	64,16	59,35	69,69	10,34
Республика Тыва	63,13	58,05	68,29	10,24

Источник: Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2015 год (Обн. 2018) [Электронный ресурс] // Страны-города.рф — ресурс о странах и городах. 12.04.2018. URL: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf

Таблица 2

Регионы России с самым высоким показателем *ожидаемой средней продолжительности жизни*

Table 2. Regions of Russia with the highest rate of the expected average life expectancy

Субъект РФ	Оба пола	Муж.	Жен.	Ж.–М.
Республика Ингушетия	80,05	76,51	83,02	6,51
Москва	76,77	72,96	80,36	7,40
Республика Дагестан	76,39	73,18	79,47	6,29
Кабардино-Балкарская Республика	74,61	69,82	79,10	9,28
Карачаево-Черкесская Республика	74,44	69,94	78,66	8,72
Санкт-Петербург	74,42	69,83	78,38	8,55
Республика Северная Осетия (Алания)	74,20	68,62	79,42	10,80
Чеченская Республика	73,45	70,35	76,44	6,09
Ставропольский край	73,36	68,61	77,82	9,21
Республика Татарстан	72,81	67,05	78,38	11,33

Источник: Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2015 г.

ектах РФ в среднем по одному ребенку в семье[1]. Следовательно, депрессивные регионы в очередной раз будут финансировать демографический «бум» южных субъектов Российской Федерации, а социально-экономическая нагрузка на среднестатистическую женщину в 65 регионах РФ существенно возрастет. Это также приведет к окончательной утрате традиционных патриархальных ценностей: подрастающее

[1] Там же.

поколение, оставшееся без контроля старших (бабушек и дедушек), будет подвержено еще большему влиянию различных деструктивных субкультур. Как следствие, данная ошибка углубит культурный и демографический кризис во многих регионах Центральной России.

Необходимо особо выделить ситуацию в Туве. Там наблюдаются высокие показатели рождаемости и смертности при низкой продолжительности жизни[1]. Создается такое впечатление, что тувинцы рождаются для того, чтобы финансировать асимметричную пенсионную систему.

Обратимся к следующему аспекту — «теневому» сектору экономики и его процентной составляющей в различных субъектах РФ. Следствием этого являются неравномерные отчисления в ПФР. Следует признать, что разработанная пенсионная реформа не учитывает региональный «теневой» экономический фактор, в результате — регионы с самым высоким уровнем «теневой» экономики, такие как Чеченская Республика, Республики Дагестан, Кабардино-Балкария и Ингушетия[2] будут получать выплаты из ПФР наравне с другими субъектами РФ [4].

Надо учесть тот факт, что в кризисные 90-е годы, а также в период двух чеченских кампаний, ПФР не дополучил выплаты с Северо-Восточного Кавказа, поскольку кланово-тухумные связи замыкали финансы внутри своих клиентел[3]. Естественно, что это будет способствовать усилению центробежных процессов, и в очередной раз регионы с самым низким уровнем «теневой» экономики, такие как Чукотский АО, Мурманская и Ленинградская области[4], будут заложниками уравнительной пенсионной системы.

Существует еще ряд объективных факторов, на которые следовало бы обратить внимание при разработке и принятии пенсионной реформы. Таким фактором может являться уровень безработицы в субъектах РФ, в том числе в молодежной среде. Если рассматривать эту проблему без учета региональной специфики, ее характера и причин и отталкиваться лишь от среднестатистического уровня безработицы в целом по РФ, который в январе 2018 г. составил 5,2%[5], то это также приведет к искажению реальной социально-экономической ситуации в регионах. Так, по данным ФСГС, в некоторых республиках СКФО, например, в Ингушетии безработные составляют больше четверти трудоспособного населения — 26,2%[6]. Не намного лучше дела обстоят в Чечне — 13,9%[7] и Дагестане –12,2%[8]. Эти регионы считаются самыми «молодыми» в РФ, так, например, средний (медианный) возраст населения в Дагестане — 29 лет[9]. Молодежь этих регионов предпочитает трудить-

---

[1] Продолжительность жизни при рождении по регионам России (ожидаемая) за 2015 г.

[2] Корчагин Ю. А. Рейтинг регионов России по теневой экономике [Электронный ресурс] // Центр исследований региональной экономики. Воронеж. 26.07.2010. URL: http://www.lerc.ru/?part=articles&art=21&page=83 (дата обращения: 27.09.2018).

[3] Клиентела — (лат. clientela от cliens — клиент, т. е. зависимый, подчиненный) — форма социальной зависимости, возникшая в период разложения родового и складывания раннеклассового строя.

[4] Корчагин Ю. А. Рейтинг регионов России по теневой экономике [Электронный ресурс] // Центр исследований региональной экономики. Воронеж. 26.07.2010. URL: http://www.lerc.ru/?part=articles&art=21&page=83 (дата обращения: 27.09.2018).

[5] Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2018 года (по итогам обследования рабочей силы) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/36.htm (дата обращения: 06.10.2018).

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Республика Дагестан вошла в число самых «молодых» регионов России [Электронный ресурс] // Минмолодежи РД. 8 февраля 2017. URL: http://minmol.ru/press-tsentr/novosti/respublika-dagestan-voshla-v-chislo-samykh-molodykh-regionov-rossii-_2307 (дата обращения: 27.09.2018).

ся в «теневом» секторе экономики, даже за границей своего региона, что также оказывает влияние на дисбаланс отчислений в ПФ России.

В дополнение к вышесказанному, необходимо обратить внимание на коррупцию, которая в республиках СКФО проникла и в региональные пенсионные фонды. Вот только один пример: в 2014 г. ФСБ провела проверку в Пенсионном фонде Дагестана, в результате которой были выявлены коррупционные схемы, связанные с незаконным выводом средств из Пенсионного фонда республики[1].

Следующий аспект, который необходимо учитывать: в депрессивных регионах Центральной России пенсии являются основным источником доходов для большинства семей, где пенсионеры помогают выживать своим детям и внукам. Увеличение пенсионного возраста повлечет за собой новый виток финансового кризиса в малообеспеченных слоях населения. Это связано с тем, что рабочих мест в депрессивных регионах не хватает даже для молодежи, которая в поисках вакансий уезжает в большие города, а пожилое население остается доживать в квартирах, которые по причине их невостребованности невозможно продать, без работы, а после принятия реформы и без социальных выплат.

В заключение необходимо отметить, что нами рассмотрены только некоторые аспекты, учитывающие недостатки новой пенсионной реформы. Бесспорно, что любая принимаемая социальная программа, тем более пенсионная реформа, затрагивающая все слои населения РФ, должна учитывать специфику регионов РФ, а также социальную, экономическую, демографическую, экологическую ситуацию в них и, в конечном счете, должна отвечать интересам большинства населения страны. Такого баланса не получилось, поэтому, на наш взгляд, предложенная Правительством РФ пенсионная реформа нуждается в серьезной доработке, и не может быть принята без существенных изменений.

На основе проведенного исследования считаем уместным предложить выборочную стратегию повышения пенсионного возраста, с учетом региональной специфики субъектов РФ и приведенных выше факторов. В регионах с высокой продолжительностью жизни, таких как Санкт-Петербург, Москва, республики Ингушетия, Чечня, Дагестан и некоторых других, входящих в топ-10, возможно асимметричное[2] повышение пенсионного возраста. В регионах с низкой *ожидаемой средней продолжительностью жизни* и *низким демографическим потенциалом* автохтонного населения пенсионный возраст необходимо понизить. При всех изменениях пенсионного возраста, также необходимо учитывать экологическую обстановку в регионе. Так, например, жители Свердловской, Челябинской, Московской, Иркутской, Брянской, Нижегородской областей, Красноярского края, Республики Бурятия и др.[3], являющиеся аутсайдерами национального экологического рейтинга, имеют право на досрочную пенсию (с расширенным полисом ДМС) из-за неблагоприятной экологической ситуации в их регионах. Однако здесь необходимо учитывать сроки проживания граждан в данном регионе.

Например, в США существует отдельная программа поддержки стратегически важного региона — Аляски, где проживающему населению предоставляются

---

[1] ФСБ обыскала Пенсионный фонд Дагестана [Электронный ресурс] // ИА Ислам News. 29 января 2014 г. URL: https://www.islamnews.ru/news-FSB-obyskala-Pensionnyj-fond-Dagestana/ (дата обращения: 27.09.2018).

[2] Мы имеем в виду именно «асимметричное» повышение пенсионного возраста в разных субъектах РФ. Так как нельзя сравнивать, например, темпы естественного прироста населения в Санкт-Петербурге и Чечни — в Чеченской Республике темпы ЕПН значительно выше.

[3] Национальный экологический рейтинг. Весна 2018 [Электронный ресурс] // Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль». URL: http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=343 (дата обращения: 06.10.2018).

беспрецедентные, даже по меркам США, льготы и привилегии, которые позволяют компенсировать суровые климатические условия и негативный анклавный фактор. Так, «в 1982 г., правительство Аляски приняло решение направлять четверть всех доходов от продажи нефти непосредственно гражданам штата. Дивиденды получают все зарегистрированные жители Аляски. Самый большой дивиденд власти выплатили в 2008 г.: он составил 3269 долл. на человека»[1]. Такой продуманный подход обеспечивает стабильное развитие региона в составе США.

Также следует отметить, что в России не готова ни социальная, ни экономическая, ни нормативно-правовая база, способная придать представленной реформе законный статус. Поэтому принятая в таком виде пенсионная реформа может привести к еще большему демографическому кризису и фактическому исчезновению малых городов России, которые являются носителями уникальных этнокультурных традиций.

По нашему мнению, будет правильным прислушаться к мнению научного сообщества РФ[2] и откорректировать заново не только многие положения принятой пенсионной реформы, но и основные принципы социальной поддержки регионов со сложной демографической, климатической, экологической ситуацией.

Таким образом, проведенное выше исследование позволяет сделать вывод, что пенсионная реформа — в таком статистически-уравнительном виде — представляет реальную опасность демографическому потенциалу многих регионов РФ и может привести к еще большему дисбалансу в их социально-экономическом положении, что будет способствовать нарастанию центробежных тенденций.

Литература

1. *Крохичева Г.Е., Архипов Э.Л., Восканова А.С., Иванчук Д.А.* Теневая экономика в системе экономической безопасности [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 2. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/64EVN216.pdf (дата обращения: 20.07.2018).
2. *Кузнецова В.А.* Диспропорции экономического развития регионов России [Электронный ресурс] // Экономика. Менеджмент. Человек. 2017. № 3. URL: https: //s.siteapi.org/f48d818f18b0289/docs/5pkbnyyjro0sc8sok44k8kk8s8wg0s (дата обращения: 20.07.2018).
3. *Кузнецова О.В., Кузнецов А.В.* Системная диагностика экономики региона. 4-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016.
4. *Российская* нация. Становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука, 2011.
5. *Тишков В.А.* Российский народ: История и смысл национального самосознания / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука, 2013.

Об авторах:

Гущ Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; guschvl07@rambler.ru

Прошина Елена Михайловна, эксперт факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, профессор; elena_proshina@mail.ru.

---

[1] Аляскинский гектар: как в США заселяют отдаленные районы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 10.02.2017. URL: https://ria.ru/society/20170210/1487655655.html (дата обращения: 07.10.2018).

[2] Ученый о пенсионной реформе: «мы на грани падения в бездну» [Электронный ресурс] // ИА «Саратов Бизнес Консалтинг». 18 июня 2018 г. URL: https://news.sarbc.ru/main/2018/06/18/218396.html (дата обращения: 07.10.2018).

References

1. Krohiseva G. E., Arkhipov E. L., Voskanova A. S., Ivanchuk D. A. *Shadow economy in the system of economic security [Electronic resource] // Online journal «Science studies»* [Internet-zhurnal «Naukovedenie»]. 2016. Vol. 8. N 2. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/64EVN216.pdf (date of access: 20.07.2018). (In rus)
2. Kuznetsova V. A. *Disproportions of economic development of Russian regions* [Electronic resource] // Economy. Management. Man [Ekonomika. Menedzhment. Chelovek]. 2017. N 3. URL: https: //s.siteapi.org/f48d818f18b0289/docs/5pkbnyyjro0sc8sok44k8kk8s8wg0s (date of access: 20.07.2018). (In rus)
3. Kuznetsova O. V., Kuznetsov A. V. *System diagnostics of the regional economy.* 4th ed. M. : LENAND, 2016. (In rus)
4. *Russian nation. Formation and ethno-cultural diversity* / ed. by V. A. Tishkov; Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences. M. : Science, 2011. (In rus)
5. Tishkov V. A. *Russian people: History and sense of national identity.* M. : Science ; Institute of Ethnology and anthropology of Russian Academy of Sciences, 2013. (In rus)

About the authors:

Vladimir V. Gushch, Senior lecturer of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; guschvl07@rambler.ru

Elena M. Proshina, Expert of the Faculty of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Professor; elena_proshina@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-166-173

Комфортная городская среда как определяющий фактор развития мегаполисов

Сергеева О. Е., Лазарева Е. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *sergeevaoe2013@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В работе рассматривается влияние развития крупных городских агломераций на благосостояние и качество жизни. Привлекательность мегаполисов с позиций нарастающей урбанизации, концентрации инвестиционных ресурсов и аккумулирования в них промышленных, финансовых и деловых центров сегодня не однозначно отражается на благополучии и комфортности проживания человека. Конвертация накопленных мегаполисом «богатств» в привлекательную для проживания среду становится труднодостижимой проблемой, требующей исследования основных факторов и параметров комфортного городского проживания. Представленная в работе методика оценки мегаполисов по формируемым параметрам комфортности городской среды позволяет выявить направления необходимого улучшения, или конвертации богатств в качество жизни.

Ключевые слова: факторы комфортности городской среды; удовлетворенность качеством жизни; конкурентоспособность мегаполиса; управление социально-экономическим развитием

Comfortable urban environment as the determining factor of the development of megapolises

Oksana E. Sergeeva, Elena N. Lazareva*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *sergeevaoe2013@yandex.ru

ABSTRACT

The paper examines the impact of the development of large urban agglomerations on the welfare and quality of life. The attractiveness of megacities from the standpoint of increasing urbanization, the concentration of investment resources and the accumulation of industrial, financial and business centers in them today do not unequivocally affect the well-being and comfort of human living. Converting the wealth accumulated by the megalopolis into an attractive living environment becomes an elusive problem that requires research into the main factors and parameters of comfortable urban living. The method for evaluating megacities presented in the paper on the basis of the comfort parameters of the urban environment that we form allows us to identify areas of the necessary improvement, or the conversion of wealth into the quality of life.

Keywords: comfort factors of the urban environment; satisfaction with the quality of life; competitiveness of the metropolis; management of socio-economic development

Введение

Развитие постиндустриального общества XXI в. сопровождается интенсивными процессами урбанизации, концентрацией производства и разукрупнением городов, проникновением капитала и насыщением рынков, наращиванием богатств территории, обеспечиваемых ресурсным потенциалом и возможностями научно-

технического прогресса. Наиболее сильно тенденции накопления богатств прослеживаются в крупных городских агломерациях и мегаполисах, концентрирующих в себе основную часть населения. Именно эти индустриальные территориальные образования приобретают все более значимую роль в жизни людей. Сегодня они представляют доминирующую форму организации территории в мировом пространстве. Согласно докладу Глобального института «Мир городов: картография экономической мощи городов», к 2025 г. четверть мирового населения будет проживать в 600 самых больших городах мира, в которых будет сконцентрировано 60% мирового богатства»[1]. По прогнозам ООН к 2025 г. количество мегаполисов увеличится до 29 [7].

Важность изучения мегаполисов как современных крупных территориальных образований объясняется изменением их роли в обеспечении комфортного проживания и удовлетворенности качеством жизни человека. Современные тенденции инновационного урбанизированного развития, наращивания ресурсной обеспеченности (информационной, технологической, интеллектуальной), масштабность застроек и плотность населения, инфраструктурная и транспортная насыщенность крупных городских агломераций имеют неоднозначную природу влияния на благополучие и жизнедеятельность живущих в них граждан. Согласно последним исследованиям, проводимым крупной международной консалтинговой компанией Boston Consulting Group, результаты которых опубликованы в отчете «Проблема конвертации богатства страны в благополучие населения»[2], одна из актуальных задач развития любой страны заключается в необходимости конвертации богатства территориального образования в качество жизни.

Теоретический обзор факторов развития мегаполиса

Впервые в 1960 г. в монографии Дж. Готмана «Мегаполис» были интерпретированы и выделены из категории крупных городов новые формы образования — мегаполисы [6, с. 74]. Французский исследователь Ф. Бродель, занимаясь вопросами развития крупных урбанизированных городов, выявляя их специфику и особенности функционирования, отмечал тот факт, что города и капиталы породили современные формы организации территории, которые стали мощным драйвером и показателем развития, вызывая изменения [1]. Именно неоднозначность влияния развития мегаполисов на качество и комфортность проживания стала все более проявляться как проблема, требующая изучения.

Как показали исследования, характер корреляции между уровнем благосостояния крупного города и комфортностью проживания в нем населения не всегда носят однозначно позитивный характер. Граждане не всегда испытывают удовлетворенность жизнью и ее качеством в условиях мощной индустриализации, информационной насыщенности, крупной корпоративной капитализации, увеличивающих риски и нагрузки на одну территорию, приводящих к социальной напряженности и нестабильности, загрязненности окружающей среды. Представляется, что население менее богатых городов или стран чувствует себя более счастливым, чем более богатых территориальных образований, где удовлетворенность качеством жизни снижается. Не всем странам на сегодняшний момент удается конвертировать свое богатство в благополучие собственных граждан.

---

[1] Urbanization and Development: Emerging Futures. World Cities Report 2016. Nairobi : United Nations Human Settlements Program (UN-Habitat), 2016.

[2] The Challenge of Converting Wealth into Well-Being, BCG, August 2017 [Electronic resource]. URL: http://media-publications.bcg.com/RUS-Comfortable-environment-report-design-final.pdf (access date: 10/30/2018).

Вопросам изучения тенденций развития городов и мегаполисов посвящены работы В.Ю. Ануприенко, П.И. Бурак, С.Н. Бобылева, А.И. Виноградова, И.В. Довдиенко, Н.В. Маслова, В.И. Осипова, И.А. Рождественской, Э.А. Сафронова, О.В. Плешакова, Б.Н. Порфирьева, А.Н. Тетиора, В.А. Хомич, В.З. Черняк и других авторов. Сегодня в экономической литературе мегаполис представляется как крупная форма расселения, образующаяся при срастании ряда городских агломераций. Мегаполис — стихийно складывающаяся форма городского расселения, возникающая путем срастания нескольких городских агломераций в странах, в которых имеются регионы с большими масштабами урбанизации [2]. Привлекательность мегаполисов определяется их значимостью как крупных деловых и финансовых центров, центров национальной и мировой торговли, развитостью сферы услуг, наличием высококвалифицированных диверсифицированных видов деятельности, центров культуры и искусства. Крупнейшими в мире мегаполисами сегодня являются Лондон, Нью-Йорк, Токио, Москва.

Исследователи считают, что качество жизни населения какой-либо страны невозможно рассматривать отдельно от качества жизни людей в мегаполисах данной страны. Для мегаполисов характерны такие тенденции, как возрастающая плотность населения, высокий уровень концентрации материально-вещественных компонентов жизни, рост информационной и пространственной локализации. Как сложно организованное пространство, городская агломерация наращивает объем выполняемых функций, среди которых можно выделить «демографическо-расселенческую, административно-управленческую, производственную, социально-бытовую, образовательно-культурную, торгово-распределительную, информационную, транспортно-коммуникационную, рекреационно-туристическую, спортивно-оздоровительную и прочие» [4, с. 64]. Двойственную сущность территории, выражаемую, с одной стороны, наращиванием материально-вещественной составляющей, а с другой — социально-личностной составляющей, необходимо рассматривать в системе тесно взаимосвязанных факторных зависимостей, корреляционный эффект которых не является только положительным.

Все это определяет необходимость исследования и создания комфортной городской среды как определяющего фактора повышения качества жизни людей в мегаполисах. Причем не только создание, но и поддержание комфортной городской среды становится необходимой управленческой задачей тактического и стратегического характера. Обеспечение комфортной городской среды становится важным конкурентным преимуществом мегаполисов.

Анализ экономической литературы показал отсутствие единства в понимании понятия «комфортная городская среда», о чем свидетельствуют различные определения, интерпретирующие данное словосочетание. Так, в международной практике употребляется схожее по смыслу с качеством городской среды понятие *liveability* или *quality of living* (англ. — качество жизни). В свой состав данное понятие включает большой набор элементов, требующих количественной определенности для оценивания. Практически все трактовки качества городской жизни включают параметры качества городской среды [3, с. 71]. Для измерения и оценки, как правило, часто используются такие показатели, как температурный комфорт, риск природных катаклизмов, уровень бюрократизации, наличие различных видов опасных животных и насекомых и др.

В российской практике в рамках приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» используется более узкое определение, включающее в себя такие показатели, как содержание города, благоустройство дворов, создание и благоустройство общественных территорий. На основании данной трактовки выделены основные элементы городской среды, представленные в трех категориях:

1) элементы, связанные с территорией и местом проживания людей (жилье и жилищно-коммунальное хозяйство) — дом и двор;

2) элементы, определяющие перемещение людей из одного пункта в другой, обеспечение и соблюдение их безопасности во время передвижения (пешеходная инфраструктура и уровень безопасности) — транзитные пространства;
3) элементы, характеризующие те объекты территории, где люди проводят свое время вне дома (внешняя привлекательность и уникальность города; благоустроенность общественных пространств; досуг, спорт, развлечения) — точки притяжения.

По данным исследований, проводимых движением «Красивый Петербург», в мегаполисе Санкт-Петербург по отдельным вышерассмотренным элементам были получены социологические данные о наиболее серьезных проблемах города (в порядке убывающей значимости)[1]:

1. Парковка на тротуарах и газонах.
2. Вырубка деревьев и недостаточное озеленение.
3. Мусор на улицах, во дворах и парках.
4. Ямы на дорогах и тротуарах.
5. Нелегальная торговля.

Вместе с тем, важность формирования благоприятной городской среды для Санкт-Петербурга отмечается в разработанной стратегии развития города до 2030 г. Политика Санкт-Петербурга в формировании комфортной городской среды сводится к созданию благоприятных условий для жизни населения, ведения бизнеса, привлекательности инвестиционного климата города. В рамках данного представления о комфортной городской среде речь идет не только о достижении высоких стандартов качества жизни, но и об инфраструктурной привлекательности города, в том числе для инвесторов.

Одной из самых сложных проблем на пути к формированию и дальнейшему наращиванию уровня комфортной городской среды на сегодняшний момент являются не только различия в интерпретации и содержательном наполнении данного понятия, но и имеющие место различия в подходах к оценке данного показателя. Комфортность представляет собой синтез различных количественно-качественных показателей, поэтому возникает проблема сопоставимости их друг с другом и точности измерения.

Методологические подходы к исследованию комфортной городской среды

Переосмысление масштабов урбанизированности крупных городских агломераций, концентрации богатств территории определяют понимание значимости факторов, формирующих комфортную городскую среду, и их оценки для устойчивого благоприятного проживания населения. При создании комфортной городской среды важно руководствоваться рядом подходов, получивших наибольшее распространение.

Так, в рамках первого подхода следует использовать единый интегральный показатель, такой как *The Global Liveability Ranking (EIU)* или *Quality of Living City Ranking (Mercer)*. Достоинством данного подхода является то, что в рейтинг включается широкий перечень городов, представленных к сравнительному анализу по системе задействованных показателей. Список городов постоянно обновляется. Недостатком данного подхода является тот факт, что подобные оценочные рейтинги основываются на мнении экспертов, а не на измеримых количественных показателях.

[1] The most serious problems of the urban environment in St. Petersburg [Electronic resource]. URL: https://www.the-village.ru/village/city/news-city/319053-problemy-spb (appeal date 10/28/2018).

Второй подход основан на использовании выбираемого из системы обобщенных показателей какого-либо одного в качестве ориентирообразующего оценочного критерия. Так, например, обобщающим показателем может стать внешняя привлекательность и уникальность города, включающая в себя ряд показателей: количество осветительных мероприятий; наличие стандартизированной политики вывесок; количество значимых достопримечательностей города; достопримечательности ЮНЕСКО; положительная/отрицательная семантика постов в СМИ; популярность основных достопримечательностей в интернет-ресурсах. Эти показатели оцениваются при помощи социологических опросов населения и позволяют оценить городскую среду не с позиций ее объективных характеристик, а с точки зрения влияния, которое она оказывает на жителей мегаполиса. Однако недостатком данного подхода является зависимость от методики проведения опроса.

Третий подход основан на детальной оценке большого набора количественных показателей. Данная методика как способствует измерению параметров комфортности городской среды, так и позволяет выявить ее влияние на удовлетворенность качеством жизни жителей мегаполиса. Так, например, к параметрам комфортности городской среды можно отнести количественные показатели имеющейся в мегаполисе инфраструктуры (общая площадь парков, длина прогулочных зон и т. д.). Оценка уровня влияния на жителей измеряется исходя из оценки спроса на эту инфраструктуру. Полученная оценка позволяет определить — насколько эффективно инвестиционные ресурсы в благоустройство мегаполиса конвертируются в положительное восприятие и изменения в поведении горожан. Коэффициент эффективности такой конвертации отражает востребованность и качество городской инфраструктуры. Такой подход к оценке применим как для обобщенного, так и для более детального сравнения комфортности городской среды различных городов, в том числе на уровне отдельно взятых показателей.

Дальнейшая сравнительная оценка мегаполисов производится в рамках матрицы (рис. 1), оценивающей сильные и слабые стороны выделяемых элементов. Так, по горизонтали матрицы представлены шесть элементов комфортной городской среды мегаполиса, сформированные в три основные категории. А по горизонтали оцениваются как характеристики городской среды, так и ее влияние на горожан — для каждого из шести элементов. Характеристики городской среды оцениваются с позиций доступности (например, протяженность пешеходных зон) и качества (например, пригодность улиц для прогулок), а также степени влияния на городских жителей, исходя из их восприятия (например, контент-анализ постов в интернете, или семантика высказываний горожан о пешеходных зонах) и поведения (например, активность пользователей в социальных сетях, связанных с пешеходной инфраструктурой).

Оценка, как правило, производится по нескольким мегаполисам, представляющим позитивные результаты формирования комфортной городской среды. По результатам сравнительной оценки каждый квадрант окрашивается в разные цвета, где зеленый цвет используют, если город попадает в топ — 50%, желтый — от 50% до 75%, красный — хуже 75%. Таким образом, для каждого мегаполиса получается матрица-карта с разными цветами, позволяющая оценить конкурентоспособность города по каждому элементу комфортности городской среды. Это позволяет сделать вывод о том, насколько конвертируются инвестиции в мегаполис в реальные положительные результаты для его жителей.

В результате представленного консалтинговой компанией *Boston Consulting Group* сравнительного анализа комфортности городской среды города Москва и 11 мегаполисов со всех континентов мира (Гонконг, Лондон, Мехико, Нью-Йорк, Париж, Сан-Паулу, Сеул, Шанхай, Берлин, Сингапур, Токио), сопоставимых по уровню дохода и численности населения, были получены рейтинговые показатели успешности кон-

Рис. 1. Матрица конкурентоспособности мегаполисов с позиций формирования комфортной городской среды
Fig. 1. A matrix of competitiveness of megalopolises from positions of formation of the comfortable urban environment

вертации инвестиций в комфортность городской среды с преломлением их в высоких параметрах удовлетворенности качеством жизни горожан в данном мегаполисе.

В результате сравнительного анализа удалось разделить города на три группы по степени успешности конвертации инвестиций в положительное восприятие и поведение их жителей:

1. Мегаполисы-лидеры — высокий коэффициент конвертации. Конвертируют качество и доступность инфраструктуры в изменение поведения и восприятия горожан по всем элементам городской среды (Лондон, Сингапур, Нью-Йорк, Берлин, Токио).
2. Мегаполисы-середняки — средний коэффициент конвертации (Москва, Париж, Сеул).
3. Мегаполисы-отстающие — низкий коэффициент конвертации (Гонконг, Шанхай, Мехико, Сан-Паулу).

Такая карта является эффективным инструментом оценки текущего уровня комфортности проживания в мегаполисе и позволяет определить приоритетные направления будущих изменений и улучшений.

Выводы

Развитие представлений о комфортности городской среды и ее влиянии на развитие мегаполиса позволит избежать стратегических ошибок в наращивании потенциала не значимых и не комфортных для жителей направлений деятельности управленческих структур. Формирование системы оценочных показателей комфортной городской среды способствует повышению эффективности использования инвестиционных ресурсов мегаполиса. Оценка текущего уровня комфортности городской среды позволит целостно сформировать представление о траектории движения мегаполиса и скорректировать приоритеты будущих изменений и улучшений.

Литература

1. *Афанасьев Ю. Н.* Вступительная статья // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
2. *География:* Современная иллюстрированная энциклопедия: Мегаполис. М. : «Росмэн», 2006. 624 с.
3. *Ильина И. Н.* Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Экономика и управление народным хозяйством. 2015. № 5(164). С. 69–82.
4. *Десятниченко Д. Ю., Запорожан А. Я., Куклина Е. А.* Рекреационное пространство как объект управления инновационным развитием территорий города // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 64–73.
5. *Рощектаев С. А., Ушаков А. С.* Структурная позиция финансового рынка современного мегаполиса // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 121–126.
6. *Смирнов Е. Н.* Введение в курс мировой экономики. Экономическая география зарубежных стран. М. : КноРус, 2016. 406 с.
7. *Снежинская Е. Ю.* Современные мегаполисы в вихре экономических кризисов [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-megapolisy-v-vihre-ekonomicheskih-krizisov

Об авторах:

Сергеева Оксана Евгеньевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент, sergeevaoe2013@yandex.ru

Лазарева Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), lazareva-en@sziu.ranepa.ru

References

1. Afanasyev Yu. N. Introductory Article // Brodel F. A material civilization, economy and capitalism, the 15–18th centuries. Translation from French. V. 1. Structures of daily occurrence: possible and impossible. M., 1986. (In rus)

2. Geography: The modern illustrated encyclopedia: Megalopolis. M. : Rosmen, 2006. 624 p. (In rus)
3. Ilyina I. N. Quality of the urban environment as factor of sustainable development of municipal units // Economy and management of the national economy [Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaistvom]. 2015. N 5 (164). P. 69–82. (In rus)
4. Desyatnichenko D.Yu., Zaporozhan A.Ya., Kuklina E. A. Recreational space as object of management of innovative development of territories of the city // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 9. P. 64–73. (In rus)
5. Roshchektaev S. A., Ushakov A. S. A structural position of the financial market of the modern megalopolis // Business in the law [Biznes v zakone]. 2011. N 3. P. 121–126. (In rus)
6. Smirnov E. N. Introduction to a course of world economy. Economic geography of foreign countries. M. : Knorus, 2016. 406 p. (In rus)
7. Snezhinskaya E. Yu. Modern megalopolises in a tuft of economic crises [An electronic resource] // Online journal Science Studies [Internet-zhurnal "Naukovedenie"]. 2013. N 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-megapolisy-v-vihre-ekonomicheskih-krizisov (In rus)

About the authors:

Oksana E. Sergeeva, Associate Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; sergeevaoe2013@yandex.ru

Elena N. Lazareva, Senior Lecturer of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); lazareva-en@sziu.ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-174-185

Севастополь как камень преткновения «Большого договора»*

Знаменщиков А. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; znamm@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Представленная статья посвящена анализу основных причин и особенностей процесса ухудшения добрососедских отношений между Украиной и Россией в постсоветский период. Анализируя ход исторических событий с 1991 г., автор приходит к выводу, что, несмотря на большое количество спорных межгосударственных вопросов, самым больным из них стал не просто территориальный крымский вопрос, но и те обстоятельства, при которых он возник и развивался. Обстоятельства, которые вполне можно охарактеризовать как злоупотребление Украиной доверием россиян в отношении судьбы Севастополя и Черноморского флота.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, «Большой договор», Севастополь, Черноморский флот, Крым

Sevastopol as a Stumbling Block of the «Big Treaty»

Artem O. Znamenshchikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; znamm@yandex.ru

ABSTRACT

The author considers the main reasons for the failure of good neighborly relations between Ukraine and Russia, which invalidated their Treaty of Friendship, Cooperation and Partnership. Analyzing the historical events since 1991, the author comes to the conclusion that in spite of many points being at issue between the states, the sorest of them is the Crimea controversy, not so much in terms of the territory as in those of the circumstances under which the issue emerged and has been developing. These can be qualified as breach of trust committed by Ukraine regarding the destiny of Sevastopol and the Black Sea Fleet.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, “The Big Treaty”, Sevastopol, Black Sea Fleet, Crimea

Сегодня стало окончательно ясно, что договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, подписанный 31 мая 1997 г.[2], уходит в историю, и в 2019 г. он не начнет отсчет своего третьего десятилетия. Официально инициатором разрыва Большого договора выступила украинская сторона. Однако нежизнеспособность этого документа была очевидна еще при его заключении. Целый ряд российских политиков убеждали, что он вредит интересам

* «Большой договор» — неофициальное, но широко употребляемое название Договора о дружбе, партнерстве и сотрудничестве с Украиной, заключенного в 1997 г.

[1] Договор о дружбе партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной: подписан 31 мая 1997 г., ратифицирован ФЗ РФ № 42 от 2 марта 1999 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902220 (дата обращения: 27.08.18).

России и закрепляет потерю Крыма, а позже призывали выступить против пролонгации договора в 2008 г.[1]

Почему же этот системообразующий для двусторонних отношений документ, заложивший основы для долгосрочного стратегического партнерства между Украиной и Россией в сфере политики, экономики, энергетики, военно-технического сотрудничества, промышленности, транспорта, науки, культуры, образования и т. д., не привел к желаемому результату?

На наш взгляд, ключевым камнем преткновения этих соглашений стал статус Крыма и, в частности, города Севастополя — главной базы Черноморского флота РФ. С большой долей уверенности можно утверждать: останься при распаде СССР Крым и Севастополь под российской юрисдикцией, не было бы такого острого конфликта, который сейчас наблюдается между двумя государствами, даже при условии осуществления политическим руководством Украины прозападного курса развития.

Севастополь и Черноморский флот России — это своего рода сиамские близнецы, которые срослись таким образом, что их нельзя разделить. Мы понимаем, что совокупность города и флота — основа геополитического баланса и стабильности на юге России.

Севастополю с самого его основания отводилась роль важного стратегического центра для защиты интересов Российской империи. Это значение город сохранил и во времена советской власти, которая выделяла Севастополь как важнейший стратегический город-порт, требующий особого административно-хозяйственного и правового статуса. Именно этот особый статус военно-морского города-крепости, который подчеркивался на протяжении нескольких столетий, сформировал со временем в Севастополе свою особую, патриотическую, глубоко пророссийскую культуру, оказавшую влияние на историческую судьбу города. Поэтому такими органичными были и героические страницы обороны Севастополя, и стремительный, поддержанный большинством населения возврат в состав России после противозаконной по своей сути и трагически недальновидной передачи города под юрисдикцию Украины, сначала в составе Советского Союза, а затем и при распаде СССР.

Была какая-то жестокая ирония в том, что Севастополь, неоднократно воскресавший после, казалось бы, полного уничтожения, вдруг без борьбы должен сдаться, отринуть и забыть свое прошлое, приняв со временем чужую навязанную культуру и историю. И это не говоря уже о необходимости России платить за размещение Черноморского флота в его «родной колыбели».

В результате попыток разделить неделимое — Севастополь и Черноморский флот — зародилось пятилетнее противостояние украинского и российского руководства в начале 90-х, предшествовавшее подписанию Договора о дружбе, партнерстве и сотрудничестве. Сам договор, подписанный в 1997 г., к сожалению, не решил проблему, а лишь отложил ее на некоторое время. Но уже к моменту его подписания было очевидно, что стратегическое развитие отношений двух соседних государств невозможно без принципиального и окончательного решения вопроса о статусе Крыма и Севастополя как базы российского Черноморского флота.

Постепенный курс Украины на вытеснение России из Севастополя и реальная перспектива предоставления города под базу военному блоку НАТО после 2017 г. (срок, предусмотренный «Большим договором») расшатывали хрупкий статус-кво[2].

---

[1] Ю. Лужков, В. Жириновский, С. Бабурин, Г. Тихонов выступали против подписания, а затем и против продления Большого договора. В том числе это видно из обсуждения в Государственной Думе ратификации Договора о дружбе, партнерстве и сотрудничестве [1].

[2] Заместитель директора Российского института стратегических исследований Тамара Гузенкова в 2013 г. отмечала: «Соглашение по Черноморскому флоту — это же не порождение харьковских инициатив. А пакетное соглашение, которое неразрывно связано с так называемым “Большим

Иными словами, Севастополь и Крым стали «камушком в башмаке», наличие которого не позволило идти дальше и выстроить действительно конструктивные отношения между двумя странами. Сложилась патовая ситуация: потеря Севастополя как военно-морской базы означала бы для Российской Федерации возврат, по сути, к петровским временам и потерю юга России — то есть нечто совершенно немыслимое ни для большинства граждан, ни для политической элиты[1]. И в то же время украинская сторона, получившая территорию исключительно в силу уверенности российского политического истеблишмента в том, что эти земли продолжат служить интересам России, с самого начала своей «незалежности» проявляла агрессивное упрямство в жизненно важных для РФ вопросах.

Есть такой юридический термин — злоупотребление доверием. Он является одним из обязательных признаков состава преступления о причинении имущественного ущерба. На наш взгляд, можно утверждать, что если бы все лица с российской стороны, ответственные за заключение целого ряда соглашений 1990–1997 гг., приведших в итоге к закреплению украинской юрисдикции над Крымом и Севастополем, могли хотя бы предположить, что буквально через считанные годы после заверения в своем внеблоковом статусе[2] Украина сначала провозгласит европейский вектор развития [6], а затем начнет планировать не только изгнание Черноморского флота, но и передачу русской военно-морской базы силам НАТО, полуостров остался бы под юрисдикцией России. В какой бы спешке ни подписывались документы, какой бы сложной ни была внутренняя политическая обстановка, Украина не получила бы ни Крыма, ни Севастополя.

Это подтверждается и воспоминаниями главы крымского обкома КПСС Леонида Грача, длительное время возглавлявшего парламент автономной республики Крым в составе Украины. Он рассказывал, как в 2001 г., уже после своей отставки, по приглашению Кучмы Б. Н. Ельцин приезжал на отдых в Крым и там во время разговора с Грачом заявил: «Если бы я захотел, я тогда бы провел линию по карте от Харькова до Измаила — это все мое». Л. Грач уверен: «Он (Кравчук) настолько хотел иметь булаву (символ президентской власти на Украине — ред.), что пошел на все. И пошел бы на все, согласился бы на все условия, не только Крым отдать России, но и, как сказал потом Ельцин, провести ту самую линию на карте»[3].

По мнению Л. Грача, Ельцин на тот момент осознал свою ошибку с Крымом[4], но это уже не влияло на ситуацию, которая продолжила развиваться в негативном ключе, и в итоге, усилиями украинских антироссийских политиков, изначально немыслимое оказалось реальностью. Планы украинских прозападных депутатов от-

---

договором" между Россией и Украиной, который был подписан и ратифицирован в 1997–1998 годах ... если кто-то начнет пытаться водрузить на щит тему Черноморского флота в практическом смысле, то тогда уже России придется поднимать такие спорные пласты российско-украинских отношений, которые как раз и были более или менее разрешены с помощью "Большого договора" (выделено нами). И тогда уже речь будет идти о возвращении к вопросу о территориальных границах». См.: *Гузенкова Т.* Последнее слово в евроинтеграции Украины — за США // ГолосUA. 02.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://golos.ua/i/195066 (дата обращения: 29.08.2018).

[1] Потомки не простят [Электронный ресурс] // Российская газета. 25.07.2008. URL: https://rg.ru/2008/07/25/luzhkov.html (дата обращения: 20.06.2018).

[2] Декларация о государственном суверенитете Украины (раздел IX) гласит: Украинская ССР торжественно провозглашает о своем намерении стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не принимает участия в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не производить и не приобретать ядерного оружия. См.: Ведомости Верховной Рады Украины. 1990. № 31. С. 429.

[3] Леонид Грач: Кравчук отдал бы Крым России в 1991-м ради булавы [Электронный ресурс] // РИА Новости. Россия сегодня. 19.08.2016. URL: https://ria.ru/ussr25/20160819/1474795762.html (дата обращения: 04.09.2018).

[4] Там же.

менить харьковские соглашения, определяющие статус Севастополя в качестве базы Черноморского флота РФ до 2042 г., изгнать российский флот и передать военно-морскую базу Северо-Атлантическому альянсу, обрели в 2013 г. конкретные очертания (ниже мы еще коснемся этого момента). Но вместе с тем, эти намерения стали одним из факторов, придавшим уверенности России в правильности своих действий по принятию в состав РФ Автономной Республики Крым и города Севастополя, провозгласивших свою независимость.

Рассматривая исторический контекст, стоит отметить, что правовой статус Севастополя давно превратился в предмет не только для научно-правовых исследований, но и для различных политических спекуляций. Тем не менее, в данной статье мы не ставили задачу проанализировать события 1954 г., когда волюнтаристская передача Хрущевым Крыма и Севастополя в состав Украинской республики стала миной замедленного действия в русско-украинских отношениях. В конце концов, то незаконное решение можно было дезавуировать при распаде СССР, вернув полуостров в состав России, но недальновидные, мягко говоря, действия президента Н. Б. Ельцина привели к настоящей потере Крымского полуострова.

Наша задача показать, что, несмотря на широкий спектр острых вопросов в российско-украинских отношениях (языковой вопрос, газотранспортный и др.), самым болезненным был вопрос Черноморского флота и его города-базы Севастополя. Поэтому в данной статье акцентируется внимание на факте подписания соглашений, закрепивших юрисдикцию Украины над Крымским полуостровом.

Подписание данных соглашений не оправдывает даже тот факт, что дальнейший ход событий вплоть до настоящего момента и тот вектор развития, который выбрала Украина, были, как мы уже подчеркивали, непрогнозируемыми для всех акторов с российской стороны, спонтанно творивших историю в 1991 г. Также нельзя снимать ответственности по законодательной потере Крыма с коммунистического большинства Госдумы II созыва и лидеров КПРФ Г. Зюганова и Г. Селезнева, буквально продавливавших ратификацию «Большого договора» среди депутатов в 1998 г. [1].

Получается, одни доверяли и не продумали все последствия, другие злоупотребили доверием и повели себя непредсказуемо, в результате возникла территориальная проблема, расколовшая взаимоотношения двух государств.

Напомним ряд ключевых событий, предшествовавших заключению «Большого договора».

Результатом экономического и социально-политического кризиса начала 90-х годов XX в. стало подписание 19 ноября 1990 г. лидерами УССР и РСФСР (украинскую сторону представлял Л. Кравчук, а российскую — Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин) договора об уважении территориальной целостности друг друга, которым признавались существующие в рамках СССР границы[1].

26 декабря официально закончил свое существование Советский Союз, перед этим в ноябре было подписано постановление Госсовета СССР о ликвидации министерств, в том числе и министерства обороны[2]. Советские Вооруженные силы должны были трансформироваться в Объединенные вооруженные силы СНГ. Предполагалось, что в течение переходных пяти лет общие структуры и системы управления обороной сохранятся под единым командованием, для чего было создано Главное командование Вооруженных сил СНГ. До завершения трансформации государства

[1] Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой от 19 ноября 1990 г. // Россия — Украина. 1990–1995 // Документы и материалы. Кн. 1. С. 20.

[2] Постановление Государственного совета СССР от 14.11.1991 г. № 13 [Электронный ресурс] // Правовая Россия. URL: http://lawru.info/dok/1991/11/14/n1174688.htm (дата обращения: 12.08.2018).

СНГ должны были воздержаться от создания самостоятельных вооруженных сил. Основная часть документов по военному сотрудничеству были подписаны девятью государствами 14 февраля 1992 г. в Минске[1]. В результате минских договоренностей Государства СНГ получили право создавать собственные вооруженные силы на базе частей и подразделений ВС СССР, размещавшихся на территории этих государств. Исключение было сделано для тех из них, которые относились к стратегическим силам — они должны были остаться под объединенным командованием СНГ.

В частности, под общим командованием должен был оставаться и Черноморский флот как оперативно-стратегическое объединение. Однако руководство Украины по-своему интерпретировало минские соглашения и взяло курс на раздел флота.

Адмирал И. В. Касатонов, бывший на тот момент командующим Черноморским флотом, вспоминает, как полной неожиданностью для него оказался в декабре 1991 г. вызов в Киев вместе с командующими трех военных округов (Одесским, Прикарпатским и Киевским). Там военноначальникам было объявлено, что они теперь подчиняются исключительно Киеву и верховный главнокомандующий у них Кравчук, в связи с чем личному составу в кратчайший срок надлежало принести присягу Украине. «Нас-то убеждали, что Вооруженные силы будут едиными. Страны разные, а Вооруженные силы — единые», — уточняет И. В. Касатонов[2].

По утверждению командующего, до начала января, несмотря на попытки получить указания от Москвы, никаких разъяснений не поступало. Накануне 4 января 1992 г., предполагаемого дня принятия присяги, Касатонов собрал подчиненных и объявил о том, что присягу принимать не будет. Все поддержали данное решение. Эти действия и взятая на себя адмиралом ответственность, по сути, сохранили для России Черноморский флот и помогли в дальнейшем закрепить Севастополь как его военно-морскую базу. Российские СМИ поддержали действия черноморцев, в то время как украинские СМИ уже тогда, в 1992 г., назвали россиян «оккупантами и империалистами». Началось противостояние, продлившееся в общей сложности более пяти лет.

1992 г. отмечен в истории не только отказом российских моряков принять присягу на верность украинскому государству, но и так называемой «войной указов» двух президентов.

5 апреля 1992 г. президент Украины Леонид Кравчук издал Указ «О переходе Черноморского флота в административное подчинение министерству обороны Украины», а через день, 7 апреля, Указ «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота» подписал Президент Российской Федерации Борис Ельцин.

Завершилась «война указов» 23 июня встречей двух президентов в Дагомысе. По итогам переговоров вышеназванные указы были отменены, и подписано соглашение о дальнейшем развитии межгосударственных отношений, в котором отмечалась необходимость продолжения переговорного процесса по созданию ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота[3].

3 августа 1992 г. президенты России и Украины подписали новое соглашение о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота

---

[1] Соглашение между государствами — участниками Содружества Независимых Государств о статусе Стратегических сил: подписано 14 февраля 1992 г. (с изменениями от 22 января 1993 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1901875 (дата обращения: 27.08.2018).

[2] Игорь Касатонов: 25 лет назад Россия могла лишиться Черноморского флота: интервью [Электронный ресурс] // РИА Новости Крым. 17.01.2017. URL: https://crimea.ria.ru/interview/20170117/1108759278.html (дата обращения: 12.08.2018).

[3] *Федоровых А.* Раздел Черноморского флота в цифрах и фактах [Электронный ресурс] // ФИВ. 02.11.2007. URL: http://fondiv.ru/articles/3/193/ (дата обращения: 12.08.2018).

бывшего СССР, согласно которому Черноморский флот становится Объединенным флотом России и Украины с объединенным командованием. Стороны договорились, что в течение трех лет вопрос о разделе Черноморского флота будет решен, и летом 1993 г. в Подмосковье Б. Ельциным и Л. Кравчуком было подписано очередное соглашение о формировании флотов двух государств на базе Черноморского флота.

Процесс раздела флота был болезненным: часть военнослужащих была вынуждена покинуть Севастополь вместе с семьями; многие — сменить гражданство. Закрылись многие предприятия, обслуживающие флот, большую часть кораблей списали на металлолом. Без работы оказались тысячи севастопольцев, многие военнослужащие лишились жилья, а город испытывал сильнейший экономический кризис.

Как утверждает А. Федоровых, «неопределенный статус флота продолжал оставаться источником трений между двумя государствами. Отношения военнослужащих украинского и российского флотов, как отмечают источники, оставались весьма напряженными, доходя порой до физического противостояния между ними. Сложившаяся в 1993–1994 гг. ситуация на полуострове находилась на грани вооруженного конфликта между Россией и Украиной»[1].

В 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации была предпринята попытка вернуть Севастополю статус российского города. 9 июля было издано постановление № 5359-1 «О статусе города Севастополя», первый пункт которого гласил «Подтвердить российский федеральный статус города Севастополя и административно-территориальную границу городского округа по состоянию на декабрь 1991 г.». Комитету по конституционному законодательству было поручено разработать закон о включении Севастополя в состав России. Однако Борис Ельцин дезавуировал это постановление и высказал свое отношение к нему публично. Газета «Известия» от 13 июля цитирует президента: «Мне стыдно за решение парламента... Не начинать же войну с Украиной»[2].

В это же время в России разгорался внутриполитический конфликт и 4 октября 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации перестал существовать, а все его решения, принятые в первой половине 1993 г., утратили силу. Постановление о статусе Севастополя недолго оставалось действующим документом и не привело к значительным правовым и политическим последствиям...

В июне 1995 г. стороны договорились о раздельном базировании флотов, при этом Россия получала право поднять Андреевский флаг над 81,7% кораблей и судов (за это Украине полагалась компенсация в размере 526,509 млн долл.) и оставить в Севастополе штаб, но ограничивалось количество личного состава российских военнослужащих на полуострове — не более 25 тыс. чел.[3] Там же определялось, что российская сторона, начиная с 1998 г., ежегодно производит начисление сумм платежей за использование Черноморским флотом РФ акватории бухт, земельных участков и размещенных на них объектов, а каждый моряк Черноморского флота имеет право на свободное определение своей дальнейшей службы[4].

Тем не менее, договоренности о разделе флота не сняли проблему статуса Севастополя. В декабре 1996 г. Совет Федерации РФ обращается к президенту

---

[1] Там же.

[2] Законодательная осада города-героя [Электронный ресурс] // Известия. 13.07.93. № 129 (23984). URL: http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-13-iyulya-1993-goda (дата обращения: 27.08.2018).

[3] Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по Черноморскому флоту от 9 июня 1995 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1900600 (дата обращения: 12.06.2018).

[4] Двусторонние российско-украинские документы по Черноморскому флоту [Электронный ресурс] // РИА Новости. 28.03.2014. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/spravka/20140328/1001483988.html (дата обращения: 02.09.2018).

Б. Н. Ельцину с просьбой «объявить мораторий на подписание органами государственной власти Российской Федерации каких-либо международных актов, касающихся вопросов раздела Черноморского флота, статуса Крыма и Севастополя до окончания работы специальной комиссии Совета Федерации. Однако это обращение не получило поддержку у президента» [2, с. 720].

В целом, можно отметить, что урегулирование проблемы Черноморского флота между Россией и Украиной заняло не один год и нашло отражение в многочисленных публикациях воспоминаний и исследований современников и свидетелей тех событий [3; 4; 5][1].

28 мая 1997 г. в Киеве были подписаны межправительственные соглашения, которые закрепляли ранее достигнутые договоренности. Также они детально прописывали статус и условия пребывания Черноморского флота России в Крыму. Эти договоренности дали возможность заключить через три дня Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, отодвинув проблемный вопрос в далекий, как тогда казалось, 2017 г.

Однако и в Госдуме, и в правительстве России «Большой договор» встретил серьезное сопротивление. Против него выступили тогда вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин, лидер ЛДПР Владимир Жириновский и глава комитета по делам СНГ Георгий Тихонов. Категорически не одобрили соглашение министр по делам СНГ Аман Тулеев и мэр Москвы Юрий Лужков. Противники «Большого договора» утверждали, что таким образом Россия признает Крым и Севастополь украинскими, и выражали тревогу по поводу ущемления прав русскоязычного населения и курса Украины на вступление в НАТО. Ратификация договора российской Госдумой затянулась почти на год, а обсуждения носили весьма эмоциональный характер [1]. В Совете Федераций главным противником Договора стал Юрий Лужков, ему не удалось переубедить коллег, однако против подписания документа тогда выступили 23 сенатора[2].

Опасения среди российских политиков по поводу вступления Украины в НАТО носили вполне конкретный характер. О негативных последствиях такого развития событий писали многие российские СМИ. «К тому времени Украина постепенно выходила на новый уровень сотрудничества с НАТО (в июле 1997 г. была подписана “Хартия об особом партнерстве НАТО и Украины”, в Киеве открылся первый в Восточной Европе Центр информации и документации НАТО), и в перспективе базирование на украинской территории российского флота могло стать серьезной помехой для полноценного членства в альянсе»[3].

Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной стал ключевым договором, в котором затрагивался территориальный вопрос. Стороны договора указали, что «признают нерушимость существующих границ», но формулировки договора 1990 г. о границах, сложившихся в рамках Советского Союза, в нем уже не упоминались. После его подписания отношения между странами по-прежнему складывались не самым лучшим образом. Украина продолжала декларировать стремление к единению с блоком НАТО.

Прозападные силы в украинском обществе, в том числе и во властных структурах, с самого начала весьма отрицательно относились к пребыванию российского флота в Крыму. В период президентства Виктора Ющенко (2005–2010) агрессивная риторика Киева достигла пика, так что в России неоднократно поднимался вопрос о переносе базы в Новороссийск.

---

[1] *Федоровых А.* Раздел Черноморского флота в цифрах и фактах [Электронный ресурс] // ФИВ. 02.11.2007. URL: http://fondiv.ru/articles/3/193/ (дата обращения: 12.08.2018).

[2] Потомки не простят [Электронный ресурс] //Российская газета. 25.07.2008. URL: https://rg.ru/2008/07/25/luzhkov.html (дата обращения: 20.06.2018).

[3] Заклятые соседи: спец. редакционный материал (без даты публикации) [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/features/rosukr/friendship/ (дата обращения: 16.09.2018).

До 1 октября 2008 г. надлежало принять решение о пролонгации «Большого договора». Вопросов к договору было много, но главный все тот же: Севастополь, Черноморский флот и стремление Украины в НАТО. Обсуждения дальнейшей судьбы договора начались задолго до срока принятия решения на различных площадках. В частности, в апреле 2008 г. в Киеве прошел круглый стол, на котором цинично, но откровенно выступил украинский политолог Вадим Карасев, на тот момент работавший советником Секретариата Виктора Ющенко. Он отметил, что «вступление Украины в НАТО никак не будет зависеть от мнения населения — как только крупнейшие партии страны решат все разногласия, интеграция в альянс будет обеспечена... Все решают элиты. Скажем прямо. Будет консенсус элит — проголосуют»[1].

С российской стороны в июле того же года мэр Москвы Юрий Лужков, в интервью «Российской газете» ко Дню ВМФ отмечал: «...если отступиться от него (Крыма) сейчас, то потомки этого не простят, и в памяти народной это решение никогда не будет восприниматься законным и справедливым. То же самое могу сказать и по поводу Севастополя. Договор о том, что наш флот будет оставаться в этом городе до 2017 г., принимался Борисом Ельциным в каком-то пьяном угаре. Тем, кто готовил его, видимо, казалось, что до этого рубежа еще очень далеко. Но 2017-й оказался весьма близким. И вот давайте посмотрим, что получилось. Россия неожиданно для себя вдруг оказалась северной страной. А Севастополь, по сути, передан даже не Украине, а НАТО»[2].

Тем не менее, ни одна сторона не пошла на разрыв договора, и с 2009 г. он автоматически начал отсчет второго десятилетия.

В 2010 г. Виктор Янукович и Дмитрий Медведев в Харькове заключили соглашение по широкому спектру вопросов, которое предусматривало в том числе и продление пребывания в Севастополе Черноморского флота России на 25 лет после 2017 г. с возможностью автоматического продления действия этого договора и после 2042 г.[3].

Москва в ответ согласилась предоставить скидку в цене на российский газ на 30%, но не более чем на 100 долл. за 1000 м^3. Соглашение также предусматривало увеличение арендной платы за пребывание Черноморского флота на территории Украины. Часть украинских политиков сочла соглашение невыгодным в части цен на газ. Но больше всего антироссийскую общественность возмутили договоренности по Черноморскому флоту. Оппозиция во главе с Юлией Тимошенко подвергла это соглашение резкой критике, выведя тысячи людей к Верховной раде. Тимошенко утверждала, что подписанный договор затрагивает национальные интересы Украины: «Нас лишили части территории страны... Президент России поручил разработать Генеральный план развития Севастополя и Крыма и воплотить его в жизнь. Крымом уже начало управлять другое государство...»[4].

Оппозиционные депутаты Рады также протестовали против ратификации данного соглашения. В то же время ряд политиков поддержали его подписание. Председатель Севастопольской городской администрации выразил надежду, что до-

---

[1] Украинские и российские эксперты в Киеве обсудили судьбу двустороннего Договора о дружбе и сотрудничестве [Электронный ресурс] // ИА Росбалт. 22.04.2008. URL: http: // www.rosbalt.ru/ukraina/2008/04/22/477049.html (дата обращения: 15.06.2018).

[2] Потомки не простят [Электронный ресурс]. Указ. режим доступа.

[3] Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902222 (дата обращения: 27.08.2018).

[4] Тимошенко зовет всех отстранять Януковича: «У нас отбирают государство» [Электронный ресурс] // Украинская правда. 10.05.2010. URL: https://web.archive.org/web/20131227004848/http://www.pravda.com.ua/rus/news/2010/05/10/5025789/ (дата обращения: 15.06.2018).

говоренности принесут серьезную политическую стабильность в отношении двух стран на ближайшие 32 года[1].

В России в целом харьковские соглашения были признаны позитивными. Против них выступил лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Политик утверждал, что харьковские соглашения не только невыгодны для России, но могут быть аннулированы в любой момент[2].

Проблема снова оказалась всего лишь отложенной на незначительное время. Уже летом 2011 г. парламентский комитет по иностранным делам единогласно рекомендовал Раде расторгнуть договор о пребывании российского Черноморского флота на территории Украины[3].

30 мая 2012 г. Конституционный суд Украины признал[4], что вносить законопроекты о денонсации международных договоров на рассмотрение Рады могут не только президент и правительство, но и народные депутаты. Таким образом, оппозиция получила право требовать законодательно отменить соглашение о продлении пребывания Черноморского флота России в Украине. Причем многочисленные СМИ, публиковавшие новости о планируемой денонсации харьковских соглашений, даже не упоминали их другие пункты, в том числе о цене за газ — всех волновала именно судьба крымского полуострова и Черноморского флота Российской Федерации.

В 2013 г. «Новая газета» написала, что «Украина, возможно, потребует выведения Черноморского флота из Крыма ради перспективы полноправного членства в Евросоюзе. Вопрос актуализируется после президентских выборов 2015 г.»[5].

Обсуждать эту тему в Киеве начали особенно активно после высказывания руководителя Гражданского комитета национального спасения Павла Нусса, который заявил, что пребывание ЧФ РФ на территории Украины противоречит пунктам готовящегося к подписанию соглашения об ассоциации с ЕС.

Нусс озвучил мнение, что в случае подписания документа в ноябре 2013 г., Украине придется подумать о том, чтобы ее «территориально-водный ресурс мог перейти в пользование отечественного флота и европейских миротворческих миссий ООН и НАТО»[6]. Политолог выразил уверенность, что «с такими условиями Украина станет восточноевропейским лидером по европейской безопасности»[7]. Он также высказал

---

[1] Решением о продлении базирования ЧФ РФ в Севастополе заложена политическая стабильность города на большой срок // Интерфакс-Украина (21 апреля 2010). URL: https://interfax.com.ua/news/political/37102.html (дата обращения: 20.07.2018).

[2] Жириновский: подарка в 40 миллиардов Украина не оценит [Электронный ресурс] // Телеканал «Вести». 27.04.2010. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=355800 (дата обращения: 27.08.2018).

[3] В Раде поддержали расторжение «Харьковских соглашений» // Телеканал ТСН. 02.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-rade-podderzhali-rastorzhenie-harkovskih-soglasheniy.html (дата обращения: 27.08.2018).

[4] Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним поданням 47 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) частини першої статті 202 Регламенту Верховної Ради України, затвердженого Законом України «Про Регламент Верховної Ради України», у редакції Закону України «Про внесення зміни до Регламенту Верховної Ради України» (справа про законодавчу ініціативу) N 12-рп/2012 от 30.05.2012 (на укр.) [Электронный ресурс]. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KS12029.html (дата обращения: 27.08.2018).

[5] *Ивженко Т.* Киев может выдворить Черноморский флот из Крыма [Электронный ресурс] // Независимая газета. 02.10.2013. URL: http://www.ng.ru/cis/2013-10-02/1_flot.html (дата обращения: 12.08.2018).

[6] Российскому флоту придется уйти из Крыма — политолог // Главред [Электронный ресурс]. URL: https://glavred.info/politics/259819-rossiyskomu-flotu-pridetsya-uyti-iz-kryma-politolog.html (дата обращения: 12.08.2018).

[7] Там же.

убеждение, что после 2015 г. начнется вывод российского флота из Крыма и одновременно переоснащение украинского под европейские стандарты.

В конце 2013 г. начались события, явившиеся водоразделом в отношениях двух государств. Харьковские договоренности были в итоге денонсированы в одностороннем порядке в 2014 г., но уже Россией — за ненадобностью[1]. На протяжении 2014–2018 гг. российско-украинские отношения продолжали ухудшаться. С обеих сторон в этот период звучали предложения о денонсации «Большого договора». Тем не менее, официально российская сторона не делала никаких заявлений о том, что желает разорвать соглашение.

28 августа 2018 г. президент Украины А. Порошенко поручил министерству иностранных дел начать подготовку к денонсации договора в одностороннем порядке. После того, как Совет национальной безопасности и обороны Украины поддержал инициативу президента, Порошенко издал указ о непродлении «Большого договора». 19 сентября 2018 г. после официального опубликования указ вступил в силу[2].

Ряд украинских должностных лиц предупреждали о негативных последствиях разрыва договора. В частности, Дмитрий Кулеба — посол по особым поручениям МИД Украины — отмечал, что «разрыв дипломатических отношений с Россией повлечет за собой невозможность дальнейшей работы международных форматов по урегулированию ситуации в Донбассе, необходимость поиска государства-посредника для общения, а также потерю главного торгового партнера»[3].

Владимир Жириновский, традиционно выступающий против «Большого договора», полагает, что его расторжение приведет к пересмотру границ между Украиной и Россий, поскольку после 1991 г. границы между двумя государствами не были демаркированы и закреплены лишь договором[4]. Украинские политики в таких последствиях сомневаются, но отмечают, что выход из договора усилит позицию России в отношении Крыма[5].

Какими же на самом деле будут правовые, социальные, экономические и другие последствия расторжения Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, и как будут развиваться события дальше, покажет 2019 г., когда базовый документ российско-украинских отношений официально уйдет в историю.

Вместо послесловия

Территориальные вопросы были, есть и всегда будут очень тонкими. Зачастую они не могут быть решены одним лишь подписанием даже самых разумных и правильных документов. Потому что принадлежность земли той или иной нации опреде-

---

[1] Федеральный закон «О прекращении действия соглашений, касающихся пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» № 38 от 2 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102348703 (дата обращения: 27.08.2018).

[2] На Украине вступил в силу указ о прекращении договора о дружбе с Россией [Электронный ресурс] // Известия. 19.09.2018. URL: https://iz.ru/790742/2018-09-19/na-ukraine-vstupil-v-silu-ukaz-o-prekrashchenii-dogovora-o-druzhbe-s-rossiei (дата обращения: 20.09.2018).

[3] Лавров прокомментировал планы Украины по денонсации договора о дружбе с Россией [Электронный ресурс] // Украина.ру. 29.08.2018. URL: https://ukraina.ru/news/20180829/1020967322.html

[4] Жириновский: Разрыв Договора о дружбе с Россией позволит оспорить нынешние границы Украины [Электронный ресурс] // РИА ФАН. 17.08.2018. URL: https://riafan.ru/1100361-zhirinovskii-razryv-dogovora-o-druzhbe-s-rossiei-pozvolit-osporit-nyneshnie-granicy-ukrainy (дата обращения: 19.08.2018).

[5] Эксперт оценил последствия для Киева денонсации договора о дружбе с Россией [Электронный ресурс] // РИА Новости. 30.08.2018. URL: https://ria.ru/world/20180830/1527508913.html (дата обращения: 02.09.2018).

ляется еще и своеобразными неписаными законами, тем, что нельзя «пощупать»: историей, традициями, могилами предков, материальными и духовными вложениями в ее развитие и даже способом получения территории (завоевана ли в боях, выкуплена, прирезана в результате договоренностей и т. д.). Все это формирует четко осознаваемое обществом ощущение справедливости принадлежности земли тому или иному государству.

В противном случае все территориальные вопросы решались бы гораздо легче с помощью законодательных актов. Но наличие тонкой материи в земельном вопросе неимоверно утяжеляет его. Недаром и в современном мире можно наблюдать многочисленные территориальные споры.

Крым и Севастополь не были безусловным подарком Украине. Отдавая эти важнейшие для себя в геополитическом и военном отношении территории, Россия совершенно справедливо рассчитывала, что эти земли никогда в будущем не будут использованы против ее интересов. Иначе этот подарок просто не состоялся бы в начале 1990-х. По сути, украинская сторона злоупотребила доверием россиян в отношении судьбы Севастополя и Черноморского флота, поэтому в потере Крыма в 2014 г. молодое украинское государство может винить только собственную недальновидность и пренебрежение неписаными законами справедливости.

Литература

1. *Вишняков В*. Крым: право и политика. М. : Юркомпани, 2011.
2. *История* Крыма : науч.-практ. пособие : в 2 т. / под ред. А. В. Юрсова, Л. В. Мельникова. Т. 2. М. : Институт Российской истории Российской академии наук, 2017.
3. *Касатонов И. В.* Записки командующего Черноморским флотом. М. : Андреевский флаг. 2001.
4. *Савченко Н. А.* Анатомия необъявленной войны: Крым. Севастополь. Флот. 1991–199... Киев : Українська перспектива, 1997.
5. *Усов С. А.* Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР: историко-политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.
6. *Усова Л. С.* Внешняя политика Украины: между внеблоковостью и евроатлантической интеграцией // Власть. 2011. № 7. С. 156–158.
7. *Федоровых А. П.* Черноморский флот в российско-украинских отношениях: непростой путь от конфронтации к диалогу (1991–2000 гг.) // Труды Института российской истории. 2009. Вып. 8. С. 298–322.

Об авторе:

Знаменщиков Артем Олегович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); znamm@yandex.ru

References

1. Vishnyakov V. Crimea: law and policy. M. : Jurcompany, 2011. 620 p. (In rus)
2. History of the Crimea: scientific and practical edition: in 2 v. / under the editorship of A. V. Yursov, L. V. Melnikov. V. 2. M. : Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2017. 792 p. (In rus)
3. Kasatonov I. V. Notes of the commander of the Black Sea Fleet. M. : Andreevsky flag. 2001. 496 p. (In rus)
4. Savchenko N. A. Anatomy of unsolemn war: Crimea. Sevastopol. Fleet. 1991–199... Kiev Ukraine prospect, 1997. 342 p. (In rus)
5. Usov S. A. Political and legal problems of the Black Sea Fleet and Sevastopol in the context of disintegration of the Russian Empire and the USSR: historical and politological analysis: doctoral dissertation. M., 2003. 445 p. (In rus)

6. Usova L. S. Foreign policy of Ukraine: between disintegration and Euro-Atlantic integration // Power [Vlast']. 2011. N 7. P. 156–158. (In rus)
7. Fedorov A. P. Black Sea Fleet in the Russian-Ukrainian relations: a difficult way from confrontation to dialogue (1991–2000) // Works of Institute of the Russian history [Trudy Instituta rossiiskoi istorii]. 2009. Issue 8. P. 298–322. (In rus)

About the author:
Artem O. Znamenshchikov, Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); znamm@yandex.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2018-11-186-189

Противодействие насильственному экстремизму

Рецензия на монографию «Экстремизм в современном мире»

Экстремизм в современном мире : монография / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. 444 с.

ISBN 978-5-89781-619-4

РЕФЕРАТ

Исследование проблемы экстремизма в современном мире требует пристального внимания к нормам международного права, обеспечивающим устойчивое развитие, глобальный мир и безопасность. В монографии, подготовленной под редакцией А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко и В. А. Шамахова, исследуются уголовно-правовые механизмы противодействия радикальной идеологии и международно-правовые основы противодействия насильственному экстремизму.

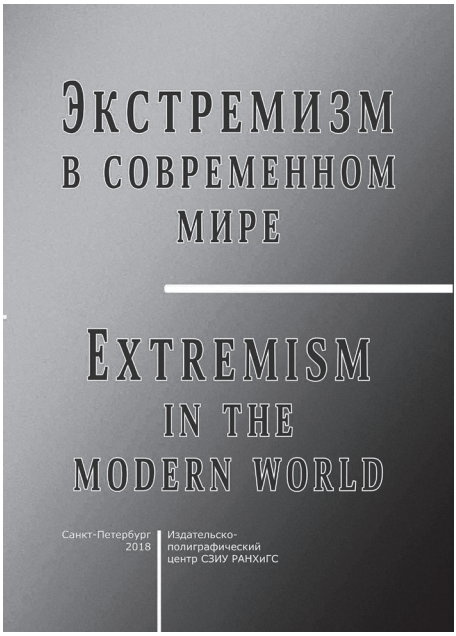
Ключевые слова: терроризм, законность, преступность, радикализм, стратегия

Countering Violent Extremism. Review of the monograph «Extremism in the Modern World»

ABSTRACT

The study of the problem of extremism in the modern world requires close attention to the norms of international law ensuring sustainable development, global peace and security. In the monograph, prepared under the general editorship of A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko and V. A. Shamakhov there is the study of criminal law mechanisms of counteraction to radical ideology and the international legal framework for countering violent extremism.

Keywords: terrorism, legality, crime, radicalism, strategy



В сентябре 2018 г. в издательстве Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации вышла в свет монография «Экстремизм в современном мире» [5], подготовленная коллективом ученых указанного Института, а также учеными МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Университетов Аль-Кудс (Израиль) и Аликанте (Испания). С учетом отнесения международного экстремизма к категории одного из самых опасных вызовов международной и национальной безопасности, выход этого издания представляется весьма актуальным.

Следует отметить, что в своде современных отечественных и зарубежных на-

учных исследований тема экстремизма в различных регионах нашей планеты является предметом пристального внимания специалистов различного профиля. Вместе с тем, многие из этих работ посвящены «точечной» оценке феномена экстремизма и не охватывают всей палитры его проявления. Отмеченное обстоятельство не способствует как интегральному восприятию экстремистских деяний, так и получению всей совокупности необходимых рекомендаций научной мысли по противодействию преступлениям экстремистской направленности. Следует заметить, что рецензируемая монография по содержанию выявленных проблем в сфере международного экстремизма носит комплексный характер и достаточно аргументированно презентует необходимые научные положения и выводы.

К несомненным достоинствам монографии следует отнести: во-первых, выявление истоков экстремизма, его идеологии и политики; во-вторых, обоснование экономических предпосылок возникновения экстремизма, включая изучение его экономических последствий; в-третьих, глубокий анализ уголовно-правовых аспектов противодействия экстремизму; в-четвертых, исследование проблем воинствующего экстремизма в информационном пространстве; в-пятых, выявление и комплексный анализ проблем националистического экстремизма и формулирование путей по его нейтрализации; в-шестых, формирование медийной модели мира и проведение всестороннего исследования маркеров экстремистских текстов.

Таким образом, международный коллектив авторов монографии объединил усилия юристов, политологов, экономистов и филологов для решения важной научной задачи по своевременному выявлению и нейтрализации экстремистских групп, действующих не только в России, но на просторах глобального информационного поля.

Научная значимость рецензируемой монографии подтверждается также успешным решением поставленной коллективом ученых амбициозной задачи по разработке предложений в стратегию противодействия современному экстремизму и выявлению особенностей правоприменительной практики в отношении субъектов преступлений экстремистской направленности. Вне всяких сомнений идеология насильственного экстремизма представляет угрозу для несовершеннолетних [1], а наиболее тяжкие преступные проявления экстремизма становятся результатом активности организованных преступных сообществ [2; 5].

Как отмечают авторы, «механизм реализации «Стратегии противодействия в Российской Федерации до 2025 года» следует дополнить указанием на способы взаимодействия власти с экспертным сообществом и научными учреждениями, которые, как и все здоровые социальные силы, заинтересованы в искоренении экстремизма и сохранении демократии в России». Участие в работе над монографией экспертов по проблемам экстремизма предупредило успех этого начинания [4].

В условиях глобализации международное сотрудничество в сфере противодействия распространению радикальной идеологии осуществляется при всеобщем понимании необходимости борьбы с криминальной активностью экстремистских сообществ. Использование государством жестких уголовных санкций в отношении лиц, виновных в совершении преступлений экстремистской направленности, полностью соответствует требованиям международных соглашений в области защиты прав человека. Вместе с тем авторы справедливо замечают, что проблема уголовно-правовой квалификации преступлений экстремистского характера состоит в необходимости ограничения проявлений насильственного экстремизма от иных правонарушений, а также от законных общественных инициатив, направленных против социальной дискриминации и несправедливости. В работе обстоятельно

доказывается, что идеология экстремизма становится средством ведения «гибридной войны» [3].

В монографии убедительно доказано, что способность национальной правоохранительной системы применять санкции за использование противоправных методов политической борьбы, осуществляемой по экстремистским мотивам, определяется решением задачи по отграничению идеологии экстремизма от значительно менее опасных для общества форм организации протестного политического движения. С учетом отмеченного следует согласиться также с выводом авторов монографии относительно того, что решение проблемы справедливости наказания в борьбе с преступлениями, совершенными из экстремистских побуждений, определяется искоренением условий, порождающих экстремистскую идеологию, которые, выступая криминогенным фактором, обусловливают наиболее опасные проявления преступного насилия в российском обществе.

На наш взгляд, рецензируемая монография «Экстремизм в современном мире» будет полезна ученым и практикам, интересующихся проблематикой экстремизма и прав человека, политикой и уголовным правом. Кроме того, многие системно изложенные в монографии доктринальные представления авторов о формах современной радикальной идеологии вызовут бесспорный интерес среди журналистского сообщества и юристов, специализирующихся на противодействии насильственному экстремизму и терроризму.

Литература

1. *Бастрыкин А. И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.
2. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571.
3. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Управленческое консультирование. 2017. № 4. С. 14–30.
4. *Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я.* Социолингвистические маркеры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. 2015. № 4. С. 107–113.
5. *Экстремизм* в современном мире : монография / под ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018.

Об авторе:

Кашкин Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; eul07@mail.ru

References

1. Bastrykin A. I. Crimes against minors in Internet space: to a question of victimologic prevention and criminal assessment // Russian criminological journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2017. V. 11. N 1. P. 5–12. (In rus)
2. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Current problems of counteraction to crimes of extremist orientation // Russian criminological journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2018. V. 12. N 4. P. 561–571. (In rus)
3. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. A problem of fight against extremism in the conditions of information war // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 4. P. 14–30. (In rus)

4. Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Sociolinguistic markers of the extremist text // Humanitarian vector [Gumanitarnyi vector]. 2015. N 4. P. 107–113. (In rus)
5. Extremism in the modern world: the monograph / under the editorship of A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov. SPb. : publishing center of NWIM of RANEPA, 2018. 444 p. (In rus)

About the author:
Sergey Yu. Kashkin, Head of the Chair of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; eul07@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала https://www.acjournal.ru предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:
   - электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
   - Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: https://www.acjournal.ru

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD —аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названия статьи.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты Results (*Результаты*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Discussion (Обсуждение)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Ссылки (список литературы)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещённый в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А.В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г.Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ ***статьи в научных сборниках***:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ ***публикации в многотомных изданиях***:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ ***статьи в научных журналах:***

1. *Кириленко В.П., Дронов Р.В*. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В.А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ ***статьи в газетах:***

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ ***правовые акты:***

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ ***архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):***

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ ***электронные ресурсы оформляются следующим образом:***

1. Манойло А.В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2016).
2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2017).

2018. № 11(119)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.11.2018.
Подписано к печати 15.11.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,64. Тираж 200 экз.
Заказ № 11/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97